

Фарли Моуэт

Не кричи, волки!

Spellchecked by Олег Царьков (1 Oct 1998)

Посвящается Ангелине

[1](#) — [2](#) — [\[фрагмент текста утерян\]](#) — [3](#) — [4](#) — [5](#) — [6](#) — [7](#) — [8](#) — [9](#) — [10](#) — [11](#)
[12](#) — [13](#) — [14](#) — [15](#) — [16](#) — [17](#) — [18](#) — [19](#) — [20](#) — [21](#) — [22](#) — [23](#) — [24](#)

1

Долгие годы и большое расстояние разделяют ванную комнату моей бабушки в Оквилле (Онтарио) и волчье логово в тундре центрального Киватина. В мои намерения не входит описание всего жизненного пути, лежащего между этими крайними точками. Но у всякого рассказа должно быть начало, поэтому историю моего житья-бытья среди волков следует начинать с бабушкиной ванной.

В пятилетнем возрасте я не обнаруживал ни малейших признаков будущего призвания, хотя у большинства одаренных детей они появляются значительно раньше. Возможно, именно огорчение, вызванное моей неспособностью хоть как-то проявить себя, побудило родителей отвезти меня в Оквилль. Там они подкинули незадачливого сына бабушке с дедушкой, а сами укатили отдыхать.

В оквилльском доме, носившем название "Живая изгородь", царил дух необычайной чопорности, и я там чувствовал себя не в своей тарелке. Мой двоюродный брат, постоянный обитатель дома, был немногим старше меня, но он уже твердо выбрал для себя профессию военного — собрал огромную армию оловянных солдатиков и целеустремленно готовился стать вторым Веллингтоном. Моя полная непригодность к роли Наполеона так его разозлила, что последовал разрыв всяких отношений между нами, если не считать самых официальных.

Моя бабка, валлийская аристократка, так никогда и не простившая мужу его скобяной торговли, относилась ко мне вполне терпимо, но я никак не мог преодолеть страха перед ней. Впрочем, ее боялись все, включая дедушку, который давненько нашел спасение в притворной глухоте. Целые дни дед проводил в большом уютном кожаном кресле, спокойный и невозмутимый, словно Будда, недоступный житейским бурям, пронесившимся по коридарам "Живой изгороди". Однако могу поклясться, что он отлично слышал слово "виски", даже сказанное шепотом за три этажа от его комнаты. В этом доме для меня не нашлось душевного друга, и я стал повсюду бродить один, решительно отказываясь расходовать энергию на что-либо полезное; именно тогда и так неожиданно проявились мои будущие наклонности.

Однажды жарким летним днем я бесцельно брел вдоль сильно петлявшего ручейка, как вдруг вышел к пересохшей заводи. На дне ее, чуть прикрытые зеленым илом, лежали при последнем издыхании три вьюна. Рыбки заинтересовали меня. Палкой я вытащил их на берег и с нетерпением стал ждать, когда они заснут, но вьюны никак не хотели умирать. Только я решал, что они уже окончательно мертвы, как вдруг широкие, безобразные рты открывались еще для одного вздоха. Столь упорное

нежелание подчиниться судьбе так потрясло меня, что я нашел консервную банку, положил туда вьюнов, прикрыл илом и понес домой.

Рыбки начинали мне нравиться, и я страшно захотел узнать их поближе. Только вот вопрос — где их держать? Стиральных корыт в "Живой изгороди" нет; есть, правда, ванна, но пробка плохо подходит и не держит воду. Настало время ложиться спать, а я все еще не решил проблему, хотя и понимал, что даже такие стойкие рыбы вряд ли выдержат целую ночь в консервной банке. Не найдя приемлемого выхода, подгоняемый отчаянием, я пошел на все и решил пустить рыбок в унитаз бабушкиного старомодного туалета.

Я был тогда слишком мал и не мог понимать всех специфических особенностей, которые присущи старости. Одна из них и послужила непосредственной причиной неожиданного и весьма драматического столкновения между бабушкой и рыбами, происшедшего глубокой ночью.

Переживание оказалось слишком сильным и для бабушки, и для меня, и, вероятно, для вьюнов тоже. До конца своей жизни бабушка в рот не брала рыбы и, отправляясь в ночные странствия, неизменно вооружалась электрическим фонариком. Признаться, я так и не знаю, какой эффект это событие произвело на вьюнов, так как мой жестокий кузен безжалостно спустил воду, едва тревога улеглась. Что касается меня самого, то это происшествие послужило первым толчком к моему увлечению малыми тварями, которое сохранилось и поныне. Одним словом, приключение с вьюнами положило начало моей карьере натуралиста и биолога.

Так начался путь, который привел меня в волчье логово.

Мое увлечение животным миром вскоре перешло в настоящую страсть. Мне казалось, что и люди, разделяющие мою любовь к природе, тоже совершенно исключительные личности. Моим первым наставником был шотландец средних лет, который развозил лед и тем самым зарабатывал на жизнь, но страстно увлекался изучением млекопитающих. В раннем детстве бедняга перенес чесотку или еще какую-то другую болезнь; в результате у него вылезли все волосы. Возможно, именно из-за этой трагедии он ко времени нашей встречи целых пятнадцать лет своей жизни посвятил изучению влияния летней линьки на гоферов. Этот человек сумел настолько приручить пугливых зверьков, что свистом вызывал их из норок и не торопясь осматривал шерсть на спинках.

Не меньший интерес представляли ученые-биологи, с которыми мне довелось встретиться позже. Когда мне исполнилось восемнадцать, я целое лето вел полевые наблюдения под руководством весьма почтенного специалиста по млекопитающим. Семидесятилетний ученый оказался до отказа набитым всякими учеными степенями, причем своим высоким положением в мире науки был обязан главным образом неустанным исследованиям маточных рубцов у землероек. Да, этот уважаемый профессор крупного американского университета знал о матке насекомоядных больше кого бы то ни было другого. К тому же он мог бесконечно говорить на излюбленную тему. Мне никогда не забыть одного из вечеров, когда маститый ученый перед лицом весьма разнородной аудитории (состоявший из торговца пушниной, почтенной индейской матроны из племени кри и англиканского миссионера) разразился вдохновенным часовым диалогом о половых отклонениях у самок карликового крота. (Торговец в первый момент неправильно понял смысл лекции, но миссионер, привыкший к скучным проповедям, быстро разъяснил ему, в чем дело.)

Первые годы увлечения естествознанием пролетели незаметно. Но вот наступила пора зрелости, и стало ясно, что прежняя забава становится профессией. Кончились беззаботные дни общеобразовательной подготовки, когда можно было интересоваться сразу всеми областями естественной истории. Наступил момент, когда пришлось столкнуться с малоприятной необходимостью специализации. Я все это отлично понимал, и все-таки в начале университетского курса мне было очень трудно выбрать узкую стезю.

Одно время я всерьез собирался пойти по стопам одного приятеля, который специализировался в области скатологии (раздел биологии, связанный с изучением

экскрементов животных) и впоследствии стал весьма уважаемым скатологом Биологической службы США. Предмет показался мне довольно увлекательным, но все же не захватывал настолько, чтобы я мог посвятить ему всю свою жизнь. А кроме того, в эту область науки стремилось слишком много желающих.

Пожалуй, больше всего меня привлекало изучение животных в естественной среде. Я придерживался буквального смысла слова биология, что, как известно, означает изучение жизни, и был искренне озадачен тем, что мои сверстники бежали, как черт от ладана, от всего живого, радовались возможности укрыться в стерильной атмосфере лабораторий и корпеть там над мертвым материалом. В самом деле, в мое время в университете считалось немодным возиться с животными — не только с живыми, но и с мертвыми. Ученые-биологи зарылись в статистические и аналитические исследования, в то время как сама жизнь служила лишь пищей для вычислительных машин.

Неумение приспособливаться к новым течениям отрицательно сказалось на моей научной карьере. Все студенты очень рано приобрели различные непонятные специальности, которые они изобретали, исходя из теории, что единственному специалисту в редкостной отрасли нечего бояться конкуренции. Я же по-прежнему не мог переключиться с общего на частное. Приближался выпуск, и оказалось, что большинству моих однокурсников уже уготованы тепленькие местечки в исследовательских учреждениях. Только я не мог предложить ничего достаточно привлекательного для биологического рынка. Поэтому мне суждено было поступить на государственную службу.

Жребий был брошен в одно прекрасное зимнее утро, когда почтальон вручил мне вызов Службы изучения животного мира Канады. В нем сообщалось, что я принят на "щедрый" оклад в 120 долларов в месяц и должен немедленно явиться в Оттаву.

Пришлось подчиниться властному приказу и подавить в себе остатки мятежного духа. Ведь за годы учебы я превосходно усвоил, что иерархия в науке требует от своих служителей если не подхалимства, то уж, во всяком случае, полной покорности.

Через два дня я прибыл в открытую всем ветрам серую столицу Канады и в лабиринте темных коридоров вместительного здания отыскал Службу изучения животного мира. Там я представился главному маммологу, который оказался моим школьным товарищем. Увы, беззаботные дни детства миновали, и теперь предо мной сидел махровый чинуша, преисполненный чувства собственного достоинства. Ну, его, видно, ничем не проймешь! Я ограничился тем, что воздержался от изъявления своего глубочайшего почтения.

Мне предоставили несколько дней для так называемого ознакомления; по-моему, штука эта придумана, чтобы довести человека до безнадежного отчаяния и сделать его уступчивым. Во всяком случае, легионы ученых-педантов, которых я посетил в их мрачных, пропахших формалином каморках — там они бесконечные часы обрабатывают скучнейшие данные или сочиняют никому не нужные доклады, — отнюдь не вдохновили меня. За это время я твердо усвоил лишь одно: в отличие от бюрократической иерархии научная иерархия Оттавы больше смахивает на анархию.

Наконец наступил достопамятный день. Я был признан годным для инспекционного смотра и торжественно препровожден к заместителю министра. Должен признаться, я так растерялся, что назвал его просто "мистер". Сопровождавший меня начальник, побледнев от страха, мгновенно выставил меня из зала аудиенций и окольными путями провел в мужской туалет. Там он прежде всего присел на корточки и поочередно заглянул под двери всех кабинок, чтобы убедиться, что нас никто не подслушивает, а затем зловеще прошептал: "При обращении к заместителю министра никогда не смейте называть его иначе как "шеф" или, еще лучше, "полковник", в память об англо-бурской войне, в которой ему довелось участвовать!"

К слову сказать, военные звания в этом гражданском ведомстве считаются большим шиком. Все документы подписываются обязательно с указанием чина: капитан такой-то, лейтенант такой-то (если они исходят от младших чинов) или полковник имярек, бригадир имярек (если документ спускается сверху). Сотрудники, которым не

представилось случая приобрести хотя бы псевдвоенную профессию, вынуждены были сами сочинять себе подходящие звания: штаб-офицерские — для пожилых и субалтернские — для молодежи. К сожалению, не все относились к этому с должной серьезностью. Я знал одного новичка из ихтиологического отдела, который вскоре прославился тем, что докладную записку на имя шефа подмахнул следующим образом: "Д. Смит, исполняющий обязанности ефрейтора". Через неделю отчаянный юнец был уже на пути к самой северной оконечности острова Элсмир, где ему предстояло влачить жизнь изгнанника и заниматься изучением биологии девятииглой колюшки.

Легкомыслие не встречает благосклонного отношения в аскетически суровых канцеляриях. Мне пришлось убедиться в этом на собственном опыте, когда обсуждались вопросы снабжения моей экспедиции. На совещании присутствовало много важных людей, которым надлежало обсудить и утвердить список необходимого снаряжения. Это был солидный документ, согласно инструкции отпечатанный в пяти экземплярах и внушительно озаглавленный "заявка на материально-техническое снабжение полевых работ по волкам".

И без того взвинченный утомительными сборами в дорогу, я окончательно потерял голову, когда почтенное собрание перешло к обсуждению двенадцатого пункта этого ужасающего списка: Бумага туалетная, правительственный стандарт: 12 рулонов.

Резкое замечание представителя финансового отдела, что по этой статье возможна экономия, если полевая партия (состоявшая из меня одного) будет проявлять должную воздержанность, вызвало у меня истерический смехок. Правда, я почти моментально подавил его, но, увы, слишком поздно. Двое из присутствующих, старшие по званию — оба "майоры", — молча поднялись, холодно поклонились и вышли из комнаты.

Оттавское испытание подходило к концу, но его кульминационная точка была еще впереди. Как-то рано утром я был вызван в кабинет своего непосредственного начальника для заключительной беседы "перед отъездом в поле".

Шеф восседал за порытым пылью массивным письменным столом, на котором в беспорядке валялись пожелтевшие черепа сурков (со времени поступления в отдел — а это было в 1897 году — он занимался определением скорости разрушения зубов у этих грызунов). На стене висел портрет хмурого бородатого ученого; покойный основоположник школы по изучению млекопитающих неприязненно взирал на меня. Пахло формалином — этот запах ассоциировался с тошнотворным ароматом задних помещений похоронного бюро.

После длительного молчания, во время которого он рассеянно вертел в руках череп сурка, шеф наконец с чрезвычайной серьезностью приступил к инструктажу:

— Как вам известно, лейтенант Моуэт, проблема *Canis lupus* приобрела общенациональное значение. За один только прошлый год наше министерство получило не менее тридцати семи меморандумов от депутатов парламента, и все они от имени избирателей настойчиво требуют принять меры против волков. В большинстве случаев жалобы исходят от таких мирных и незаинтересованных общественных организаций, как рыболовные и охотничьи клубы. Что же касается деловых кругов, преимущественно крупных фабрикантов по производству боеприпасов, о их поддержка придает особый вес законным протестам избирателей, граждан нашей великой страны. Претензии сводятся к тому, что волки уничтожают оленей, поэтому наши сограждане все реже привозят с охоты богатую добычу.

— Вы, очевидно, знаете, — продолжал шеф, — что мой предшественник подготовил для министра справку, в которой резкое сокращение поголовья оленей объяснялось ростом числа охотников (по его данным, на каждого оленя приходится пять человек). Министр, поверив ему на слово, начал было зачитывать этот документ в палате общин, но его быстро заставили замолчать криками "Лжец!", "Волчий прихвостень!". Через три дня моему злополучному коллеге пришлось оставить государственную службу, а министр выступил в печати со следующим заявлением: "Министерство по делам Севера и ресурсам намерено сделать все возможное, чтобы положить конец

кровавой резне оленей, чинимой стаями волков. Предусмотрена широкая программа исследований этой жизненно важной проблемы с привлечением всех имеющихся в распоряжении министерства сил и средств. Население Канады может быть уверено, что правительство, членом которого я имею честь являться, примет все меры для устранения нетерпимого положения".

С этими словами шеф взял со стола самый крупный череп сурка и начал ритмически пощелкивать его челюстями, как бы подчеркивая значимость заключительных фраз:

— Вам, лейтенант Моуэт, предстоит осуществить этот великий подвиг. Вам надлежит немедленно отправиться в поле и энергично взяться за работу в духе лучших традиций нашего отдела. Помните, лейтенант Моуэт, волки — это ваша проблема!

Собравшись с силами, я встал по стойке смирно, при этом моя правая рука непроизвольно вскинулась вверх, и, лихо отсалютовав, выскочил из комнаты.

В тот же день я вылетел из Оттавы на транспортном самолете канадских военно-воздушных сил. Местом моего назначения пока был Черчилль на западном побережье Гудзонова залива, но значительно дальше, где-то в пустынных просторах субарктических Бесплодных земель, меня ждала конечная цель — встреча с волками.

[Бесплодными землями (Barren Lands или Barren Grounds) в Канаде принято называть районы тундры.]

2

Раасказы о моей миссии вызывали либо настороженное недоверие, либо заговорщическое подмигивание. А между тем я вовсе не стремился к нарочитой уклончивости. Просто я руководствовался приказом, врученным мне перед отъездом из Оттавы:

"Тотчас по прибытии в Черчилль вам надлежит зафрахтовать самолет и следовать дальше в соответствующем направлении на нужное расстояние. Вы должны организовать базу в том месте, где с уверенностью можно рассчитывать на достаточное количество волков и где будут вполне благоприятные условия для работы."

Тон приказа был весьма решительный, однако в нем явно отсутствовали конкретные указания. Ничего удивительного, что добрая половина населения Черчилля решила, что я принадлежу к банде грабителей золота, тогда как другие увидели во мне старателя какого-то неведомого прииска, затерянного в бескрайних просторах тундры. Позднее на смену этим версиям пришла третья, еще более захватывающая. По возвращении в Черчилль после длительного отсутствия я с изумлением узнал, что, оказывается, все эти месяцы плавал на льдине вокруг Северного полюса и следил за деятельностью группы русских, дрейфовавших рядом на своем плавучем поле. Оба бидона для спирта или, как здесь полагали, с водкой предназначались якобы для того, чтобы развязать языки томимых жаждой русских и выведать у них самые сокровенные секреты. Двухмоторный транспортный самолет, рассчитанный на тридцать пассажиров, был так забит моим снаряжением, что в нем едва хватило места для меня самого и членов экипажа. Пилот, симпатичный лейтенант с усами, загнутыми точно велосипедный руль, с изумлением наблюдал за погрузкой. Он знал лишь, что я правительственный агент и направляюсь в Арктику с каким-то специальным заданием. Выражение любопытства на его лице усиливалось по мере того, как в кабину стали запихивать необычный багаж: три большие связки лязгающих волчьих капканов и среднюю секцию разборной лодки, которая походила на ванну с отрезанными концами. (Благодаря существовавшим в отделе порядкам носовая и кормовая части каноэ были отгружены другому биологу, который изучал гремучих змей в безводной пустыне южного Саскачевана!)

Затем на борт приняли мое оружие — две винтовки, револьвер с кобурой и поясом-патронташем, два дробовика и ящик со слезоточивыми гранатами; последние предназначались для того, чтобы выгонять волков из их логовищ под верный

выстрел. Тут же были два больших генератора дыма с броской надписью: "ОПАСНО!" Предполагалось, что с их помощью я смогу подать сигнал бедствия, в случае если заблужусь или попаду в безвыходное положение (например, буду осажден волками). Грозный арсенал завершался ящиком, в котором находился "истребитель волков" — дьявольское изобретение, посылающее заряд цианистого калия прямо в пасть хищника, если тот попытается отведать приманку.

Затем последовало научное снаряжение, включающее два двадцатилитровых бидона, при виде которых брови пилота вовсе ушли под козырек фуражки. На бидонах значилось: абсолютный спирт для консервирования желудков.

Наконец вереницей потянулись палатки, примусы, спальные мешки, связка из семи топоров (до сих пор не понимаю, почему именно семь? Ведь я ехал в совершенно безлесную страну, где и одного топора более чем достаточно!), лыжи, снегоступы, собачья упряжь, радио (приемо-передатчик) и бесчисленное количество ящиков и тюков, содержимое которых даже для меня было совершенной загадкой.

Когда все было уложено и надежно закреплено веревками, пилот, второй пилот и я кое-как перелезли через гору груза и втиснулись в кабину.

Летчик, привыкший по службе к военным тайнам, сумел подавить жгучее любопытство, вызванное непонятным назначением столь странного снаряжения, и ограничился мрачным замечанием:

— Вряд ли эта старая корзина взлетит с такой уймой всякой всячины на борту.

По правде говоря, я тоже сильно сомневался, но самолет с невероятным грохотом скрипом все же оторвался от земли.

Полет на север продолжался долго и не был богат событиями, если не считать того, что над заливом Джеймса заглох один мотор и остальной путь мы летели на небольшой высоте в довольно густом тумане. Эти "мелкие" неприятности временно отвлекли пилота от раздумий о том, кто же я такой и для чего послан. Но едва мы приземлились в Черчилле, как его прорвало.

— Конечно, это не мое собачье дело, — начал он извиняющимся тоном, пока мы шагали к ангару, — но, бога ради, дружище, в чем дело?

— Ничего особенного, — бодро ответил я, — просто мне предстоит провести годик-другой в компании волков, вот и все!

Пилот состроил гримасу — точь-в-точь как мальчишка, которого выбрали за назойливость.

— Виноват, — пробормотал он покаянно, — ведь знаю, что никогда не надо спрашивать.

Но не только экипаж самолета проявлял повышенный интерес к моей персоне. В Черчилле все мои попытки договориться о случайном самолете, который забросил бы меня в глубь тундры, ни к чему не привели. Не помогли ни правдивые объяснения целей экспедиции, ни честное признание того, что я и сам не ведаю места высадки. Ответом было либо

[фрагмент текста утерян]

После того как эта сногшибательная версия облетела город, я стал местной знаменитостью. Но все это случилось гораздо позже, а сейчас, впервые прилетев в Черчилль, я уныло шагал на пронизывающем ветру по улицам города, доверху засыпанного снегом. Тщетно обивал я пороги в поисках летчика, который согласился бы доставить пассажира в неизвестном направлении. Я еще не стал героем, и никто не хотел помочь незнакомому чужаку.

После долгих поисков мне наконец удалось найти пилота, летавшего на древнем как мир "Фэйрчайлде", поставленном на лыжи. Он зарабатывал на жизнь перевозкой трапперов в дальнюю тундру в уединенные промысловые избушки. Когда я выложил перед ним, что от него требуется, он рассвирепел:

— Послушай, малый, — заорал он, — только психи нанимают самолет неизвестно куда и только психу может взбрести в голову, что парень вроде меня всерьез поверит,

будто ты хочешь пожить бок о бок со стаей волков! Поищи-ка себе другого воздушного извозчика, понял? Мне некогда валять дурака!

Нужно же было такому случиться, что в Черчилле, этом унылом городишке лачуг, в тот момент не оказалось других воздушных извозчиков, хотя незадолго до моего приезда их было трое. Один из них немного не рассчитал, когда садился на лед Гудзонова залива в надежде подстрелить белого медведя. В итоге медведь оказался единственным оставшимся в живых участником охоты. Второй летчик находился в Виннипеге, где надеялся подсобрать денег на покупку нового самолета — у прежнего при взлете отвалилось крыло. Ну, а третьим был, разумеется тот, которому "некогда валять дурака".

Поскольку я оказался бессильным выполнить приказ, мне не оставалось ничего иного, как запросить по радио из Оттавы новые распоряжения. Ответ пришел быстро — через каких-нибудь шесть дней.

НЕ МОЖЕМ ПОНЯТЬ ВАШИХ ЗАТРУДНЕНИЙ ТЧК ИНСТРУКЦИИ СОВЕРШЕННО ЯСНЫ ТЧК ПРИ ТОЧНОМ ВЫПОЛНЕНИИ ТРУДНОСТИ ИСКЛЮЧЕНЫ ТЧК ПОСЫЛАТЬ СЛУЖЕБНЫЕ РАДИОГРАММЫ В МИНИСТЕРСТВО ПО ИНСТРУКЦИИ СЛЕДУЕТ ЛИШЬ В ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ СЛУЧАЯХ И НИ ПРИ КАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ПОВТОРЯЕМ НИ ПРИ КАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ОНИ НЕ ДОЛЖНЫ ПРЕВЫШАТЬ ДЕСЯТИ СЛОВ ТЧК ЧЕРЕЗ ДВЕ НЕДЕЛИ ОЖИДАЕМ ОТЧЕТ О ПРОДЕЛАННОЙ РАБОТЕ И РАССЧИТЫВАЕМ ЧТО ЗА ЭТОТ СРОК ВЫ УСТАНОВИТЕ ТЕСНЫЙ КОНТАКТ С КАНИС ЛУПУС ТЧК РАДИОГРАММЫ ЗА СЧЕТ МИНИСТЕРСТВА НЕ ДОЛЖНЫ ПРЕВЫШАТЬ ДЕСЯТИ СЛОВ ЗПТ СЛЕДУЕТ ОГРАНИЧИВАТЬСЯ ТОЛЬКО ВАЖНЕЙШИМИ СООБЩЕНИЯМИ ИЗЛОЖЕННЫМИ ПРЕДЕЛЬНО СЖАТО ТЧК КАК ПОНИМАТЬ ЧТО У ВАС ТОЛЬКО ПОЛОВИНА КАНОЭ ТЧК СТОИМОСТЬ ВАШЕЙ РАДИОГРАММЫ БУДЕТ УДЕРЖАНА ИЗ ЖАЛОВАНЬЯ

Начальник отдела по растратам и хищениям

Ясно. Делать нечего — оставалось ждать возвращения пилота, уехавшего в Виннипег. Жил я в местном отеле — скрипучем сарае, сквозь его щели в ветреные дни наметало немало снега. Впрочем, других дней в Черчилле не бывает.

И все же я не бездельничал. В то время город был наводнен миссионерами, проститутками, полицейскими, торговцами спиртными напитками, трапперами, контрабандистами, скупщиками мехов и прочими весьма занимательными личностями. Все они оказались величайшими знатоками по волчьей части. Я беседовал то с одним, то с другим и старательно записывал все, что мне говорили. Таким путем я узнал совершенно изумительные факты, которые никогда еще не отмечались в научной литературе. Так, например, выяснилось, что, хотя, по единодушному мнению, в арктической зоне от волков ежегодно гибнет несколько сотен людей, волки никогда не нападают на беременных эскимосок. (Миссионер, сообщивший мне столь ценные сведения, был твердо убежден, что именно отвращением волков к мясу беременных женщин объясняется высокий коэффициент рождаемости у эскимосов. Впрочем, это обстоятельство является также результатом прискорбной склонности последних скорее заботиться о продлении рода, чем о спасении души.) Мне рассказывали также, что каждый четвертый год волки подвержены странной болезни, из-за которой напрочь сбрасывают шкуру. Пока им приходится бегать "голышом", они настолько беспомощны, что немедленно свертываются в клубок, если подойти к ним вплотную. По утверждению охотников, волки вскоре окончательно уничтожат оленьи стада — ведь каждый волк ежегодно режет несколько тысяч карibu, просто так, из кровожадности, тогда как ни один траппер и подумать не смеет о том, чтобы застрелить карibu, разве что в порядке

самозащиты. А одна женщина обогатила мои знания весьма странным сообщением: по ее словам, с тех пор как здесь создана американская авиационная база, количество волков перешло всякие границы, и теперь остается один выход - если тебя укусят, отвечать тем же.

Как-то один из моих собеседников, старый охотник, предложил мне отведать "волчьего коктейля", если уж я такой энтузиаст волководения. Я ответил, что выпивка как таковая меня не прельщает, но меня интересует все, что относится к волкам, поэтому я, как ученый, просто обязан попробовать, что это такое. Тогда старик привел меня в единственный в Черчилле пивной бар (который в обычных условиях я обходил бы стороной) и налил стаканчик. Напиток оказался адской смесью из бурды, известной в здешних местах по названию пива "Лось", и антифриза, добытого у солдат с авиационной базы.

Тотчас после крещения "волчьим коктейлем" я отправил простым письмом свой первый отчет о работе, который (к счастью для моей дальнейшей службы в министерстве) оказался совершенно не поддающимся расшифровке. Никто в Оттаве не смог в нем разобраться, поэтому отчет был признан верхом научной мысли. Я уверен, что это бредовое сочинение и по сей час хранится в архиве министерства и к нему обращаются правительственные специалисты, когда появляется необходимость проконсультироваться у эрудированного эксперта по волкам. Кстати, всего месяц назад я встретил одного биолога, которому довелось видеть отчет; по его уверениям, многие крупные ученые до сих пор считают, что это — последнее слово науки о *Canis lupus*.

За время вынужденного пребывания в Черчилле мне удалось не только собрать массу интереснейших сведений о волках, но и сделать самостоятельное открытие, которое, с моей точки зрения, имело весьма большое практическое значение: я обнаружил, если смешать лабораторный спирт с пивом упомянутой марки "Лось" (в равных частях), то получается напиток, который не уступит божественному нектару! Поэтому я спешно добавил к своим продовольственным запасам пятнадцать ящиков пива. Кроме того, я запасся достаточным количеством формалина — в нем, как подтвердит любой препарат, ткани мертвых животных сохраняются ничуть не хуже, чем в чистом спирте. А отпущенный мне спирт, право, жаль на это тратить!

3

В последних числах мая мне наконец удалось выбраться из осточертевшего Черчилля. Перед эти в течение трех суток бушевала пурга; на третий день, когда слепящие снежные шквалы свели видимость к нулю, над самой крышей отеля проревели моторы. Самолет плюхнулся на лед ближнего озера. Ветер едва не понес его дальше, но несколько человек, сидевших в пивном баре, в том числе и я, успели вовремя выскочить и ухватиться за крылья.

Это была донельзя изношенная двухмоторная учебная машина образца 1938 года, отработавшая все мыслимые сроки и в конце концов списанная военным ведомством на слом. Теперь эта развалина оживила в руках бывшего английского военного летчика, долговязого малого с ввалившимися глазами, одержимого манией открыть собственную авиалинию на севере Канады. Пилот вылез из своей скрипучей колымаги, которую мы с трудом удерживали на месте, и разматывая длиннющий светло-вишневый шарф, представился. По его словам, он летел из Йеллоунайфа, что находится в тысяче с лишним километров к северо-западу отсюда, в Пас.

— Ведь это Пас? — с надеждой спросил он.

Мы деликатно намекнули ему, что Пас лежит приблизительно в шестистах километрах к юго-западу. Однако такая неожиданность ничуть не обескуражила летчика.

— А, ладно — любой добрый старый порт хорош в шторм, — весело сказал он и в сопровождении своего медлительного бортмеханика направился вместе с нами в пивной зал.

За кружкой пива я горько пожаловался ему на свои невзгоды.

— Пустяки, — заявил летчик, внимательно выслушав меня, — завтра же поддадим газу и на старой колымаге доставим вас куда душе угодно. Что, если направиться на северо-запад? Это лучший курс для нас. Видите ли, я не доверяю своему компасу на других румбах. Полетим быстро и низко. Найдем массу волков, тогда — на посадку, и счастливо оставаться!

Он оказался хозяином своего слова. Правда, в ближайшие три дня улететь не удалось — во-первых, из-за очень низкой облачности, во-вторых, самолет, поставленный на лыжи, сильно "хромал" — протекал правый цилиндр гидравлического амортизатора шасси. С погодой мы, разумеется, ничего не могли поделать, но цилиндр-то можно заставить работать. Бортмеханик решил накачать его тюленьим жиром. Честно говоря, тек он по-прежнему, но все же самолет стоял прямо в течение двадцати минут, а затем валился на бок, как подстреленная утка.

На четвертый день собрались в путь. Самолет мог поднять лишь небольшой груз, и мне пришлось пожертвовать частью поклажи, в том числе никому не нужной ванной-каное. Вместо нее удалось выменять за галлон спирта брезентовую лодку, находившуюся в приличном состоянии. Пилот уверял, что сможет ее увезти, привязав под брюхо самолета.

Тогда я решился на дерзкий трюк. Естественно, что ящики с полюбившимся мне пивом "Лось" попали в кучу багажа, который был отложен как несущественный. Но мне пришло в голову обмануть этого славного парня. Ночью, посвятив себе электрическим фонариком, я убедился, что все пятнадцать ящиков отлично умещаются в брезентовой лодке. Когда я снова крепко притянул ее веревками к фюзеляжу, абсолютно никто не мог заметить, что в ней спрятан жизненно важный груз.

День нашего отлета выдался чудесный. Скорость ветра не превышала шестидесяти километров в час, снегопад прекратился. Взлетев в черном морском тумане, мы сразу потеряли из вида Черчилль и, развернувшись, пошли на северо-запад.

Правда, все произошло не так гладко. Во время недавней оттепели лыжи самолета сантиметров на пять ушли в снежную слякоть, а затем накрепко примерзли ко льду. Первые попытки взять разгон не увенчались успехом; оба мотора надсадно ревели на предельных оборотах, но самолет не трогался с места. Такое упрямство в одинаковой степени озадачило и летчика, и механика. И только после того, как из бара выбежало несколько завсегдаев, которые, стараясь перекричать адский грохот моторов, показывали на наши лыжи, мы поняли, в чем заключалась загадка. С помощью добровольцев из пивной нам удалось раскатать и освободить самолет. Но произошла очередная задержка — неисправный цилиндр успел осесть, и потребовалось зарядить его новой порцией тюленьего жира.

Освобожденный для разбега самолет вновь поразил своего хозяина — на этот раз он решительно отказывался подняться в воздух. Мы катили по маленькому озерку на полном газу, но никак не могли оторваться. В последний момент летчик резко рванул руль, самолет описал на лыжах крутую дугу, подняв тучу снега, которая чуть было не погребла нас, и мы, несколько озадаченные, оказались на месте старта.

— Чертовски странно, — пробормотал летчик, — самолет должен был взлететь, понимаете, должен! А, ладно! Снимем запасное горючее и облегчим вес.

Резервные бочки с бензином были взяты на борт для обеспечения обратного рейса до Черчилля, и по-моему выбрасывать их было несколько опрометчиво. Но так как командовал он, то мне оставалось только молчать.

После того как мы выгрузили запасное горючее, летчик с первой же попытки поднял машину в воздух, разумеется, предварительно накачав злополучный цилиндр. Но даже родная стихия не доставила самолету особого удовольствия. Скорее наоборот, он упорно отказывался подняться выше ста метров, а указатели оборотов обоих моторов неуклонно показывали примерно три четверти законной нормы.

— Нет никакой нужды забираться выше, — весело прокричал летчик прямо мне в ухо, — тогда не увидим волков! А ну-ка, откройте глаза пошире...

Вытянув шею, я тщетно пытался что-нибудь разглядеть сквозь мутный, исцарапанный плексигласовый иллюминатор. Самолет шел в густом сером облаке, порой даже скрывался конец крыла. Волков я не видел, никаких признаков волков. Мы жужжали уже около трех часов. С таким же успехом можно было провести их на дне бочки с черной патокой — впечатление от мира, расстилавшегося под нами, осталось бы таким же. Но вот летчик перешел в крутое пике и прокричал:

— Иду на посадку! Бензина осталось в обрез на обратную дорогу. Впрочем, под нами чудесная волчья страна. Волки что надо!

Мы вынырнули из-под облака в десяти метрах от земли и обнаружили, что летим над замерзшим озером в долине шириной около полутора километров, окруженной высокими скалистыми холмами. Ни секунды не колеблясь, летчик приземлился. И если раньше я сомневался в его летных способностях, то теперь мог только восхищаться его искусством — ведь он умудрился сесть на одну исправную лыжу! Только когда самолет почти окончательно потерял скорость, пилот осторожно поставил его на большую правую "ногу" и не стал глушить моторы.

— приехали, приятель, — весело сказал он, — вам выходить. И побыстрее. А то стемнеет, прежде чем мы доберемся до Черчилля.

Тут сонный на вид механик воспрянул духом, и мгновенно (во всяком случае, мне так показалось) все мое снаряжение очутилось на льду. Брезентовое каноэ отвязали от фюзеляжа и вновь до отказа накачали цилиндр амортизатора.

Увидев содержимое каноэ, летчик бросил на меня укоризненный взгляд.

— Не совсем честно, а? — спросил он. — Ну ладно, предположим, что вам без этого не обойтись. Хорошенький подвесок, ничего не скажешь! Как-нибудь осенью вернусь за вами, если эта старая колымага не развалится. Не унывайте! Вокруг полно эскимосов — они в любое время доставят вас в Черчилль.

— Большое спасибо, — смиренно пролепетал я. — Но не можете ли вы сказать, где я все-таки нахожусь — мне это понадобится для отчета.

— Весьма сожалею. Сам не очень-то уверен. Скажем, примерно в пятистах километрах к северо-западу от Черчилля. Достаточная точность? Но как бы то ни было, карты этих мест не существует... Счастливо!

Дверца кабины захлопнулась. Моторы взревели во всю мощь, как им и положено, самолет запрыгал по заслугам, нехотя поднялся и исчез в хмуром небе.

4

Я огляделся и увидел вокруг промерзшие холмы — их вершины были закрыты тучами, увидел широкую полосу торосистого льда и раскинувшуюся за долиной волнистую тундру, пустынную, без единого деревца. Да, кажется, я и впрямь попал в самую настоящую страну волков. Мне даже померещилось множество волчьих глаз, которые настороженно следят за мной. Я зарылся в гору багажа, отыскал револьвер и постарался критически оценить создавшееся положение.

Оно было не из блестящих. Правда, мне — это бесспорно — удалось проникнуть в самое сердце Киватинской тундры. Кроме того, создано даже некоторое подобие базы, хотя ее местоположение — на льду озера, вдали от берега — оставляет желать лучшего. Как бы то ни было, до сих пор я строго придерживался инструкции. Однако следующий пункт оперативного приказа явно противоречил реальным возможностям: 3, разд. С, п. iv.

Немедленно по организации постоянной базы вам надлежит, используя водные пути, отправиться на каноэ в широкий объезд окружающей территории с целью общего ознакомления и сбора достаточных статистических сведений о численности *Canis lupus* и области их распространения, а также для установления непосредственного контакта с изучаемым объектом...

Я и рад бы действовать согласно инструкции, но толстый лед под ногами вынуждал отложить плавание на каноэ по крайней мере на несколько недель, а, возможно, и навсегда. К тому же, лишенный других средств транспорта, я просто не знал, как

начать перевозку целой груды снаряжения на твердую землю. Что же касается "установления контакта с объектом изучения", то сейчас я вообще не ставил перед собой этой задачи, если только сами волки не проявят инициативы.

Как быть? Ведь инструкция составлялась специально для меня после консультации с Метеорологической службой. Там клятвенно заверили мое начальство, что к намеченному сроку моего прибытия в центральную тундру озера и реки "обычно" очищаются ото льда.

Еще в Оттаве я твердо усвоил правило: никогда не оспаривать сведений, исходящих от других отделов; ведь если полевые работы срываются из-за неверной информации, то виноватым все равно оказывается полевой работник.

В создавшемся положении оставался только один выход: несмотря на обескураживающий ответ на мою первую радиограмму, просить новых указаний из Оттавы.

Я мгновенно распаковал портативную радиостанцию и водрузил ее на штабель ящиков. Должен признаться, что раньше у меня как-то не хватало времени, чтобы ознакомиться с аппаратурой. Поэтому сейчас, перелистав приложенное руководство, я несколько растерялся: меня снабдили моделью, предназначенной для лесников, радиус ее действия в нормальных условиях не превышал тридцати километров. Тем не менее я присоединил батареи, поднял антенну и, согласно наставлению, принялся вертеть ручки и нажимать кнопки, словом — вышел в эфир.

По причинам, известным лишь министерству транспорта, которое выдает разрешения на переносные рации такого типа, мои позывные были "Дэзи Мей".

Несколько часов кряду несчастная Дэзи посылала отчаянные призывы в темнеющее полярное небо, но — ни шепота в ответ. Я уж совсем было согласился с приведенной в наставлении весьма скептической оценкой рации и собирался прекратить бесплодные попытки, как вдруг уловил слабый человеческий голос, едва слышный сквозь свист и треск в наушниках. Поспешно настроившись на волну, я с трудом разобрал несколько испанских слов.

Я понимаю, что мое дальнейшее повествование может вызвать недоверчивую улыбку читателей, но так как я сам абсолютно не смыслю в радиотехнике, то мне остается лишь привести объяснение, данное позднее одним экспертом. Добавлю также, что ни один рядовой биолог, и я в том числе, ни за что не сумел бы выдумать такой истории. Техническая сторона вопроса сводилась к загадочному явлению, известному по названию "прыжок волны": в результате определенного сочетания атмосферных условий маломощные радиостанции (особенно на Севере) иногда осуществляют связь на очень большое расстояние. Моя установка побила все рекорды. Станция, которую я поймал, принадлежала радиолюбителю в Перу.

Его английский язык был не лучше моего испанского, и прошло немало времени, прежде чем мы начали понимать друг друга. Но и после этого он остался при убеждении, что с ним говорят откуда-то неподалеку, с Огненной Земли. Я совершенно вымотался, пока наконец столкнулся с перуанцем. Он записал основной смысл моего сообщения и обещал переслать его в Оттаву по обычным каналам связи. Памятуя недавнее суровое предупреждение, я свел свое послание к десяти словам, которые были неправильно поняты в Перу и в довершение основательно перевраны при переводе. Во всяком случае, их оказалось вполне достаточно, чтобы, как мне стало известно впоследствии, вызвать переполох в официальных кругах.

Телеграмма пришла из Южной Америки и поэтому поступила не в мое министерство, а в министерство иностранных дел. Там лишь установили, что депеша, по-видимому, передана с Огненной Земли и, кажется, зашифрована. Срочно запросили министерство обороны, в котором никак не могли расшифровать код или хотя бы собрать какие-нибудь сведения о таинственном канадском агенте, засланном в район мыса Горн.

Клубок распутался совершенно случайно. Несколько недель спустя один из заместителей министра иностранных дел, завтракая с высокопоставленным

чиновником из моего министерства, рассказал ему нашумевшую историю и случайно упомянул, что загадочная депеша подписана каким-то ВАРЛЕЕМ МОНФЭТОМ.

С похвальной (хотя почти необъяснимой) проницательностью сановник признал меня наиболее вероятным автором радиограммы. Однако возникла новая, еще более волнующая загадка: кто разрешил мне отправиться на Огненную Землю? В результате полетели срочные радиограммы, адресованные мне через канадского консула в Чили, с требованием немедленно прислать объяснения в Оттаву. Ни одно из этих предписаний до меня не дошло. Даже если бы их направили по прямому пути, я бы их все равно не получил — ведь батареи радиации годились всего на шесть часов работы. До того как они окончательно сели, мне удалось принять только концерт легкой музыки из Москвы.

Но вернемся к моему повествованию.

К тому времени, когда я закончил разговор с Перу, совсем стемнело, и окружающие холмы, казалось, вплотную придвинулись ко мне. Волков пока не было, но они, как легко понять, в сильной степени занимали мое воображение, и когда вдали промелькнула какая-то тень, я сразу понял — это волки!

Напрягая слух, я уловил слабый, но взволновавший меня звук, который мгновенно узнал. Мне неоднократно приходилось слышать его и раньше, правда не в дикой местности, а в ковбойских фильмах. Тут не могло быть ошибки - это вой волчьей стаи, несущейся в бешеной погоне. Совершенно очевидно, что направляются они в мою сторону. Итак, мне, вероятно, удастся выполнить по крайней мере одно задание — я вот — вот "установлю контакт с изучаемым объектом".

Но радость от сознания верности долгу омрачилась целым рядом обстоятельств, среди которых не последнее место занимал тот факт, что в моем револьвере всего шесть зарядов, а я, хоть убей, не помню, куда засунул запасные патроны. Вопрос этот имел немаловажное значение: будучи весьма начитан по своей части, я знал, что число волков в стае колеблется от четырех до сорока. Более того, если судить по разнообразию голосов, я склонен был предположить, что эта стая насчитывает не менее четырех сотен хищников.

Полярная ночь вплотную надвинулась на меня, волки тоже вот-вот нагрянут. В темноте я, конечно, не смогу как следует определить ни их численности, ни тем более характера повадок. Поэтому я предпочел за благо спрятаться за перевернутую лодку, чтобы присутствие человека не слишком бросалось в глаза и не вызывало у животных тенденции к нетипичному поведению.

Как известно, один из основных принципов современной биологии заключается в том, что наблюдатель ни при каких условиях не должен допускать, чтобы его внимание рассеивалось. Вынужден, однако, честно признаться, что в сложившейся обстановке я так и не сумел сконцентрироваться надлежащим образом. Особенно меня беспокоила мысль о каноэ. Непрочная парусиновая лодка на тонком кедровом каркасе вряд ли выдержит грубое обращение, и тогда я останусь вовсе без средств передвижения.

Что же касается второго источника беспокойства, то его крайнюю необычность мне хотелось бы подчеркнуть особо как наглядное свидетельство нелогичности человеческого мышления при отсутствии должного дисциплинирующего контроля. Дело в том, что я поймал себя на горячем желании превратиться в беременную эскимоску!

Находясь под лодкой, я, разумеется, не мог видеть, что происходит снаружи, поэтому мне пришлось положиться на другие органы чувств. Я услышал, как стая примчалась на полном ходу, описала круг у груды моего снаряжения и кинулась прямо к каноэ.

Ужасающий вой, лай и визг почти оглушили меня; от невыносимого шума у меня начались галлюцинации — мне почудился среди общего рева хриплый человеческий голос: Звучал он примерно так:

СТОЙЧЕРТВАСПОБЕРИСУКИНЫДЕТИ!

Затем послышались удары, болезненный визг, и внезапно наступила удивительная тишина.

Я потратил годы, стремясь научиться делать правильные выводы из наблюдаемых явлений, но с подобной ситуацией столкнулся впервые. Это было выше моего понимания. Требовались дополнительные факты. С величайшими предосторожностями я глянул одним глазом в щель между планширом каноэ и льдом. Сперва ничего не было видно, кроме множества волчьих лап, но внезапно мое внимание приковала пара конечностей — единственная пара, которая явно не принадлежала волку. Мобилизовав все свои дедуктивные способности, я сразу же отыскал ответ, спокойно приподнял борт каноэ, высунул голову и уставился в смущенное, слегка испуганное лицо молодого человека, закутанного в оленьи меха. Вокруг него, грозно скалясь, сгрудились четырнадцать огромных, грозных эскимосских лаек, составлявших упряжку. Что же касается волков, то, признаюсь чистосердечно, их нигде не было видно.

5

Обидно, конечно, что первая встреча с волками вылилась во встречу с собаками, но судьба меня вознаградила.

Как оказалось, хозяин упряжки, сын эскимоски и белого, занимается охотой и живет в промысловой избушке всего в нескольких километрах отсюда. Это же идеальное место для моей постоянной базы!

Майк — так звали молодого охотника — был единственным человеческим существом, обитающим на площади в двадцать пять тысяч километров, если не считать горстки эскимосов (включая семейство его матери), которые жили в ста километрах к северу. Редкая удача! Можно не опасаться людской назойливости и спокойно проводить наблюдения над волками.

Поначалу Майк отнесся ко мне довольно сдержанно, чтобы не сказать - подозрительно. За все свои восемнадцать лет он не слышал, чтобы самолет сел в этой части полярной пустыни. Ему, правда, доводилось изредка видеть аэроплан, но очень высоко над головой, и каждый раз серебристые птицы пролетали мимо. Не удивительно, что он никак не мог представить, как это самолет, которого не было ни видно, ни слышно, высадил меня с кучей багажа на лед посреди озера.

С самого начала нашего знакомства Майк был склонен считать мое появление делом рук нечистого. От своего отца-торговца он почерпнул немало сведений об основах христианства и всегда был на страже против дьявольских козней. Однако на рискованные действия он так и не отважился.

Первые несколько дней Майк не выпускал из рук своего карабина и выдерживал приличное расстояние. Но стоило угостить его "волчьим коктейлем", как он отложил винтовку в сторону, решив, по-видимому, что, даже если я и в самом деле черт, соблазн слишком велик, чтобы ему противиться.

Вероятно, так и не придумав, что еще со мной можно сделать, Майк в первую же ночь привел меня в свою избушку. Построенная из жердей, крытая гниющими оленьими шкурами, она едва ли могла показаться дворцом, но для моих целей вполне годилась.

Перед отъездом из Оттавы начальство разрешило мне нанимать вспомогательных рабочих из местного населения при условии, однако, чтобы весь расход по этой статье не превышал трех долларов в месяц. Я немедленно заключил сделку с Майком и выдал ему официальную долговую расписку на десять долларов в оплату жилья на три месяца вперед, а также его услуг в качестве проводника и помощника. По сравнению с тем, как в подобных случаях рассчитывались с эскимосами правительственные учреждения, миссии и фактории, это была сказочная плата. Впрочем, я не сомневался, что наш финансовый отдел примирится с подобной расточительностью; должны же они учесть, что не будь здесь Майка, учреждение потерпело бы убыток в четыре тысячи долларов — такова стоимость экспедиционного снаряжения, которое неминуемо погибнет, едва растает лед на озере.

Правда, в ходе дальнейших событий мне показалось, что сделка с Майком носит несколько односторонний характер. Очевидно, Майк не совсем точно понял смысл принятых обязательств, но, во всяком случае, пока он перевез на собачьей упряжке весь мой груз к своему дому.

Последующие дни я был страшно занят распаковкой снаряжения и устройством походной лаборатории и волей-неволей оккупировал почти всю избушку. Мне было совершенно не до Майка, но все же я заметил, что он чем-то угнетен. Поскольку он казался молчаливым от природы (со всеми, кроме своих собак), а познакомились мы совсем недавно и вмешиваться в его личные дела мне было попросту неудобно, я не стал выяснять причину его дурного настроения, а попытался развлечь его и время от времени демонстрировал перед ним то одни, то другие приборы.

Казалось, они подействовали на его воображение, но желанного эффекта не произвели. Майк был по-прежнему озабочен, его удрученность даже усилилась. А после того как я показал ему цианистый "истребитель волков" и объяснил, что отравка убивает мгновенно, причем действует в ничтожном количестве, так что обнаружить ее почти невозможно, поведение Майка сделалось и вовсе ненормальным. Он повсюду стал таскать длинную палку и, прежде чем сесть за стол, весьма странным образом колотил ею по стулу и даже по тарелке с едой. Мало того, по утрам он начал выколачивать свою обувь и одежду.

В другой раз, когда я вытащил четыре сотни мышеловок, которыми собирался ловить мелких млекопитающих, чтобы по ним затем определять содержимое желудков волков, и объяснил, как вываривать скелеты леммингов для коллекции, Майк молча вышел из избушки и с тех пор решительно отказывался разделять со мной трапезу. Должен, однако, признаться, что такое поведение Майка не очень меня беспокоило. Обладая кое-какими познаниями в области психологии, я без труда распознал в нем симптомы замкнутости. Тем не менее я решил вывести его из состояния болезненной само углубленности.

Как-то вечером я заманил его в угол, где размещалась моя походная лаборатория, и с гордостью разложил перед ним набор блестящих скальпелей, хирургических ножниц, кюветок и прочих хитроумных инструментов, которыми намеревался пользоваться при вскрытиях трупов волков, оленей и других животных. Объяснять Майку, что такое аутопсия, было довольно сложно, поэтому я взял учебник патологии, открыл его на развороте с цветным изображением вскрытой брюшной полости человека и, пользуясь этим наглядным пособием, увлеченно продолжал свою лекцию, как вдруг почувствовал, что лишаюсь аудитории: Майк медленно пятился к двери, в его черных глазах нарастал ужас. Нетрудно было догадаться, что все только что мною сказанное истолковано им совершенно превратно. Я вскочил, пытаюсь разуверить его, но, испуганный этим движением, он повернулся и опрометью выбежал из избушки.

Я увидел его только на следующий день, когда вернулся из тундры, где ставил мышеловки. Он увязывал свои нехитрые пожитки, видимо, готовясь в дальний путь. Сдавленным голосом, торопясь и глотая слова, он пролопотал, что его настоятельно вызывают в становище эскимосов к больной матери, где ему, вероятно, придется задержаться. С этими словами он выбежал к собакам, которые были уже запряжены, и на бешеной скорости умчался в северном направлении. Меня очень опечалил отъезд Майка: ведь теперь я остался в полном одиночестве, один в окружении волков. С научной точки зрения, пожалуй, это даже неплохо, но жутковатая атмосфера, как при чтении "Собаки Баскервиллей", казалось, сгустилась вокруг меня в этой безлюдной, оголенной ветрами тундре.

Нужно сказать, что я еще окончательно не решил, каким образом следует знакомиться с волками. Мне очень хотелось, чтобы при первой встрече Майк представил меня. Но, что ни говори, болезнь матери, безусловно, важнее всех моих научных забот (хотя мне и сейчас невдомек, откуда Майк мог узнать, что его мать захворала).

Итак, первоочередную и самую тяжелую задачу — установить контакт с волками — мне пока не удалось решить, и я занялся подготовкой графиков и таблиц полевых работ. Программа их была детализирована до предела. Так, например, только в разделе "Брачные повадки" насчитывалась пятьдесят одна подтема, и каждая требовала глубокого изучения. К концу недели у меня кончилась бумага. Настало время выйти в поле!

Мне, как новичку, следовало, осваиваясь в тундре, соблюдать осторожность. Поэтому на первый раз я удовлетворился кольцевым маршрутом вокруг избушки в радиусе трехсот метров.

Эта экспедиция мне много не дала, если не считать находки четырех или пяти сотен оленьих скелетов; по существу, вся окружающая территория была точно ковром покрыта костями карибу. В Черчилле мне удалось выяснить, что трапперы никогда не стреляют в карибу — значит, их зарезали волки. Таков был трезвый научный вывод. Если принять, что норма убыли оленей одинакова во всем районе, то по обнаруженным скелетам можно судить, что только в Киватине волки губят в среднем двадцать миллионов оленей в год!

Прошло три дня после обескураживающей прогулки по кладбищу костей, прежде чем я смог выбрать время для следующей вылазки. Вооруженный винтовкой и револьвером, я прошел около километра, но волков не встретил. Зато с большим удивлением заметил, что плотность покрова из останков карибу уменьшается по мере удаления от промысловой избушки почти в геометрической прогрессии. Меня крайне озадачило, что волки выбирают место для страшной бойни почку-то поближе к человеческому жилью, и решил расспросить об этом Майка, если, конечно, когда-нибудь его увижу.

Тем временем в тундру пришла дружная, стремительная весна. Снег таял так быстро что замерзшие реки не успевали унести талую воду, и она поднялась метра на два над поверхностью льда. Наконец, лед с грохотом тронулся, но вскоре образовались заторы, и паводок затопил избушку, принеся с собой нечистоты, скопившиеся за долгую зимовку четырнадцати ездовых собак.

Постепенно заторы прорвало, и вода сошла, но избушка потеряла прежнюю прелесть, так как на полу остался отвратительный осадок. Поэтому я был вынужден разбить палатку на галечной гряде, чуть повыше избушки. Но заснуть мне той ночью помешали какие-то странные звуки. Я мгновенно сел в постели и внимательно прислушался. Звуки доносились с севера, из-за реки - какая-то смесь воя, хныканья и жалобных стонов.

Вскоре я разжал руку, которой схватил винтовку. Уж если научные работники чем и сильны, так это умением учиться на опыте: меня, например, дважды не одурачишь! Конечно, воеет лайка, и, по-видимому, молодая, я даже подумал, что это одна из собак Майка (у него, кстати, было три больших, но еще не выезженных щенка, которые бегали за упряжкой). Очевидно, пес заблудился, по следу вернулся домой и теперь молит о внимании и помощи. Я был растроган. Если щенок нуждается в друге-приятеле, пусть располагает мной! Я быстро оделся, сбежал к реке, вскочил в каноэ и стрелой помчался на другую сторону.

Щенок ни на минуту не прекращал горестных стенаний, и я уж совсем собрался откликнуться, но вовремя сообразил, что чужой человеческий голос спугнет его. Лучше подкрасться вплотную и ласково подманить бедняжку.

По силе доносившихся звуков можно было судить, что собака находится всего в нескольких шагах от берега. Но когда в тусклом полусвете я выскочил из лодки, персек полосу щебня и перебрался через галечные косы, звуки слышались все на том же расстоянии. Ясно — щенок отбегает, вероятно, боится меня. Чтобы не отогнать его, я старался двигаться бесшумно, даже когда жалобный вой прекратился и направление пришлось определять наугад. Впереди замаячила крутая гряда — вот поднимусь на нее и сразу увижу беглеца! Последние метры, оставшиеся до гребня, я прополз на животе (помогло искусство разведчика, приобретенное еще в бойскаутах) и затем осторожно приподнял голову — вот он, мой песик. Мы

столкнулись нос к носу. Нас разделяли каких-нибудь два метра. Он лежал, очевидно, отдыхая после минорного концерта. Мы молча уставились друг на друга. Не знаю, что происходило в его массивном черепе, но моя голова наполнилась роем тревожных мыслей. Прямо на меня пристально глядели янтарные глаза матерого тундрового волка; по-видимому, он был тяжелее меня и, бесспорно, гораздо лучше владел техникой боя без оружия.

Несколько секунд никто из нас не двигался, мы продолжали взглядом гипнотизировать друг друга. Волк первым разрушил чары. Прыжком, какой сделал бы честь даже русским танцорам, он взвился в воздух почти на метр и пустился наутек. Как утверждают учебники, волки могут развивать скорость до сорока километров в час, но этот волк, казалось, не бежал, а летел на бреющем полете. Через несколько секунд он скрылся из вида.

Моя реакция была не столь динамичной, но и я, несомненно, установил рекорд в беге по пересеченной местности. Переправляясь через реку, я так разогнал каноэ, что оно во всю длину выскочило на сушу, а затем бросился в избушку и запер дверь на засов. Я старался не обращать внимания на зловоние, которое поднималось от залитого нечистотами пола, и устроился на столе в надежде спокойно проспать до рассвета — к счастью, дни здесь стали по-весеннему ранними.

Ну и ночка! Зато теперь я имел полное право поздравить себя: наконец-то установлен контакт с изучаемым объектом — неважно, что встреча была мимолетной.

6

Уснуть не удавалось! Стол оказался слишком коротким и жестким, воздух в избушке чересчур спертым, а впечатления от недавней встречи с волком - необыкновенно яркими. Напрасно я пробовал "считать овец" — они неизменно превращались в волков, а это окончательно прогоняло дремоту. Когда же под полом заскреблась какая-то мышка, мне представилось, будто это волк принохивается под дверью, и тут уж окончательно стало не до сна. Отказавшись от дальнейших попыток, я зажег фонарь Майка и принялся ждать рассвета.

Перед моим мысленным взором возникли события прошедшего вечера. Удивительно, как много, несмотря на краткость встречи с волком, запомнилось подробностей! Волк предстал передо мной так отчетливо, будто я знал его (или ее) долгие годы. В память навсегда врезались массивная голова с пышным ошейником белой шерсти, короткие торчащие уши, рыжевато-коричневые глаза и седая морда. Живо запечатлелся образ волка, когда он ринулся прочь от меня: стремительный бег могучего хищника, ростом с небольшого пони; от него, казалось, так и веяло смертельной опасностью.

Чем дольше я раздумывал над событием, тем менее доблестным представлялось мне собственное поведение. Отступление было чересчур поспешным и, пожалуй, недостойным. Впрочем, я тут же утешил себя — ведь волк тоже держался не самым блестящим образом! На сердце сразу сделалось веселее; к тому же взошло солнце и бледным светом озарило суровый мир, лежавший за окном. Настроение у меня поднялось.

По мере того как разгорался рассвет, мне даже стало казаться, что я упустил редкий, возможно неповторимый случай. Видимо, мне следовало бежать за волком и постараться завоевать его доверие или по крайней мере убедить его в том, что я не питаю злобных намерений ни к нему, ни к ему подобным.

Канадские кукши, прилетающие ежедневно, чтобы порыться в отбросах перед домом, уже начали свою болтовню. Я разжег печку и приготовил завтрак. Затем уложил в рюкзак немного еды, проверил запас патронов, повесил на шею бинокль и, переполненный решимости, оправился исправлять вчерашнюю оплошность. Мой план был прост — я направлюсь прямо к тому месту, где лежал волк, отыщу его след и пойду по нему, пока не обнаружу зверя.

Поначалу дорога была тяжелой, каменистой; но удивительно, что мне понадобилось немало времени, чтобы преодолеть сравнительно небольшое расстояние. Но вот наконец и невысокая гряда, с которой я тогда его увидел. Дальше расстилалась болотистая тундра, там следы должны быть хорошо заметны. И, действительно, мне почти сразу посчастливилось обнаружить отпечатки лап на небольшом пространстве, поросшем бурым мхом.

Наверное, мне полагалось испытывать бурную радость, но я почему-то не обрадовался. По правде говоря, Эти первые в моей жизни волчьи следы оказались находкой, к которой я был совершенно не подготовлен. Одно дело прочитать в учебнике, что следы тундрового волка достигают пятнадцати сантиметров в диаметре, а другое — увидеть их непосредственно перед собой во всем их величии. Несомненно, это может охладить любой энтузиазм. Гигантские следы, при чуть ли не метровой длине шага, свидетельствовали о том, что преследуемое мной животное ростом не уступает серому медведю гризли.

Я внимательно изучал волчьи следы и, возможно, занимался бы этим еще немало времени, как вдруг обнаружил, что забыл свой карманный компас. Без компаса же забираться далеко в бескрайнюю тундру — чистое безрассудство. Огорченный, я вынужден был вернуться в избушку.

На том месте, куда я его положил, компаса не оказалось. В сущности, я хорошенько не помнил, где мог его оставить; не знаю даже, попадался ли мне компас после отъезда из Оттавы. Что и говорить, положение не из приятных. Чтобы не терять времени зря, я взял с полки одно из руководств, которыми меня щедро снабдили перед отъездом, и углубился в главу, посвященную волкам. Разумеется, мне не раз случалось заглядывать в нее и прежде, но некоторые важные факты как-то ускользали из памяти. Теперь же, когда мне воочию удалось увидеть волчьи следы, способность восприятия значительно обострилась, и я перечитал главу с особым интересом и глубоким пониманием дела.

Тундровый волк, как сообщал автор руководства, является самым крупным из многочисленных подвидов *Canis lupus*. Максимальный вес измеренных экземпляров 7 килограммов; длина от носа до кончика хвоста 260 сантиметров; высота до холки 105 сантиметров. Взрослый тундровый волк может съесть (а при удобном случае и съедает) 14 килограммов сырого мяса за один присест. Волчьи зубы "отличаются массивностью и с одинаковым успехом рвут и размалывают пищу. Это позволяет их владельцу раздирать на части самых крупных млекопитающих и дробить даже наиболее крепкие кости". Глава оканчивалась следующим кратким заключением: "Волк — свирепый и опасный хищник. Среди всех зверей, известных человеку, волк занимает одно из первых мест по тому страху и ненависти, которые он, с вполне достаточными основаниями, к себе внушает". Основания, правда, не приводились, впрочем, они оказались бы совершенно излишними.

Остаток дня я провел в размышлениях; надежда завоевать доверие волков порой начинала мне казаться чересчур оптимистической. Разумеется, продемонстрировать отсутствие злой воли с моей стороны несложно, но грош этому цена, если волки не ответят взаимностью!

На следующее утро я занялся чисткой "авгиевых конюшен" в избушке и во время уборки нашел компас. Положив его на подоконник, я продолжал работу, но солнце, отражаясь на медной крышке инструмента, блестело столь призывно, что я решился предпринять еще одну попытку и восстановить контакт волками.

На этот раз я продвигался вперед еще медленнее — на мне была винтовка, дробовик, револьвер, патронташ, небольшой топорик и охотничий нож, а также фляга с "волчьим коктейлем" (на случай, если я провалюсь в какой-нибудь ледяной поток).

Стоял жаркий день — весной в Арктике иногда выдаются деньки не менее знойные, чем в тропиках. Первые комары, словно герольды, возвещали о приближении несметных полчищ, которые скоро сделают пребывание в тундре поистине адской мукой. Я отыскал волчью тропу и решительно зашагал навстречу судьбе.

Следы вели прямо через огромное болото, но беда заключалась в том, что волчьи лапы увязали в нем всего на восемь-десять сантиметров, тогда как я проваливался на добрых тридцать сантиметров до мерзлого грунта. С трудом добрался я до галечной гряды, идти стало гораздо легче, но зато там я сразу потерял следы волка. Попытки обнаружить их вновь ни к чему не привели. Пристально оглядывая холодное царство тундры, безбрежное как море, я почувствовал себя безмерно одиноким. Ни рокота самолета, который нарушил бы немую тишину пустого неба, ни дальнего грохота проходящего поезда, от которого дрожала бы земля под моими ногами... Мертвое молчание! Только посвистывание невидимой ржанки свидетельствовало о том, что жизнь все-таки существует на этой голой, похожей на поверхность луны, земле.

Я отыскал нишу среди скал, покрытых лишайниками, втиснулся в нее и с аппетитом позавтракал. Затем, взяв бинокль, начал рассматривать пустынный ландшафт в надежде обнаружить хоть что-нибудь живое.

Прямо перед собой я увидел скованную льдом бухточку большого озера, на противоположном берегу — какое-то яркое пятно, выделяющееся среди однообразной окраски тундры. Это был желтый песчаный вал высотой около двадцати метров, который, извиваясь как гигантская змея, терялся вдаль. Такие узкие, вытянутые холмы, эскеры или озы, есть не что иное, как древние ложа исчезнувших рек, которые некогда (примерно десять тысяч лет назад) пробивали свой путь среди ледников, покрывавших всю область Киватин. Когда толщи льда растаяли, наносы отложились на поверхность земли, и теперь они являются почти единственными заметными чертами рельефа тундры среди однообразной унылой равнины.

Напрягая зрение, я внимательно осматривал оз, пробежал по нему биноклем, пока не заметил наконец какое-то движение. Расстояние было значительным, но мне показалось, будто кто-то, подняв руку над головой, машет из-за кромки вала. В сильном волнении я вскочил на ноги и пустился бежать к берегу залива. Теперь до песчаной насыпи оставалось не более трехсот метров; отдышавшись, я вновь прильнул к биноклю.

Замеченный мной предмет оставался на месте, но теперь он выглядел как боа из белых перьев, которым неистово размахивает кто-то, скрытый от меня гребнем. Это было совершенно необъяснимо, и ничто из постигнутого мной при изучении естественных наук сюда не подходило. Пока я изумленно таращил глаза, к первому боа присоединилось второе, тоже яростно махавшее, и вот оба медленно двинулись вдоль оза.

Мне сделалось не по себе — ведь это явление не поддавалось научному объяснению. В сущности я даже утратил интерес к непонятному зрелищу, считая, что оно скорее всего относится к компетенции психиатра, как вдруг совершенно неожиданно оба боа повернули ко мне. Они делались все выше и выше, пока не оказались хвостами двух волков, поднимавшихся на песчаный вал.

Оз значительно возвышался над берегом залива, где я находился, и я чувствовал себя выставленным напоказ, словно полуобнаженная красавица с рекламы нижнего белья. Стремясь сделатья как можно меньше ростом, я присел на корточки и уполз в скалы, где старался держаться поскромнее. Но беспокоиться было не к чему — волки не обращали на меня ни малейшего внимания. Они были слишком увлечены собственными делами, которые, как я с удивлением понял, в данную минуту сводились к игре в салки.

В это трудно поверить, но это так! Они возились как щенята. Тот из них, что поменьше ростом (вскоре появились конкретные доказательства, что это самка), был зачинщиком. Положив голову на вытянутые передние лапы и самым неблагоприятным образом подняв зад, волчица внезапно прыгнула на самца, который был много крупнее; я узнал в нем моего позавчерашнего знакомца. Пытаясь увернуться, тот споткнулся и упал. Волчица мгновенно оказалась наверху, больно теребя зубами его загривок, затем вскочила и бешено помчалась, описывая круги.

Волк поднялся на ноги и кинулся в погоню, но только ценой больших усилий сумел ее настичь и куснуть в спину. После этого роли вновь переменялись, и самка мчалась за самцом, возглавлявшим дикую гонку то вверх, то вниз, за насыпь и обратно; в конце концов оба волка потеряли равновесие и, сцепившись, покатались по крутому склону. Внизу они разделились, вытряхнули песок из шерсти и, тяжело дыша, встали мордой к морде. Самка поднялась на дыбы, буквально обняла самца передними лапами и начала прилизывать, как бы целуя, его своим длинным языком.

Самец с трудом переносил назойливые нежности и все время старался отвернуть голову, но тщетно. Я невольно проникся к нему состраданием; по правде говоря, столь бурное проявление страсти вызывало отвращение. Однако, собрав все свое мужество, волк терпел, пока ей не надоело. Отвернувшись, волчица вскарабкалась примерно на половину песчаного склона... и пропала.

Казалось, даже след ее исчез с лица земли. Я терялся в догадках, пока не навел бинокль на густую тень в складках оза, где видел ее в последний момент. Темное пятно оказалось входом в пещеру, или логовище; конечно же, волчица забралась туда.

Я был счастлив — ведь удалось не только установить местонахождение пары волков, но и, по милости судьбы, отыскать их логово! Позабыв о всякой осторожности, я бросился к ближайшему бугорку, чтобы оттуда получше разглядеть вход. После ухода подруги волк слонялся у подошвы оза и тотчас меня заметил. В три-четыре прыжка он взлетел вверх, остановился и с грозной настороженностью уставился на меня. Стоило мне только глянуть на него, и вся радость встречи мгновенно улетучилась. Нет, он больше не походил на игривого щенка, а превратился в великолепнейший механизм разрушения! Эта метаморфоза была столь устрашающей, что у меня застучали зубы о флягу, когда я собрался хлебнуть для успокоения нервов.

На сегодня хватит, решил я, не следует надоедать волчьему семейству, иначе, чего доброго, спугнешь их с насиженного места. Я счел за благо удалиться. Возвращение было нелегким — что может быть тягостнее, чем тащиться обратно по осыпающемуся под ногами щебню, да еще с поднятой выкладкой различных металлических изделий, принятых на вооружение в научных экспедициях!

Достигнув гряды, с которой впервые увидел волков, я бросил прощальный взгляд в бинокль. Самки по-прежнему не было видно, самец же спокойно лежал на песчаном гребне, вся его настороженность исчезла. Вот он встал, несколько раз покрутился на месте, как делают собаки, и улегся поудобнее, упрятав нос под хвост и явно намереваясь заснуть.

Убедившись, что он больше не интересуется моей скромной особой, я с облегчением вздохнул. Было бы настоящей трагедией, если бы мое нечаянное вторжение вспугнуло волков и лишило меня замечательной возможности наблюдать за животными, ради которых я так далеко забрался.

7

Явная индифферентность, которую проявил волк к моей особе, подстрекнула меня на дальнейшие действия — я решил на следующее утро вновь наведаться в волчье логово. На сей раз я взял с собой винтовку, револьвер и охотничий нож, а вместо дробовика и топорика прихватил сильную перископическую стереотрубу с треногой.

Стояло прекрасное солнечное утро; дул ветерок, прогнавший комаров. Добравшись до залива перед озом, я заметил примерно в четырехстах шагах от логовища торчащий обломок скалы; это позволило установить стереотрубу таким образом, что объектив будет направлен вверх гребня, а меня не будет видно. Используя военный опыт, я незаметно прокрался к наблюдательному пункту; ветер дул со стороны волков, а значит, можно ручаться — они даже не подозревают о моем присутствии.

Ну вот, все в порядке, труба установлена, и я навел фокус, но, к моему глубокому огорчению, волков нигде не видно. Прибор давал такое увеличение, что можно было различить отдельные песчинки в насыпи, но хотя я очень внимательно проверил

каждый сантиметр полуторакилометрового расстояния по обе стороны от логова, волки исчезли. К полудню от сильного напряжения у меня разболелись глаза и, что еще хуже, начались судороги. Невольно стал напрашиваться вывод: вчерашнее открытие — печальная ошибка и то, что я принял за логово, — простообыкновенная дыра в песке.

Какая досада, ведь без активного участия волков — грош цена всем сложным исследовательским планам и графикам, которые чья поторопился составить! В необозримых просторах тундры вероятность визуального наблюдения волковкрайне не велика, разве что случайно повезет (а на мою долю счастливых случаев и так уже выпало больше, чем положено). Я отлично понимал — мне так же трудно отыскать в этой безликой пустыне волчье логовище, как алмазные копи.

Огорченный неудачей, я продолжал бесплодные наблюдения; оз оставался пустым. От горячего песка начал подниматься нагретый воздух, потребовалось еще больше напрягать зрение. К двум часам дня я потерял всякую надежду, и я поднялся, разминая затекшие ноги.

Странное создание человек. Один одиношенок в утлом челноке в безбрежном океане или в дебрях дремучего леса он, оправляясь, делается необычайно чувствительным к тому, что его могут увидеть. В этот весьма деликатный момент только очень самоуверенные люди (степень надежности уединения роли не играет) способны не оглянуться.

Сказать, будто я ощутил только смущение, когда убедился, что нахожусь не один, было бы явным преуменьшением, так как прямо позади меня, в каких-нибудь двадцати шагах, сидели исчезнувшие волки.

Они расположились покойно и удобно, словно уже несколько часов провели за моей спиной. Самец, повидимому, немного скучал; но устремленный на меня взгляд самки был полон беззастенчивого, можно даже сказать похотливого, любопытства. Человеческая психика — забавная штука. Про других обстоятельствах я, вероятно, остолбенел бы от страха и вряд ли бы кто меня осудил. Но в этой необычайной ситуации первой моей реакцией было сильное возмущение. Я повернулся к волкам спиной и дрожащими от досады пальцами стал торопливо приводить в порядок свой туалет. Когда пристойность (если уж не достоинство!) была восстановлена, я закричал на волков со злобой, изумившей даже меня самого: — Кш-ш! Какого черта вам здесь нужно, вы... вы... бестыжие наглые твари! А ну — убирайтесь прочь! Волки испуганно вскочили, переглянулись, а затем пустились бежать вниз по склону к озу и вскоре исчезли, ни разу не оглянувшись.

С их уходом у меня наступила реакция. Сознание, что бог знает сколько времени волки сидели на расстоянии прыжка от моей незащищенной спины, вызвало такое потрясение, что мне не удалось закончить неожиданно прерванное дело. Страдая от морального и телесного перенапряжения, я поспешно собрал вещи и отправился домой.

В тот вечер я долго не мог собраться с мыслями. Казалось бы, можно радоваться — молитва моя услышана, волки выразили свою несомненную готовность сотрудничать. С другой стороны, меня преследовала назойливая мысль: кто же все-таки за кем наблюдает? Мне представлялось, что в силу видового превосходства, как представитель *Homo sapiens*, к тому же получивший солидную специальную подготовку, я имею законное право на пальму первенства. Но где-то в глубине души шевелилась смутная догадка, что превосходство это чрезвычайно шаткое и фактически это я нахожусь под наблюдением. Надо ли говорить, что подобные сомнения не способствовали моему самоутверждению.

Чтобы установить свою власть раз и навсегда, я решил на утро отправиться прямо на волчий вал, и внимательно осмотреть предполагаемое логовище. Добраться туда можно на каноэ-река уже очистилась, а на озере лед отогнало от берега сильным северным ветром. Каким чудесным было неторопливое плавание в залив Волчьего Дома — так я назвал это место. Ежегодный весенний переход оленей из лесов Манитобы в далекие равнины тундры, к озеру Дубонт, в полном разгаре. Из лодки я

видел бесчисленные стада карибу, пересекавшие болота и холмы. Когда я подплыл к озу, волков там не было — очевидно, они отправились промыслить оленя на завтрак. Я подвел каноэ к берегу и, обвешанный фотокиноаппаратами, оружием, биноклями и прочим снаряжением, старательно полез вверх, по осыпающемуся песку, к тому месту на склоне, где в прошлый раз исчезла волчица. Попутно мне удалось обнаружить неопровержимые доказательства того, что оз является если не пристанищем волков, то, во всяком случае любимым местом их прогулок. Поверхность всюду была густо усыпана калом и покрыта волчьими следами, которые во многих местах образовали хорошо проторенные тропинки.

Логовище находилось в маленькой ложбинке и было так замаскировано, что я бы прошел мимо, не заметив его, если бы не слабый писк, который привлек мое внимание.

Я остановился и увидел чуть ниже, в нескольких шагах, четырех небольших зверьков, с увлечением занимавшихся вольной борьбой.

Я не сразу сообразил, кто они такие. Толстые лисьи мордочки с маленькими ушками; туловища круглые, как тыквы; короткие кривые лапки и крошечные, торчащие вверх зачатки хвостиков — все это было так непохоже на волка.

Внезапно один из волчат почуял мой запах. Он прекратил попытку откусить хвост брата и поднял на меня дымчато-голубые глазки. Увиденное его заинтересовало. Волчонок вразвалку заковылял ко мне, но по дороге его укусила блоха — пришлось сесть, чтобы почесаться.

В этот момент, не далее чем в сотне шагов, послышался громкий, вибрирующий вой взрослого волка — сигнал тревоги.

Идиллия сменилась драмой.

Словно серые молнии, волчата исчезли в темном провале логова. Обернувшись, я оказался лицом к лицу с взрослым волком, от неожиданности потерял опору и начал сползать вниз по осыпающемуся склону, прямо к логовищу. Чтобы удержать равновесие, пришлось воткнуть винтовку дулом в песок. Она ушла глубоко и держалась довольно прочно, но выскочила, когда я, ухватясь за ее ремень, опускался все ниже. Я лихорадочно нащупывал кобуру с револьвером, но был так опутан ремнями от фотокамер и приборов, что никак не мог извлечь оружие. Вместе с растущей лавиной песка я промчался мимо входа в логовище, перемахнул через выступ, отходивший от главного гребня, и скатился по склону оза. Чудом — только благодаря сверхчеловеческой акробатике — мне удалось устоять на ногах. Я то нагибался вперед, как лыжник на трамплине, то откидывался назад под таким углом, что, казалось, позвоночник вот-вот не выдержит.

Да, это было зрелище! Когда я наконец остановился и смог оглянуться, то увидел на валу трех взрослых волков, чинно восседавших в ряд, словно в королевской ложе. Они внимательно смотрели на меня с выражением восхищения, смешанного с иронией.

И тут признаюсь, я потерял самообладание. С учеными это случается нечасто, но я ничего не мог с собой поделать! моему чувству собственного достоинства за последнее время были нанесены слишком тяжкие удары, и моя выдержка больше не соответствовала нагрузке. В порыве гнева я вскинул винтовку, но, к счастью, она была так забита песком, что выстрела не последовало.

Волки не проявляли никаких признаков беспокойства до тех пор, пока я не заплясал в бессильной ярости, тряся бесполезной винтовкой и посылая проклятия в их настороженные уши. Тут они обменялись насмешливыми взглядами и неслышно удалились.

Я тоже последовал их примеру — мое душевное состояние исключало возможность аккуратного выполнения научных обязанностей. Откровенно говоря, я вообще был ни на что не способен. Оставалось только поскорее вернуться в домик Майка и постараться найти забвению в бутылке "волчьего коктейля".

В ту ночь я долго и весьма плодотворно "совещался" с упомянутым напитком. По мере того как мои душевные раны затягивались под его исцеляющим влиянием, я

пересмотрел события последних дней. Несмотря на предвзятость, я вынужден был прийти к убеждению, что освященное веками общечеловеческое характере волка — чистая ложь. Трижды на протяжении недели моя жизнь целиком зависела от милости этих "беспощадных убийц". И что же? Вместо того чтобы разорвать меня на куски, волки каждый раз проявляли сдержанность, граничащую с презрением, даже когда я вторгся в их дом и, являл собой прямую угрозу детенышам.

Все это было совершенно очевидно, но как ни странно, я весьма неохотно расстался с дряхлым мифом. У меня не было желения его развеять - отчасти потому, что, став на новую точку зрения относительно волчьей природы, я боялся прослыть отступником. Признаюсь, немалую роль сыграло и следующее соображение: ведь моя правда восторгается, то эта экспедиция лишится лестной славы предприятия опасного, полного жутких приключений. И, наконец, не последнюю роль в моем упорстве сыграло еще одно обстоятельство: очень трудно было примириться с тем фактом, что тебя признают окончательным идиотом, причем не собратья-люди, а какие-то дикие звери.

Однако я устоял.

Наутро после ночного "собеседования" я чувствовал себя отвратительно физически, но духовно очистился — вступил в борьбу с дьяволом-искусителем и победил.

Я принял твердое решение: с этого часа пойду в волчье царство с открытым сердцем и научусь видеть и познавать волков не такими, как их принято считать, а такими, какие они есть на самом деле.

8

Вскоре с присущей мне основательностью я начал осуществлять принятое решение и перебрался к волкам. Для начала я устроил собственное логово неподалеку от волчьего, однако не настолько близко, чтобы мешать мирному течению их жизни. Ведь как-никак это я, чужак, к тому же не волкоподобный, вторгся к ним и мне казалось, что не следует слишком торопить события.

Покинув избушку Майка без всяких сожалений (чем теплее становились дни, тем сильнее в ней пахло), я разбил небольшую палатку на берегу залива, прямо против логовища. Лагерный инвентарь пришлось сократить до минимума: примус, котелок, чайник и спальный мешок — вот и все хозяйство. Никакого оружия я не взял (о чем иногда случалось пожалеть).

У входа в палатку установил большую стереотрубу, это позволило днем и ночью обозревать логовище, даже не вылезая из спального мешка.

В первые дни я отсиживался в палатке и лишь ненадолго выходил в случае крайней необходимости, да и то когда волков не было видно. Добровольное "одиночное заключение" понадобилось для того, чтобы звери привыкли к палатке и воспринимали ее просто как еще один бугор на весьма холмистой местности. Позже, когда от комаров не стало житья, я и вовсе перестал выходить из своего убежища (если не дул сильный ветер): ведь самыми кровожадными созданиями в Арктике оказались вовсе не волки, а несносные комары.

Предосторожности, принятые мной для сохранения покоя волков, оказались излишними. Если мне понадобилась неделя, чтобы трезво оценить характер волков, то они меня раскусили с первой же встречи. Не скажу, чтобы с их стороны наблюдалось явное неуважение к моей особе, но звери как-то умудрялись не только игнорировать меня, но и не обращать внимания на сам факт моего существования-признаться, это все-таки обидно.

По чистой случайности я раскинул палатку шагах в двадцати от одной из главных троп, по которой волки уходили на охоту и возвращались со своих угодий, лежавших на западе. Через несколько часов после моего переезда на тропе показался волк, державший путь к себе домой. Он возвращался с ночной работы, устал и стремился поскорее добраться до постели. Волк поднимался по тропинке, шедшей в гору, и

находился от меня не более чем в сотне шагов; голова его была опущена, глаза полускрыты, казалось он глубоко задумался.

Ничто в нем не напоминало то на редкость чуткое и осторожное существо, каким рисуетволка вымысел. Напротив, он был настолько чем-то поглощен, что, вероятно, так и не заметил бы палатку, хотя проходил совсем рядом с ней. Но я вдруг задел локтем чайник, и тот звякнул. Волк поднял голову и широко открыл глаза, однако не остановился и не прибавил шага. Быстрый взгляд искоса — вот и все, чем он меня удостоил.

Правда, я не стремился привлекать особого внимания, но от такого полного пренебрежения мне просто становилось неловко. На протяжении двух недель волки почти каждую ночь пользовались тропой, проходящей возле палатки, но никогда, если не считать одного памятного случая, они не проявляли ни малейшего интереса ко мне.

К тому времени, когда произошло упомянутое событие, я уже немало узнал о своих соседях. Выяснилось, например, что они вовсе не бродяги-кочевники, какими их принято считать, а оседлые звери, и к тому же хозяева обширных владений с очень точными границами.

Территория, составлявшая собственность наблюдаемой мной семьи волков, занимала свыше двухсот пятидесяти квадратных километров; с одной стороны она была отделена рекой, но в остальных направлениях не имела четких географических рубежей. Тем не менее границы существовали, и очень ясно обозначенные, разумеется, на волчий манер.

Тот, кто наблюдал, как собака на прогулке оставляет свои визитные карточки на каждом подходящем столбе, уже догадался, каким способом волки отмечают свои владения. Примерно раз в неделю стая совершает обход "фамильных земель" и освежает межевые знаки. Подобная заботливость в данном случае, очевидно, объяснялась наличием еще двух волчьих семейств, чьи "поместья" примыкали к нашему. Впрочем, мне ни разу не пришлось быть свидетелем разногласий или драки между соседями. Поэтому все дело, по-видимому, сводится просто к трагедии.

Так или иначе, но, убедившись в наличии у волков сильно развитого чувства собственности, я решил воспользоваться этим и заставить их признать факт моего существования. Как-то вечером, когда волки ушли на ночную охоту, я сделал заявку на собственный земельный участок площадью около трехсот квадратных метров, с палаткой в центре, который захватил отрезок волчьей тропы длиной примерно в сотню метров. Что-бы гарантировать действенность заявкт, я счел необходимым через каждые пять метров оставлять знаки владельца на камнях, покрытых мхом кочках и на клочках растительности — по всей окружности захваченной территории.

Застолбить участок оказалось труднее, чем я предполагал. На это ушла большая часть ночи; пришлось часто возвращаться в палатку и выпить невероятное количество чая. Но к утру, когда охотники обычно возвращались, все было готово. Чувствуя себя несколько изнуренным, я прилег в палатке в надежде немного отдохнуть и одновременно проследить за результатом.

Долго ждать не пришлось. В 8.14, как значится в моем дневнике наблюдений, из-за увала появился вожак стаи. Как всегда сосредоточенный, он, по своему обыкновению, даже не соизволил взглянуть в сторону палатки. Но, поравнявшись с местом, где граница моих владений пересекала его путь, влк резко остановился, словно наткнулся на невидимую преграду.

Нас разделяли каких-нибудь пятьдесят метров, и в бинокль мне было отлично видно, как выражение усталости сменилось у зверя сильнейшим замешательством. Осторожно вытянув нос, волк принюхался к одному из помеченных мною кустиков. Он, казалось, никак не мог сообразить, что следует предпринять. После минутной растерянности волк отошел на несколько шагов и только тогда наконец взглянул на палатку и на меня.

Это был долгий, изучающийся, очень внимательный взгляд.

Но после того как я добился своей цели и заставил волка обратить на себя внимание, мне в голову пришла тревожная мысль: не нарушил ли я по поведениюкакой-нибудь важный волчий закон и не придется ли теперь расплачиваться за собственную опрометчивость? Вот когда я пожалел, что не захватил с собой оружия, — взгляд волка становился все болеепристальным, глубоким и жестким.

Меня это начинало нервировать. Я и раньше-то не любил игры в гляделки, а тут еще против меня выступал такой мастер. Взгляд желтых глаз становился все свирепее, все злее; тщетно старался я принудить волка потупиться. Положение-хуже некуда. В отчаянной попытке выйти из создавшегося тупика я громко откашлялся и на какую-то долю секунды повернулся спиной к противнику, давая ему понять, что нахожу его бесцеремонную манеру — газеть на незнакомого человека — по меньшей мере невежливой, если не оскорбительной.

Волк, казалось, понял намек и немедленно перестал на меня тарашиться. Встав на ноги, он еще раз принюхался к моему знаку и, очевидно, принял решение. Быстро, с уверенным видом он начал систематический обход участка, который я застолбил для себя. Подойдя к очередному "пограничному" знаку, он обнюхал его разок-другой, затем старательно делал свою отметку на томже пучке травы или на камне, но с наружной стороны. Наблюдая за ним, я понял, в чем моя ошибка, вызванна невежеством: волк ставил свои знаки крайне экономно и смог проделать вест круг не разу не заправляясь, или, если слегка изменить сравнение, на одном баке горючего. Через каких-нибудь пятнадцать минут операция была закончена. Затем волк вышел на тропу там, где кончались мои владения, и рысцой пустился к дому, предоставив мне пищу для самых серьезных размышлений.

9

Моя небольшая территория, окруженная чужими владениями, была выделена с соблюдением существующих правил; волки признали ее самостоятельность и ни разу не нарушали границ. Иногда кто-нибудь из них мимоходом останавливался у демаркационной линии и освежал свою сторону пограничного знака. В свою очередь я, в меру сил и способностей, старался не отставать от соседей. Опасения за личную безопасность постепенно исчезли, и я смог все внимание уделять изучению зверей.

Очень скоро наблюдения показали, что волки ведут размеренный образ жизни, однако не являются рабами твердого режима. Во второй половине дня самцы отправляются на ночной промысел. Порой это происходит в четыре часа, но они могут и промедлить — до шести или семи часов вечера. В поисках добычи волки рыскают довольно далеко от логова, хотя, по-видимому, всегда остаются в пределах угодий, занятых семьей. По моим подсчетам, охотясь в нормальных условиях, волки до зари успевают сделать около шестидесяти километров. В трудные же времена им приходится покрывать еще большее расстояние — мне доводилось видеть, как самцы возвращались домой только после полудня. Остаток дня они спят, но на свой особый, волчий манер, то есть свертываются калачиком на пять-десять минут, после чего быстро встают, оглядываются и, повернувшись на месте разок-другой, снова ложатся.

Волчица и волчата обычно ведут дневную жизнь. Едва самец отправляется на вечернюю охоту, как самка скрывается в логове и почти не показывается, разве только чтобы глотнуть свежего воздуха, попить воды или наведаться в мясной тайник. Склады провианта заслуживают упоминания. Вблизи от логовища волки никогда не хранят пищи; сюда доставляется только такое ее количество, какое необходимо для немедленного потребления. Все излишки, добытые на охоте, волки сносят в тайник, расположенный метрах в восьмистах от логова, среди нагромождения валунов, и прячут мясо в расщелинах. Запасы предназначаются главным образом для питания кормящей волчицы, которая лишена возможности сопровождать самца в далекие охотничьи походы.

Я заметил, что тайником исподтишка пользовалась пара песцов, чья нора находилась неподалеку. Волки, разумеется, знали место расположения норы и наверняка замечали "утечку" продуктов, но ничего не предпринимали против воришек, хотя им не составляло труда выкопать и уничтожить их выводок. Песцы в свою очередь совершенно не боялись волков, и мне неоднократно доводилось видеть песца, тенью кравшегося по пятам волка, который никак на это не реагировал. Позже я пришел к выводу, что почти все волчьи логовища в тундре представляют собой заброшенные песцовые норы, впоследствии занятые и расширенные новыми хозяевами. Возможно, именно полезность песцов как землекопов и обеспечивает им неприкосновенность, но скорее всего терпимость проявление присущего им дружелюбия.

В течение дня, когда волки-самцы относятся к этому снисходительно, волчица довольно рьяно занимается домашним хозяйством. Волчата с визгом вырываются из опостылевшего заточения и тоже проявляют бурную активность, доводящую их до полного изнеможения. Круглые сутки что-нибудь да происходит; не удивительно, что мне почти не удавалось оторваться от стерео трубы. После двух суток непрерывных наблюдений я дошел до предела. Создалось безвыходное положение: спать я не решался, боясь пропустить что-нибудь важное, с другой стороны, я буквально валился с ног, в глазах двоилось, временами даже троилось. Впрочем, последнее обстоятельство, возможно, зависело от внушительного количества "волчьего коктейля", к которому я усердно прибегал, чтобы не заснуть.

Требовалось что-то предпринять, иначе рухнет намеченная программа исследований. Мне долго не долго не приходило в голову ничего путного, но как-то, глядя на одного из волков, мирно дремавшего на холмике у логова, я неожиданно нашел исключительно простое решение проблемы: мне следовало научиться спать как волки.

Однако выполнить задуманное удалось не сразу, сказывалось отсутствие сноровки. Я пробовал закрыть глаза и приказать проснуться через пять минут — ничего не вышло. Раз-другой мне действительно удавалось задремать на короткое время, но затем я засыпал по-настоящему и спал несколько часов кряду.

Вскоре я понял, в чем ошибка. Оказывается, необходимо было точно повторить все действия дремлющего волка. В конце концов я убедился, что свертывание клубком в начале и кружение в конце каждого периода дремоты - совершенно необходимое условие успеха. Чем это объясняется, я так и не знаю. Возможно, изменение положения тела усиливает кровообращение. Но зато я знаю совершенно точно, что серия коротких, но правильно, по волчьим правилам проведенных отрезков сна освежает куда лучше, чем то бесчувственное состояние, длящееся семь или восемь часов, которое у человека призвано удовлетворять потребность в отдыхе.

К сожалению, волчья дрема совершенно не подходит к условиям нашего общества, в чем мне пришлось убедиться на собственном опыте после возвращения в цивилизованный мир.

По мере того как я все глубже вовлекался в круговорот повседневных занятий волчьей семьи, мне становилось труднее сохранять к волкам безличное отношение. Несмотря на все старания подходить к ним с чисто научной объективностью, мне так и не удалось избежать влияния их индивидуальностей. Главу семейства я назвал Георгом в честь Царственного джентельмена, за которого я сражался в годы войны в качестве простого солдата и которого он мне очень напоминал. Правда, в полевых дневниках Георг значился просто как волк А.

Это был массивный серебристо-белый зверь с на редкость величественной осанкой. Он был на добрую треть крупнее своей подруги, но едва ли нуждался в таком большом росте, который лишь подчеркивал его властную уверенность. Георг умел держаться внушительно. Он обладал врожденным чувством собственного достоинства, однако ни в коей мере не чурался других. Снисходительный к ошибкам, заботливый и в меру любящий, он казался тем идеальным отцом семейства, какие нередко встречаются на страницах скучнейших семейных мемуаров, но чей

реальный прототип редко ступает по земле на двух ногах. Короче говоря, Георг относился к тому типу отца, которого охотно признал бы любой сын.

Его подруга также произвела на меня неизгладимое впечатление. Это была стройная, почти чисто-белая волчица с густым меховым боа вокруг шеи. Широко расставленные, слегка раскосые глаза придавали ей сходство с плутоватой девчонкой. Красивая, кипучая, страстная, сущий дьявол, если разозлится, — казалось бы, ее не назовешь воплощением материнства. И все же лучшей матери не сыщешь. Я поймал себя на том, что называю ее Ангелиной, хотя так и не отыскал в глубинах собственного подсознания никаких следов, объясняющих, откуда возникло это имя. Мне очень нравился Георг, я уважал его, но к Ангелине проникся глубокой любовью, и до сих пор лелею надежду когда-нибудь встретить женщину, в которой воплотились бы все ее достоинства.

Ангелина и Георг — нежнейшая супружеская пара, какую редко можно встретить. Насколько я знаю, они никогда не ссорились и с неподдельной радостью встречались даже после короткой разлуки. Они были страшно привязаны друг к другу, но увы, страницы моих дневников, предусмотрительно отведенные для детальных описаний брачных повадок волков, так и остались пустыми, насколько это касалось Георга и Ангелины.

Вопреки ожиданиям я обнаружил, что физическая любовь занимает в жизни волков каких-нибудь две или три недели — происходит это ранней весной, обычно в марте. Самки-девственницы (а все волчицы сохраняют невинность до двухлетнего возраста) спариваются в это время и в отличие от собак, которые многое переняли от своих хозяев, сходятся только с одним волком, которому остаются верны на всю жизнь.

Если фраза "только смерть разлучит нас" для большинства людей не более как жалкий обман в брачном договоре, то у волков это непреложный закон. Волки строго придерживаются единобрачия, и хотя восхищаться подобной добродетелью не обязательно, однако приписывать волкам крайнюю распущенность в половых связях по меньшей мере ханжество.

Я так и не смог установить, давно ли Георг и Ангелина составили супружескую пару, но позднее Майк рассказал, что видит их вместе по крайней мере лет пять (при пересчете на сравнительную продолжительность жизни волков и людей это равносильно тридцати годам). Майк и эскимосы легко, как старых знакомых, узнавали "в лицо" волков своего района, причем эскимосы (но не Майк) были о них столь высокого мнения, что и в мыслях не допускали убить волка или причинить ему какой-нибудь вред. Эскимосы хорошо знали не только Георга и Ангелину, но и остальных членов их семейства - место же, где находится их логово, известно охотникам свыше сорока, а то и пятидесяти лет, на протяжении которых многие поколения волков выращивали там свое потомство.

Поначалу меня совершенно сбивала с толку одна особенность, относящаяся к организации волчьей семьи. Во время прежних посещений логова я видел там трех взрослых волков. После того как я установил постоянное наблюдение за логовищем, мне вновь довелось несколько раз видеть "лишнего" волка. Он представлял абсолютную загадку, так как в то время мне казалось, что нормальная волчья семья состоит из самца, самки и детенышей. Я еще не успел в достаточной степени проникнуть в волчий мир, мне и в голову не могла прийти возможность существования у них извечного треугольника.

Третий волк, кем бы он ни был, внешностью и характером отличался от Георга-он был ниже ростом, менее подвижен и энергичен, с серым чепраком на белой шкуре. Едва я увидел его играющим с волчатами, как тотчас окрестил "дядюшкой Альбертом".

Шестое утро моего бодрствования выдалось ясным и солнечным. Ангелина с потомством не приминула воспользоваться хорошей погодой. С восходом солнца (в три часа утра)вся компания перебралась из логовища на ближайший песчаный холмик. Там волчата принялись обрабатывать мать с таким энтузиазмом, который любую женщину непременно довел бы до истерики. Правда, они хотели есть, но и

резвость была в них ключом. Двое волчат пытались оторвать материнский хвост, они рвали и драли его с такой яростью, что шерсть летела клочьями — двое других делали все, что только могли, чтобы оставить мать без уха.

Около часа Ангелина героически терпела пытку, затем, вся взъерошенная, попробовала защищаться: села на собственный хвост и спрятала истерзанную голову между лапами. Но где — накинулись на ее ноги, по одному на каждую. Моим глазам предстало жалостное зрелище: Ангелина, словно шаман, отгоняющий злых духов, изо всех сил пыталась одновременно прикрыть лапы, хвост и голову.

Наконец волчица не выдержала. Она отпрыгнула в сторону от своих мучителей и убежала на высокую песчаную гряду за логовищем. Четверо волчат весело помчались за ней, и тут Ангелина издала своеобразный крик.

Проблема общения волков между собой впоследствии чрезвычайно меня интересовала, но в данном случае я еще находился под влиянием широко распространенного заблуждения, что ни у одного живого существа, кроме человека, не существует развитой системы звуков для связи между собой. Пронзительному и тоскливому вою Ангелины трудно было дать определенное толкование. И все же я уловил в нем мольбу и почувствовал невольное сострадание секунды после ее *cri desoeur*, раньше чем налетела банда волчат, появился спаситель.

Им оказался тот самый, третий волк, он спал в ямке, вырытой в песке на южном склоне оза в том месте, где насыпь уходит под воду залива. Я и не подозревал, что он там, пока волк не поднял голову. Вскочив на ноги и отряхнувшись он рысью пустился наперерез волчатам, которых отделяла от матери последняя ступень склона. С захватывающим интересом следил и за тем, как он своим плечом опрокинул ближайшего волчонка на спину и спустил его в низ по откосу, легонько куснул другого за толстенький задок и погнал их всех к тому месту, которое, как мне удалось выяснить позднее, служило волкам площадкой для игр.

Не решаюсь вложить человеческую речь в уста волка, но все происходившее затем было настолько красноречиво, словно он сказал: "Если хотите потренироваться, ребята, то вот он я-ваш волк!".

И в самом деле, в течение последующего часа он с таким азартом возился с волчатами, будто сам был одним из них. Игры часто менялись, многие очень напоминали игры ребятишек, например пятнашки, которые особенно полюбились волчатам, причем Альберт всегда "водил". Прыгая, катаясь и носясь между волчатами, он умудрялся никогда не выскакивать за пределы детской площадки, но при этом задал малышам такую гонку, что они выдохлись.

Альберт мельком глянул на них, кинул быстрый взгляд на гребень эскера, где спокойно отдыхала Ангелина, бросился на землю посреди усталых волчат и перевернулся на спину, как бы приглашая малышей потренироваться в нанесении увечий. Волчата не заставили себя просить. Один за другим они поднимались и шли в бой. На сей раз воодушевление было полным, запрещенных приемов не существовало-во всяком случае, для них.

Волчата пытались задушить Альберта, но их маленькие, хоть и острые зубки не могли справиться с густой шерстью на груди старого волка. Охваченный приступом детского садизма, один волчонок повернулся задом к лежащему и принялся лапами швырять ему в морду тучи песка. Другие подпрыгивали вверх, насколько позволяли их маленькие, кривые лапки, и с глухим ударом шлепались на незащищенное брюхо Альберта. В промежутках между прыжками они пытались жевать любую уязвимую часть тела волка, какая только попадалась им на зубы.

Меня заинтересовало, сколько же он в состоянии выдержать. Очевидно, волк оказался чрезвычайно выносливым, во всяком случае, он дождался, пока волчата в полном изнеможении не свалились в крепком сне. Только тогда он поднялся и отошел от них, шагая осторожно, чтобы не наступить на маленькие тельца, раскинувшиеся на песке. Но и после этого он не вернулся в свою уютную постель (хотя, несомненно, заслужил отдых после нелегкой ночной охоты). Он уселся на краю

детской площадки, задремал, как дремлют волки, и часто поглядывал на спящих-тут ли они, не грозит ли им опасность.

Его подлинное место в волчьей семье по-прежнему оставалось загадочным, но стой поры в моих глазах он стал "добрым старым дядюшкой Альбертом".

10

Прошло несколько недель с начала полевых наблюдений, а я по-прежнему был далек от решения краеугольной проблемы: чем же питаются волки? А ведь это моя основная задача, так как получение ответа, нужного моим нанимателям, являлось, в сущности, целью экспедиции.

Карибу — единственные крупные травоядные, которые в значительном количестве встречаются в арктической тундре. В прошлом они были здесь так же многочисленны, как некогда бизоны в прериях, но за последние три-четыре десятилетия их поголовье катастрофически сократилось. По данным различных правительственных учреждений, полученным от охотников, трапперов и торговцев, главной причиной постепенного исчезновения карибу является их уничтожение волками. Поэтому деятелям министерства вкупе с учеными, организовавшими эту экспедицию, представлялось наиболее безопасным произвести на месте исследование взаимоотношения волк — олень. В результате предполагалось получить неопровержимые научные доказательства виновности волков, достаточные для широкой кампании по их истреблению.

Я занимался порученным делом, старательно искал улики, угодные начальству, но пока не нашел ни одной. И не было никакой уверенности, что найду.

К концу июня последние стада карибу прошли мимо залива Волчьего Дома, направляясь в дальнюю тундру, примерно за триста-пятьсот километров к северу, где они проводят лето.

Чем же будут питаться мои волки в течение долгих месяцев и чем они собираются кормить своих вечно голодных волчат? Во всяком случае, не оленьим мясом. Ведь карибу ушли! А если не оленьим, то чем же?

Перебрал в уме все возможности, я так и не сумел найти источника пищи, который был бы в состоянии удовлетворить аппетиты трех взрослых волков и четырех волчат. Кроме меня самого (а эта мысль неоднократно приходила мне в голову) вокруг не осталось подходящей дичи для волка. Правда, здесь водятся полярные зайцы, но в ничтожно малом количестве, а кроме того, они так быстры на ногу, что волку их не поймать, разве что на редкость повезет. Тундрянок и других птиц множество, но они умеют летать, а волки нет. Озера и речки изобилуют гольцом, хариусом и сигом, но волки-не выдры.

Дни шли, а тайна все сгущалась. Волки выглядели хорошо упитанными, и это делало загадку еще более непостижимой. Но окончательно сбивало меня с толку, доводя чуть не до умопомешательства, следующее обстоятельство: каждый вечер оба самца уходили на охоту и возвращались под утро, но никогда ничего не приносили.

Насколько можно было судить, все семейство жило на диете, состоящей из воды и воздуха. Движимый растущей тревогой за их благополучие, я отправился в избушку, испек пять караваев хлеба, притащил их на берег залива и положил возле одной из волчьих охотничьих троп. Но мой дар отвергли. Более того — осквернили. А возможно, Дядюшка Альберт, который нашел хлеб, принял каравай за новые пограничные знаки, поставленные мной, и просто обошелся с ними соответствующим образом.

Примерно тогда же начались неприятности с мышами. Огромные просторы торфяных болот служили идеальным обиталищем для нескольких видов мелких грызунов, которые могли вволю рыть там норы и устраивать гнезда в готовой моховой подстилке.

Они занимались также другими делами и, по-видимому, весьма усердно, и когда июнь сменился июлем, вся тундра, казалось, ожил-так густо она покрылась

маленькими зверьками. Среди грызунов преобладали лемминги, широко известные своей склонностью к самоубийству, но которых скорее следовало бы прославить за совершенно не вероятную способность размножаться. Нашествия грызунов-красных полевок и полевок-экономок — в избушку Майка вскоре приобрели такие масштабы, что, судя по всему, мне грозил голод, если не положить этому конец. Вот уж кто не побрезговал моим хлебом! И моей постелью тоже — проснувшись в одно прекрасное утро, я обнаружил на подушке спального мешка одиннадцать голых полевок. Тут-то я понял, что должен был чувствовать египетский фараон, когда воспротивился богу израилеву.

Видимо, только из-за твердо установившейся доктрины о волках, такой логичной и такой неверной, мне потребовалось длительное время, чтобы объяснить благополучное состояние волков при полном отсутствии дичи (сколько-нибудь соответствующей их репутации и физическим данным). Сама мысль о том, что волки не только едят полевок, но даже процветают и выращивают потомство на этой "174 диете", настолько противоречива общепринятой, но вымышленной характеристике волка, что казалось совершенно нелепой. И все же именно в этом заключался ответ на мучивший меня вопрос: чем волки ухитряются набивать свою утробу?

Ключом к разгадке послужило непонятное на первый взгляд поведение Ангелины.

Как-то под вечер, когда самцы отдыхали перед ночной охотой, волчица вышла из логова и принялась обнюхивать Альберта до тех пор, пока он не зевнул, потянулся и нехотя поднялся. Тогда она побежала по направлению ко мне через заросшее травой болото, оставив волчат на попечение Альберта.

В этом не было ничего нового. Мне неоднократно приходилось наблюдать, как верный Альберт (а иногда и Георг) исполняет обязанности няньки, когда сама Ангелина убегает к заливу напиться или, как я ошибочно полагал, просто размять ноги. Обычно в таких странствиях волчица забиралась в самую дальнюю от палатки часть побережья и скрывалась за невысокой галечной косой. Но на этот раз она направилась прямо в мою сторону и оказалась вся на виду, поэтому я навел стерео трубу и стал наблюдать.

Волчица выбежала на каменистый берег, вошла по грудь в ледяную воду и долго пила. В это время небольшая стайка уток вылетела из-за мыса и села в сотне шагов от волчицы. Та подняла голову, внимательно глянула на уток, выбралась на берег и... внезапно сошла с ума.

Тявкая, как щенок, она ловила себя за хвост, каталась по камням, ложилась на спину, неистово махала в воздухе всеми четырьмя лапами, в общем вела себя так, словно начисто лишилась рассудка.

Я повернул трубу и навел ее на логово, где среди волчат сидел Альберт, чтобы убедиться, видит ли он сцену безумия и как на нее реагирует. Но, конечно, видел все и следил за Ангелиной с живым интересом, но без малейшего признака тревоги.

Ангелиной же овладел приступ маниакального возбуждения, она яростно прыгала вверх, хватала пустоту и при этом пронзительно визжала. Страшное зрелище, которое, как я заметил, захватило не только нас с Альбертом. Любопытство буквально загипнотизировало уток. Они так заинтересовались происходящим, что поспешили к берегу, желая получше все рассмотреть. Вот они подплыли, вытянув шеи и насторожено перекликаясь между собой. Но чем ближе подплывали птицы, тем безумнее становилась Ангелина.

Когда до ближайшей утки оставалось менее пяти метров, волчица сделала гигантский прыжок. Сильный всплеск — и охваченные паникой утки, беспорядочно хлопая крыльями, поднялись и улетели. Ангелина упустила свой обед, промахнувшись всего на каких-нибудь десять сантиметров.

Этот случай открыл мне глаза на многое; он свидетельствовал о такой многосторонней изобретательности в добывании пищи, какая в пору разве что человеку.

Однако вскоре Ангелина доказала, что приманивание уток — всего лишь побочное занятие.

Отряхнувшись несколько раз, да так энергично, что временами она совсем исчезла в голубом облаке брызг, волчица направилась к дому через болотистую низину. Но теперь ее движения стали совсем другими. И без того немалого роста, она вдруг вытянулась и пошла буквально на цыпочках, подняв шею, как верблюд, так что казалось выше по крайней мере на десяток сантиметров. Она медленно пересекала болото, держась против ветра и наострив уши, чтобы не пропустить малейшего шороха; мне было видно, как она морщила нос, втягивая воздух, напоенный неуловимыми запахами.

Внезапно она прыгнула. Подкинув задние ноги, словно лошадь, стремящаяся скинуть всадника, волчица перенесла всю тяжесть тела на передние лапы. Мгновенье — и голова ее опустилась, она что-то схватила, проглотила и вновь начала свой странный семенящий балет на болоте. В течение десяти минут Ангелина шесть раз повторяла меткий прыжок и что-то проглатывала, но я не успевал разобраться, что именно. На седьмой раз она упустила добычу, завертелась волчком и начала бешено хватать ее в зарослях пушицы. Когда наконец волчица подняла голову, я смог разглядеть хвост и заднюю часть полевки, бьющейся в ее челюстях. Глоток — и все исчезло.

Признаться, меня немало позабавило это зрелище — подумать только, один из крупнейших хищников континента охотится за полевками! — и я не отнесся к нему достаточно серьезно. Мне казалось, что Ангелина попросту развлекается, закусывая на ходу. Но когда она съела около двадцати трех полевок, я был поражен. Конечно, грызуны не бог весть какая еда, но два десятка составляют солидную порцию даже для волка.

Только позднее, сопоставив факты, я вынужден был воспринять очевидное: волки залива Волчьего Дома и, надо полагать, все волки Канадской тундры, которые выращивают потомство за пределами района летних пастбищ карибу, питаются преимущественно (если не исключительно) полевками.

Оставалось выяснить лишь один вопрос: как волки перетаскивают свою добычу к дому, чтобы накормить волчат (если за ночь наловят внушительное количество полевок)? Решить этого я не мог, пока не встретился с родственниками Майка. Один из них, обаятельный молодой эскимос по имени Утек, впоследствии ставший моим большим другом (он оказался первоклассным, правда необученным, натуралистом), раскрыл мне секрет.

Так как таскать мышей по одной волки не станут, то им не остается ничего другого, как доставлять добычу в собственном брюхе. В самом деле, мне приходилось видеть, как Георг или Альберт, возвращаясь с охоты, направлялись прямо к логовищу и вползали в него. Мог ли я подозревать, что там они изрыгают дневной рацион, уже частично переваренный?!

В конце лета, когда волчата уже покинули логовище, я наблюдал, как взрослый волк отрыгивает для них пищу. Не знаю я, что происходит, вряд ли мне бы понятны их действия; верно, и сей день я не догадался бы, как волки ухитряются доставлять добычу в логово.

То обстоятельство, что полевки составляют основу волчьего рациона, пробудило во мне интерес к самим грызунам. И я тут же приступил к исследованиям. Прежде всего мне пришлось установить около полутора сотен мышеловок — для обеспечения материала в целях изучения популяции мышей по полу, возрасту, видовому составу и численности. С этой целью я выбрал часть болота в непосредственной близости от палатки. Я исходил из следующих соображений: во-первых, условия там типичны для всех болот, на которых обычно охотятся волки; во-вторых, близкое расстояние позволит мне часто осматривать ловушки.

Как оказалось, я совершил ошибку. На следующий же день после того, как были установлены мышеловки, появился Георг. Я тут же заметил его приближение, но не сразу сообразил, как быть. Поскольку мы по-прежнему строго соблюдали неприкосновенность границ, я не решался выбежать за пределы моего анклава и преградить ему путь. С другой стороны, абсолютно неизвестно, что он предпримет, когда обнаружит браконьерство в своих заповедниках.

Подойдя к краю болота, волк некоторое время принюхивался, потом бросил подозрительный взгляд в мою сторону. Очевидно, он сразу обнаружил, что я нарушил границу, но не знал, с какой целью. Не приступая к охоте, Георг двинулся сквозь пушицу, росшую по краю болота, и я с ужасом увидел, как он направился прямо к норкам колонии леммингов.

Предчувствуя, что сейчас произойдет, я вскочил на ноги и заорал, что было силы:

— Георг! Ради бога, СТОЙ!

Поздно. Мой крик только вспугнул его и заставил перейти на рысь. Но не пробежав и десятка шагов, волк взвился в небо, будто по невидимой лестнице.

Когда позже я обследовал злополучное место, то убедился, что он умудрился попасть в шесть ловушек из десяти возможных. Правда, они не причинили ему серьезного вреда, но когда неведомые тиски сжали сразу несколько пальцев на волчьих лапах, страх и боль оказались довольно сильными. В первый и последний раз за время нашего знакомства Георг утратил чувство собственного достоинства. Как собачонка, которой дверью прищемили хвост, он с визгом помчался домой, разбрасывая по дороге мышеловки, точно конфетти.

Я очень переживал это неприятное событие — ведь оно легко могло привести к разрыву наших отношений. Этого не произошло только благодаря хорошо развитому чувству юмора у Георга. Он принял все за грубую шутку весьма сомнительного сорта — чего всегда следует ожидать от людей.

11

Я, установил, что летом волки питаются главным образом полевками, но этим моя работа в области диететики не исчерпывалась. Я прекрасно понимал, что сообщение об открытии взаимоотношений полевка — волк произведет настоящий переворот в науке и будет встречено с недоверием, возможно, даже подвергнется осмеянию, если не будет подкреплено солидными обоснованиями.

Итак, я выяснил два важных обстоятельства: во-первых, волки ловят и едят полевок; во-вторых, мелкие грызуны водятся в тундре в таких количествах, что обеспечивают сохранение поголовья волков.

Оставался, однако, третий момент, исключительно важный для окончательного подтверждения правомерности моей теории: вопрос о питательной ценности полевок. Необходимо было доказать, что рацион, состоящий из мелких грызунов, вполне достаточен для нормальной жизнедеятельности крупного плотоядного.

Провести нужные эксперименты в полевых условиях оказалось занятием не легким. Требовались тщательные наблюдения над подопытными и контрольными животными, но на волках не поэкспериментируешь! Где искать выход? Вот если бы вернулся Майк, можно было бы одолжить у него двух собак — одну кормить мышами, а другую — олениным мясом (только удасться ли его достать?). Подвергнув затем собак одинаковым испытаниям, я смог бы сравнить результаты и окончательно доказать правильность выдвинутой гипотезы. Но от Майка ни слуху ни духу, кто знает, вернется ли он?

В поисках решения прошло несколько дней, и вот как-то утром, когда я препарировал леммингов и полевок, меня вдруг осенило — почему бы мне самому не стать "подопытным кроликом"? Правда, человек не относится к числу чисто плотоядных животных, однако это недостаточно веское выражение. Другое дело, что я "имелся в единственном экземпляре" и поэтому нельзя было одновременно получить материалы для сравнения. Но это препятствие легко устранить, нужно только установить два периода: вначале я буду питаться одними мышами, а затем ровно столько же времени мой рацион будет состоять из мяса и свежей рыбы. Достаточно в конце каждого периода провести ряд психологических тестов и сравнить полученные результаты. Разумеется, выводы нельзя будет полностью применить к волкам, но уже одно то, что в моем процессе обмена веществ не произойдет серьезных изменений, если я буду питаться только мышами, несомненно, послужит убедительным

аргументом в пользу выдвигаемой мною теории, что волки сохраняют нормальную жизнедеятельность, находясь на такой диете.

Потерянного времени не воротишь, и я решил, не откладывая в долгий ящик, приступить к делу.

Начистив целую миску маленьких тушек, которые остались после того, как я утром снимал с них шкурки, я наполнил ими котелок и поставил на примус. Едва вода закипела, как распространился чрезвычайно соблазнительный тонкий запах, и пока готовилось кушанье, мой аппетит разыгрался не на шутку.

Поначалу есть такую мелюзгу — с массой мельчайших костей — показалось мне чистой мукой, но вскоре я убедился, что кости можно разжевывать и глотать. Вкус мышей — чисто субъективное восприятие, не имеющее ни малейшего отношения к эксперименту. На мой взгляд, он оказался весьма приятным, разве что мясо было чересчур нежное. Со временем, однако, мышцы мне приелись, аппетит пропал, пришлось разнообразить способы приготовления.

Из нескольких приготовленных мною блюд наиболее удачным, бесспорно, следует считать "мышь под соусом". На случай, если кто-либо из читателей проявит интерес и захочет использовать в личном хозяйстве этот несправедливо обойденный источник ценнейших белков животного происхождения, привожу рецепт полностью.

Для приготовления этого деликатеса требуются: десяток упитанных мышей, чашка муки, кусок бекона, соль, перец, чеснок, этиловый спирт. (Следует заметить, что бекон вполне можно заменить обычной соленой свиной).

СПОСОБ ПРИГОТОВЛЕНИЯ

Обдерите шкурки и выпотрошите мышей, но не удаляйте голов; затем вымойте, положите в кастрюлю и залейте спиртом, так чтобы тушки были покрыты, и оставьте примерно на два часа. Нарезьте бекон маленькими кусочками и поджаривайте до тех пор, пока невытопится жир. После этого выньте тушки и обваляйте в муке с солью и перцем, бросьте на горячую сковороду и поставьте на огонь минут на пять (не перегревайте сковороду, иначе мясо пересохнет, станет жестким и волокнистым). Теперь влейте чашку спирта и добавьте по вкусу шесть или восемь зубков чеснока. Накройте и слегка прокипятите в течение пятнадцати минут. Крем-соус приготавливается по одному из стандартных рецептов. Когда соус будет готов, полейте им тушки, плотно закройте кастрюлю и дайте постоять минут десять в теплом месте, прежде чем подавать на стол.

В течении первой недели я не заметил в себе никаких изменений — по-прежнему был полон энергии и абсолютно не ощущал вредного действия диеты. Правда, меня страшно потянуло на жиры.

И тут я понял, что допустил оплошность, не делавшую чести моей научной подготовке: ведь волки едят целых зверьков! Мелкие же грызуны, как легко можно убедиться при вскрытиях, откладывают большую часть жиров в брюшной полости, на брыжейке кишечника, а не подкожно и не в мышечных тканях. Следовательно, я совершил непростительную ошибку, которую надлежало немедленно исправить. Начиная с этого дня и до самого конца экспериментального периода я стал есть мышей целиком — только снимал шкурку — и перестал ощущать недостаток в жирах. Когда эксперимент с мышами подходил к концу, возвратился Майк. Вместе с ним прибыл его двоюродный брат, молодой эскимос по имени Утек, который вскоре стал моим собутыльником, а главное — совершенно бесценным помощником в научных исследованиях. Однако при первой встрече он показался мне таким же замкнутым и неприступным, как Майк.

Я пришел в избушку, чтобы пополнить кое-какие припасы. При виде дымка, поднимавшегося из трубы, я обрадовался — по правде говоря, временами мне все-таки не хватало человеческого общества. Когда я вошел, Майк жарил полную сковороду оленины. Как оказалось, им посчастливилось убить отбившегося от стада животное примерно в сотне километров к северу. После нескольких тягостных минут, в течении которых Майк делал вид, будто меня не замечает, я попробовал сломать лед и заговорил с Утеком. В ответ тот бочком, бочком перебрался на другую сторону

стола, стараясь держаться от меня подальше. Вскоре они приступили к еде. В конце концов Майк предложил и мне отведать жареного мяса.

В другое время я бы принял его приглашение — но не сейчас, когда эксперимент еще не окончен. Я отказался и, как мог, объяснил Майку причину. Он встретил извинение с непроницаемым видом, унаследованным им от предков-эскимосов, хотя и перевел мои слова Утеку. Уж не знаю, что подумал обо всем этом Утек, но отнесся он ко мне чисто по-эскимосски. Поздно вечером, когда я направился к себе в палатку, Утек подкараулил меня и, застенчиво улыбаясь, протянул небольшой сверток, обернутый оленьей шкуркой. Бережно развязав стягивавшую его жилу, я увидел пять маленьких голубых яиц — по-видимому, дрозда, хотя за точность определения не ручаюсь.

Я был глубоко тронут этим подарком (а это, безусловно, был подарок), но никак не мог постичь его значения и вынужден был вернуться в избушку, чтобы спросить у Майка.

— Эскимосы думают, что если человек ест мышей, то у него все становится маленьким, как у мыши, — объяснил Майк, — но если съесть яйца, тогда все в порядке. Утек за тебя испугался.

Вот так положение! Вначале я растерялся, не зная, как отнестись к этому предрассудку, но потом решил, что излишняя предосторожность не помешает, к тому же вряд ли миниатюрные яйца как-нибудь скажутся на результатах проводимого опыта. И я тут же приготовил из них яичницу. Сезон кладки яиц давно прошел, что весьма сказалось на их свежести, тем не менее я съел все, а так как Утек внимательно наблюдал за мной, пришлось сделать вид, будто получил при этом огромное удовольствие.

Надо было видеть, какой восторг отразился на широкой, расплывшейся в улыбке физиономии эскимоса! Он, несомненно, решил, что спас меня от судьбы, худшей, чем смерть.

Мне так и не удалось втолковать Майку суть и всю важность проводимой мной исследовательской работы. Зато с Утеком дело обстояло неизмеримо проще. Правильнее будет сказать, что, не совсем понимая смысл работы, он сразу же проникся уверенностью в ее необходимости. Как потом выяснилось, сам Утек был второразрядным шаманом в своем племени. Из рассказов Майка и из того, что ему довелось увидеть собственными глазами, он заключил, что я тоже шаман, правда другого, неведомого сорта. Именно этим, с его точки зрения, и объяснялись многие мои поступки. Мне бы не хотелось приписывать Утеку эгоистические побуждения, но, возможно, обращаясь со мной, он надеялся расширить собственные познания в общей для нас профессии.

Так или иначе, Утек решил "водиться" со мной. На другой день он заявился ко мне в палатку, захватив с собой спальные принадлежности, и, очевидно, собирался остаться надолго. Мои опасения что парень будет обузой, скоро рассеялись. От Майка Утек знал несколько английских слов, а так как он был поразительно понятлив, то уже вскоре мы могли вести с ним элементарные разговоры. Утека ничуть не удивило, что все свое время я посвятил изучению волков. Напротив, он сумел растолковать мне, что и сам интересуется ими: ведь его личным тотемом, духом-покровителем, является Амарок — Волчье существо.

Утек оказался неоценимым помощником. Прежде всего, ему были неведомы ложные представления, совокупность которых составляет основу Писания о волках, принятого в нашем обществе. А кроме того, он по-настоящему знал зверей и считал их себе сродни. Позже, когда я немного научился его языку, а Утек улучшил свои знания английского, он рассказал мне, что ему не было пяти лет, когда отец, знаменитый шаман, отнес его в волчье логово и оставил на сутки. Там Утек подружился с волчатами и играл с ними на равных: взрослые волки его обнюхивали, но не трогали.

Конечно, принимать все рассказы Утека о волках без фактических доказательств было бы по меньшей мере антинаучно. Но я убедился что всякий раз, когда доказательства находились, он неизменно оказывался прав.

То, что Утек признал меня, благотворно повлияло и на Майка. Тот явно начал сдавать позиции. Правда, он по-прежнему не сомневался, что у меня "в голове не все дома" и без соответствующего надзора я могу быть даже опасен. Тем не менее Майк стал обходительнее (насколько позволяла его замкнутая натура) и по возможности старался быть мне полезным. Последнее обстоятельство было весьма кстати — появилась возможность использовать его в качестве переводчика во время бесед с Утеком.

Благодаря Утеку я пополнил свои знания о гастрономических привычках волков. Подтвердив, что полевки действительно занимают очень большое место в их рационе, он добавил, что волки поедают великое множество длиннохвостых сусликов (евражек) и временами отдают им предпочтение даже перед карибу. Евражки чрезвычайно распространены по всей Арктике, но залив Волчьего Дома расположен хотя и недалеко, однако южнее границы их распространения. Эти грызуны доводятся ближайшими родственниками сусликам западных равнин, но отличаются от них слабо развитым инстинктом самосохранения. В результате они становятся легкой добычей волков и песцов. Летом, когда евражки отъедаются, они очень жирные и весят почти килограмм. Не удивительно, что их так любят волки — ведь они с легкостью добывают себе на обед достаточное количество евражек с неизмеримо меньшей затратой энергии, чем нужно для поимки карибу.

Мне казалось, что рыба не занимает существенного места в волчьем меню, но Утек уверил меня в противном. По его словам, ему неоднократно доводилось видеть, как волки охотятся на шурят и даже на взрослых полярных щук, которые весят пятнадцать — двадцать килограммов. Весной, в период икрометания, эти крупные рыбы входят в бесчисленные узкие протоки, густой сетью покрывающие болотистую тундру в районе озер.

Когда волк хочет полакомиться рыбой, он прыгает за ней в воду и с шумом гонит вверх по течению пока еще довольно широкого протока. Постепенно русло сужается и мелеет; почуяв опасность, рыба кидается назад к глубокой воде, но волк преграждает ей путь. Одного быстрого удара мощных челюстей достаточно, чтобы сломать хребет даже самой крупной щуке. Утек рассказывал, что однажды видел, как волк меньше чем за час поймал семь больших щук.

Волки не брезгают и прилипалами, когда эти медлительные рыбы входят метать икру в тундровые речки. Но по отношению к ним они применяют другую тактику: притаившись на мелком месте у какого-нибудь камня, они хватают проплывающих мимо рыб (это способ похож на то, как медведи ловят лососей).

Еще одним источником пропитания, правда имеющим меньшее значение, являются полярные бычки — маленькие рыбки, которые прячутся под камнями на мелководье. Чтобы поймать их, волки бродят вдоль берега и лапами и носом переверачивают камни.

Позднее, летом, я воочию убедился, как эти занимался Альберт. К сожалению, я не видал, как волки добывают щук, но, узнав от Утека, в чем заключается их метод, с наименьшим успехом последовал их примеру. Я во всем подражал действиям волков, только для нанесения *coup de grace* — вместо собственных зубов воспользовался коротким копьём.

Разумеется, такие дополнительные седения, проливающие свет на характерные особенности биологии волков, представляли для меня немалый интерес, но все же, когда Утек рассказал, какую роль играют карибу в жизни волков, у меня по-настоящему открылись глаза.

По словам Утека, волки и карибу настолько связаны между собой, что представляют как бы единое целое. И в доказательство он поведал предание, которое, на мой взгляд, несколько смахивало на Ветхий Завет, но которое (во всяком случае, по заверению Майка) относится к полурелигиозному фольклору эскимосов дальней

тундры (которые, увы, горе их бессмертным душам, все еще пребывают в язычестве!).

Вот пересказ легенды Утека.

"В начале начал были Женщина и был Мужчина; никто больше не ходил, не плавал и не летал в этом мире. Потом Женщина выкопала большую яму и стала выуживать из нее поочередно всех животных. Напоследок она вытащила карибу, и тогда Кейла, Бог Неба, сказал: "Вот величайший из всех даров, ибо карибу даст пропитание человеку". Женщина отпустила карибу на все четыре стороны, велев плодиться и размножаться; и карибу поступили, как та сказала. Прошло время, земля наполнилась стадами, и сыновья Женщины охотились счастливо; Они были сыты, одеты и укрыты шатрами из шкур — все это от карибу.

Сыновья Женщины выбирали больших, жирных карибу, так как не хотели убивать слабых и тощих, чье мясо негодно в пищу, а шкуры плохи. И наступило время, когда больных и слабых карибу стало больше, чем жирных и сильных. Сыновья, увидев такое, смутились духом и пожаловались Женщине.

Та, свершив заклинание, обратилась к Кейле и сказала: "Твоя работа - плохая работа, ведь карибу сделались слабыми и больными, если мы будем их есть, то тоже станем слабыми и больными".

Кейла, выслушав ее, ответил: "Моя работа хорошая. Я накажу Амораку (духу Волка), а тот накажет своим детям — пусть едят больных, слабых и мелких карибу, тогда пастбища останутся для жирных и здоровых".

Так и произошло. Вот почему карибу и волк — одно целое: ведь карибу кормит волка, зато волк делает оленя сильным".

Признаюсь, рассказ изрядно меня изумил. Меньше всего я ожидал услышать от невежественного эскимоса целую лекцию — да еще в виде притчи! — о борьбе за существование и значении естественного отбора. И все-таки я скептически отнесся к словам Утека, будто между карибу и волками существуют идеальные взаимоотношения. Правда, за последнее время я на собственном опыте разубедился во многих научно обоснованных поверьях, но тем не менее не мог себе представить, что, нападая на олени стада, могучий и смысленый волк ограничивается отбраковкой больных и слабых, хотя может выбрать любого самого крупного и жирного оленя. К тому же у меня имелся превосходный аргумент, которым я намеревался сразить Утека. - Спроси-ка его, — обратился я к Майку, — откуда в таком случае взялось столько скелетов крупных и, очевидно, здоровых карибу, которыми усыпана вся тундра вокруг твоей избушки и на несколько километров к северу от нее?

— Незачем его спрашивать, — невозмутимо ответил Майк, — я сам убил этих оленей. У меня четырнадцать ездовых собак, всех их нужно кормить, на это требуется не меньше двух-трех оленей в неделю. Самому мне тоже хочется есть. А кроме того, я убиваю уйму оленей в районе промысла пушнины. У каждой оленьей туши ставлю четыре-пять капканов и на эту приманку ловлю немало песцов. Мне не годятся тощие карибу, а нужны большие, жирные.

Потрясенный, я мог только спросить: — И сколько оленей ты добываешь в год?

Майк горделиво усмехнулся.

— Я меткий стрелок. Две-три сотни, а может и больше.

Немного оправившись, я поинтересовался, обычная ли это вещь и как поступают другие трапперы.

— Каждый, кто ставит капканы, делает то же самое, — ответил Майк, - индейцы и белые бьют оленей по всей тундре, куда доходят карибу на зимние выпасы. Конечно, не всегда посчастливится добыть достаточно оленей; тогда приходится кормить собак рыбой. Но рыба не идет им впрок — они становятся слабыми, болеют и совсем не тянут груженные сани. Карибу лучше!

Из фолиантов, проштудированных в Оттаве, мне было известно, что в тех частях Саскачевана, Манитобы и южного Киватина, которые составляют район зимних пастбищ киватинского стада карибу, насчитывается тысяча восьмьсот охотников,

ставящих капканы. Я знал также, что многие из них были опрошены столичными властями через агентов пушных компаний о причинах катастрофического сокращения поголовья оленей. Мне самому довелось читать их показания. Охотники и торговцы пушниной с поразительным единодушием утверждали, что сами убивают не больше одного, от силы двух карибу в год, а волки режут оленей несчетными тысячами. И хотя я никогда не был силен в математике, все же я подвел итог данным, которыми располагал. Будучи от природы человеком осторожным, я вдвое уменьшил число охотников и наполовину скостил отстрел оленей против количества, указанного Майком. Но сколько бы я не перемножал цифры, результат получался фантастический: в этом районе трапперы ежегодно убивают 112 000 оленей!

Я отлично понимал, что эта цифра не для моих отчетов — если только я не добиваюсь назначения на десять лет на Галапагосские острова изучать клещей у черепах.

Во всяком случае, все то, что порассказали Майк и Утек, принято считать информацией, основанной на слухах, а меня наняли не для этого. Выкинув из головы тревожные сомнения, я вернулся на тернистый путь научных поисков истины.

13

Утек, как натуралист, обладал множеством редких качеств; из них не последним было его бесспорное умение понимать язык волков.

Еще до встречи с Утеком я обратил внимание, что разнообразие и диапазон голосовых средств Георга, Ангелины и Альберта значительно превосходят возможности всех известных мне животных, за исключением человека.

В моих полевых дневниках зарегистрированы следующие категории звуков: вой, завывание, хныканье, ворчание, рычание, тьяканье, лай. В каждой из этих категорий я различал бесчисленные вариации, но был бессилён дать им точное определение и описание. Более того, не сомневаюсь, что все представители семейства собачьих способны слышать и, вероятно, издавать звуки как выше, так и ниже регистра частот, воспринимаемых человеком. Так называемые "беззвучные" свистки для собак, имеющиеся в продаже, лучше всего подтверждают сказанное. Я установил также, что все члены моей волчьей семьи сознательно реагируют на звуки, издаваемые другими волками, хотя у меня не было надежных доказательств, что это нечто большее, чем простые сигналы.

По-настоящему мое образование в области волчьей "лингвистики" началось с появлением Утека.

Как-то мы вдвоем часами наблюдали за логовом, но безрезультатно - ничего достойного внимания обнаружить не удавалось. Денек выдался безветренный, и проклятые насекомые навалились тучей, хуже всякой чумы. Спасаясь от них, Ангелина с волчатами укрылась в логове. Оба самца, утомленные охотой, затаившейся до позднего утра, спали неподалеку. Становилось скучно, и мной начала овладевать сонливость, как вдруг Утек приложил руки к ушам и внимательно прислушался. Я ничего не слышал и никак не мог понять, что привлекло его внимание, пока он не шепнул: "Слушай, волки разговаривают" — и показал на гряде холмов километрах в восьми к северу от нас.

Я напряг слух; но если волк и вел "радиопередачу" с далеких холмов, то работал не на моей волне. Казалось, в эфире нет ничего, кроме зловещего стога комаров, но Георг, спавший на гребне эскера, внезапно сел, наострил уши и повернул свою длинную морду к северу. Спустя минуту он откинул голову назад и завыл. Это был вибрирующий вой; низкий вначале, он закончился на самой высокой ноте, какую только способно воспринять человеческое ухо.

Утек схватил меня за руку и расплылся в довольной улыбке.

— Волки говорят: "Карибу пошли!"

Я с трудом понял, о чем идет речь, и только когда мы вернулись в избушку, с помощью Майка уточнил подробности.

Оказывается, волк с соседнего участка, лежащего к северу, не только сообщил, что давно ожидаемые карibu двинулись на юг, но и указал, где они сейчас находятся. Более того — и это было совсем невероятно, — выяснилось, что сам сосед оленей не видел, а просто передал информацию, полученную им от волка, живущего еще дальше. Георг, который ее услышал и понял, в свою очередь передал добрую весть другим.

От природы (и по воспитанию) я скептик и тут не нашел нужным скрывать, как насмешила меня наивная попытка Утека произвести впечатление пустой болтовней. Но, не обращая внимания на мой скепсис, Майк без проволоочки стал собираться на охоту.

Меня ничуть не удивило его желание убить оленя — ведь к тому времени я уже знал, что он, как и впрочем, все коренные жители тундры, питается почти исключительно оленьей, если только можно ее добыть. Меня поразило другое: его готовность предпринять двух— или даже трехдневную прогулку по тундре из-за нелепой выдумки Утека. Все это я не преминул высказать Майку, но тот только замкнулся в себе и отбыл, не проронив ни слова.

Через три дня, когда мы встретились вновь, мне были презентованы целый окорок и горшок оленьих языков. Из рассказа Майка выходило, что он нашел карibu в том самом месте, на которое, поняв речь волков, указал Утек, — на берегах озера Куиак, примерно в шестидесяти километрах на северо-восток от нашей избушки.

Я-то не сомневался, что это простое совпадение, но было любопытно, долго ли Майк намерен мне морочить голову, и я, притворившись, будто поверил, принялся расспрашивать о необыкновенном искусстве Утека.

Майк попался на крючок и разговорился. По его словам, волки не только обладают способностью поддерживать связь на огромном расстоянии, но даже могут "говорить" не хуже людей.

Правда, он признался, что сам не может ни слышать всех издаваемых волками звуков, ни понимать их значения, но некоторые эскимосы, в частности Утек, настолько хорошо понимают волков, что в состоянии буквально разговаривать с ними.

После этого я окончательно укрепился в своем решении не особенно верить рассказам этой пары. Но все-таки меня не оставляла шальная мысль: а вдруг во всем этом что-то есть? На всякий случай я попросил перевести Утеку: пусть он следит за "разговорами" наших волков и через Майка передает мне их содержание.

На следующее утро, когда мы добрались к логовищу, самцов не было и в помине. Ангелина и волчата уже встали и крутились поблизости, но волчице было явно не по себе. Она то и дело взбегала на гребень, к чему-то прислушивалась и, постояв несколько минут, вновь спускалась к волчатам. Время шло, Георг и дядюшка Альберт сильно запаздывали. Наконец, в пятый раз поднявшись наверх, Ангелина, видимо, что-то услышала. Утек тоже. Он повторил свое театральное представление, приставив к ушам сложенные лодочками ладони. Послушав немного, он попытался объяснить мне происходящее. Увы, мы тогда еще плохо понимали друг друга, и я не уловил даже смысла его слов.

Я продолжал обычные наблюдения, а Утек забрался в палатку и заснул. В 12.17 пополудни я отметил в журнале возвращение Георга и Альберта; волки пришли вместе. В два часа дня Утек проснулся и, стремясь загладить невольный прогул, вскипятит чайник.

При первой же встрече с Майком я напомнил ему свою просьбу, и тот принялся расспрашивать Утека.

— Вчера, — переводил Майк, — волк, которого ты зовешь Георгом, послал своей жене весточку. Так говорит Утек, который хорошо слышал. Волк сказал жене, что охота идет плохо, придется задержаться. Вероятно, не удастся вернуться раньше полудня.

Я вспомнил, что Утек не мог знать, когда вернулись волки, так как в то время он крепко спал в палатке. А 12.17 — время, практически близкое к полудню.

Несмотря на эти, казалось бы, весьма очевидные доказательства, мой скептицизм снова взял верх. Через два дня, в полдень, Георг опять появился на гребне, наострив уши на север. То, что он услышал (если вообще что-нибудь слышал), видимо, его не заинтересовало, так как он не завыл в свою очередь, а спустился к логову.

Утек, напротив, был захвачен полученной новостью. На лице его отразилось глубокое волнение. Он буквально утопил меня в потоке слов, но я смог уловить немного. "Иннуит" (эскимос) и "кийзи" (приходить) - неоднократно повторял Утек, терпеливо добиваясь понимания. Не одолев моей тупости, он сердито взглянул на меня и без разрешения зашагал через тундру, на северо-запад от избушки Майка.

Такой бесцеремонный уход был мне не по душе, но я быстро забыл об этом, так как день клонился к вечеру и волки забеспокоились: приближалось время ночной охоты.

У волков существовал определенный ритуал сборов. Георг обычно начинал с визита к логову. Если Ангелина и волчата сидели дома, они выбегали навстречу. Если же семья находилась снаружи, то озабоченность Ангелины домашними делами тут же сменялась радостным возбуждением. Она начинала возню, прыгала перед Георгом, обнимала передними лапами. В такие веселые минуты Георг был полон добродушия и порой затевал шуточный бой со своей подругой. С моего наблюдательного пункта их схватки выглядели весьма свирепыми, но плавное помахивание хвостом свидетельствовало о самых добрых намерениях противников.

Потревоженный шумом, на сцене появлялся дядюшка Альберт и принимал участие в игре. В дневные часы он предпочитал спать где-нибудь подальше от логова, стремясь по возможности уклониться от роли няньки.

С его приходом взрослые волки вставали в круг нос к носу, энергично виляли хвостами и "поднимали шум". Бесспорно, выражение "поднимали шум" - не очень образное описание, но на лучшее я не способен. Из-за дальности расстояния до меня долетали только громкие звуки, которые более всего походили на ворчание. Значение их мне так и не удалось выяснить, но в них, несомненно, нашли отражение чувство дружбы, ожидание удачи и превосходное настроение.

Бурное веселье длится минут двадцать, а то и целый час, причем волчата принимают в нем самое деятельное участие — они путаются под ногами и без разбора кусают все хвосты, какие попадутся. Затем трое волков поднимаются на гребень оза, обычно под предводительством Ангелины. Они вновь становятся в круг и, высоко задрав головы, начинают "петь". Это один из самых радостных и светлых моментов в их повседневной жизни; для меня он также является кульминационным. Правда, на первых порах от древнего, глубоко укоренившегося страха перед волками у меня волосы поднимались дыбом, стоило этой троице "запеть". Не берусь утверждать, что сразу стал получать удовольствие.

Но с течением времени я полюбил волчий хор и с нетерпением ждал его очередного выступления. К сожалению, описать все это совершенно невозможно: ведь я могу пользоваться только терминологией, относящейся к человеческой музыке, а к этому случаю она абсолютно неприменима и только может ввести читателя в заблуждение. Ограничусь тем, что просто скажу: этот громкоголосый и задушевный ансамбль по-настоящему трогал; пожалуй, редко меня так волновало даже самое проникновенное исполнение органых произведений.

Волчья "Пассионата" всегда казалась мне до обидного короткой. Какие-нибудь три-четыре минуты — и все. Волки расходятся, напоследок помахав хвостами, потеряв носами и вообще выказав все знаки дружелюбия, взаимного расположения и полного удовлетворения. Ангелина неохотно направляется к логову, то и дело оглядываясь на Георга и Альберта, которые уже трусят по одной из охотничьих троп. По всему видно, что ей безумно хочется присоединиться к охотникам, но вместо этого она идет к волчатам, чтобы сдаться на их милость — горят ли они желанием обедать или играть.

Однако в эту ночь самцы нарушили заведенный порядок и вместо троп, ведущих на север или северо-запад, направились на восток, в противоположную сторону от

избушки Майка и моего наблюдательного пункта.

Я не придавал этому особого значения, как вдруг чей-то крик заставил меня обернуться. Это возвратился Утек, но он был не один. С ним шли три эскимоса; они застенчиво улыбались, смущенные предстоящей встречей со странным каблуком, которого интересуют волки.

Появление целой толпы исключало возможность продуктивных наблюдений нынешней ночью, и я поспешил присоединиться к пришельцам на марше к избушке. Майк был дома и приветствовал прибывших как старых друзей. Спустя некоторое время я улучил минутку и задал ему несколько вопросов.

— Да, — сказал он, — Утек действительно знал, что люди в пути и скоро придут сюда.

— Откуда он знал?

— Глупый вопрос. Он знал потому, что слышал, как волк с холмов Пятой Мили сообщил о проходе эскимосов через его территорию. Утек пытался все объяснить, но ты его не понял: в конце концов он вынужден был уйти, чтобы встретить друзей.

Так-то вот!

14

Всю третью неделю июня Ангелина была беспокойна. Видимо, домашний образ жизни ей надоел. Когда Георг и Альберт по вечерам отправлялись на охоту, она провожала их — вначале не дальше сотни шагов от логова, но однажды пробежала свыше четырехсот метров, а затем нехотя повернула к дому.

Георг был в явном восторге от такой перемены настроения волчицы. Он давно соблазнял Ангелину принять участие в ночных скитаниях по тундре. Как-то раз он даже задержал выход на охоту на битый час, стараясь увлечь подругу за собой, так что Альберт потерял терпение и ушел один.

За этот час Георг раз восемь спускался с гребня на детскую площадку, где в окружении волчат лежала Ангелина, нежно ее обнюхивал, неистово размахивая хвостом, и с надеждой устремлялся к одной из охотничьих тропок. И каждый раз, видя, что она не идет за ним, волк возвращался на бугор и понуро выжидал несколько минут, после чего возобновлял попытку. Когда же он наконец решился уйти, то являл собой печальную картину глубочайшего разочарования и уныния: голова и хвост были опущены так низко, что, казалось, зверь не уходит, а уползает.

Желание провести в тундре ночь, несомненно, было обоюдным, но для Ангелины благополучие волчат было превыше всего, хотя они уже повзрослели, приобрели некоторую самостоятельность и требовали гораздо меньше внимания.

Вечер 23 июня я коротал в палатке один — Утек отлучился на несколько дней по своим делам. Волки, как обычно, начали традиционный концерт перед уходом на охоту. На этот раз Ангелина превзошла самое себя: в ее высоком голосе прозвучала такая жажда свободы, что я готов был предложить собственные услуги для присмотра за волчатами на время ее отсутствия. Однако мне не стоило беспокоиться. Призыв, а возможно непосредственный приказ, дошел и до Альберта; так или иначе, по окончании пения Ангелина и Георг весело убежали, а Альберт угрюмо поплелся к логову, и покорно обрек себя в жертву неистовым волчатам.

Через несколько часов начался проливной дождь, и наблюдения пришлось прервать. Утром разведрилось, туман рассеялся, но волков пока не было видно. Лишь к девяти часам на гребне показались Георг и Альберт.

Оба нервничали и суетились. После нетерпеливой беготни, долгого вынюхивания и коротких остановок, во время которых они внимательно разглядывали окрестности, волки разошлись. Георг взобрался на самое высокое место песчаного вала и пристально всматривался в тундру с востока и с юга, а Альберт побежал к северному концу оза, лег на каменистом бугре и устремил взор на запад.

Волчица по-прежнему не появлялась, и это наряду с необычным поведением самцов крайне меня встревожило. Мысль о том, что с Ангелиной что-то случилось,

болезненно отозвалось во мне. Я даже не подозревал, насколько к ней привязан, и теперь, когда она, видимо, пропала, искренне переживал ее гибель.

Я совсем уже собрался выйти из палатки, чтобы поглядеть, нет ли где Ангелины, но она опередила меня. Взглянув напоследок в подзорную трубу, я вдруг увидел, что волчица вылезла из логова и побежала через оз. В первый момент мне не удалось определить, что она тащит в зубах, но затем я с удивлением разглядел, что это волчонок.

Несмотря на тяжесть ноши (волчонок весил не меньше пяти килограммов), волчица довольно быстро пересекла склон по диагонали и скрылась в низких зарослях стланцевой ели. Минут через пятнадцать она вернулась за следующим волчонком, потом еще за одним, а около десяти часов утра унесла последнего.

Как только волчица скрылась, на этот раз окончательно, оба волка покинули свои сторожевые посты — они, очевидно, охраняли переезд семьи — и поспешили за ней, оставив меня мрачно созерцать опустевший ландшафт. Происшедшее совершенно меня обескуражило: вероятно, я чем-то настолько досадил волкам, что вынудил их покинуть логово. (Другое объяснение этому массовому исходу попросту не приходило мне в голову). В таком случае следовать за ними бессмысленно. Не зная, что делать, я поспешил в избушку, чтобы посоветоваться с Утеком.

Утек сразу же успокоил меня. По его словам, переселение волчат в это время года — явление нормальное для каждой волчьей семьи. Он объяснял это несколькими причинами. Во-первых, волчат "отняли от груди", а в непосредственной близости от логова нет воды. Поэтому необходимо перевести их в такое место, где можно утолять жажду не из материнских сосков. Во-вторых, волчата выросли и в логове им тесно. В-третьих, — и это, пожалуй, самое важное — молодняку пора прощаться с детством и начинать учение.

— Им не годится жить в яме, они уже взрослые, но еще не настолько, чтобы всюду сопровождать родителей, — так переводил Майк объяснения Утека. — Поэтому старые волки отыскивали для них новое место, и теперь волчатам достаточно простора, пусть спокойно бегают и познают мир.

Утек и Майк знали, где находится летнее логовище, и на следующий день мы перенесли туда палатку, выбрав для нее место, откуда частично просматривалось обиталище волков.

Новый дом волков находился примерно в километре от старого. Это было узкое ущелье с отвесными стенами, заваленное огромными валунами. Внизу раскинулось поросшее травой болотце, оно кишело полевками, — лучшего места для обучения волчат охотничьей азбуке не сыскать. Чтобы выбраться из ущелья, нужно ловко лазать, а этого волчата еще не умели, поэтому их можно было спокойно оставлять одних, не опасаясь, что они убегут и заблудятся. В случае нападения других хищников, водящихся в тундре, — песцов и ястребов — волчата смогут постоять за себя, они уже достаточно сильны.

15

Место нового логовища было идеальным с волчьей точки зрения, но я этого не находил — нагромождение валунов мешало моим наблюдениям. К тому же карибу начали понемногу возвращаться с севера, и охотничий азарт полностью овладел тремя моими волками. И хотя они по-прежнему проводили большую часть дня в летнем логове или поблизости от него, ночные походы так изнуряли их, что они только и делали, что спали.

Время тянулось убийственно медленно, но дядюшка Альберт спас меня отскуки — он влюбился.

Я уже рассказывал, что вскоре после моего первого появления в избушке Майк поспешно уехал к своим и взял всех собак — не из страха, что они попадут под скальпели, которых у меня было великое множество (как я тогда подумал), а по той простой причине, что их нечем кормить, когда нет карибу. Весь июнь упряжка

оставалась у эскимосов, чье стойбище находилось на территории летнего выпаса оленей. Теперь, когда карибу возвращались на юг, эскимос, державший у себя собак, привел их обратно.

Собаки Майка — великолепные животные местной породы. Вопреки легенде, эскимосские лайки отнюдь не являются полуприрученными волками, хотя вполне возможно, что оба вида произошли от одних предков. Уступая волкам в росте, лайки значительно коренастее, у них широченная грудь и короткая шея; пушистый, как султан, хвост кольцом завит над крестом. Они разнятся от волков и в других отношениях. Так, в отличие от своих диких родственников самки лаек не считаются с сезоном, и течка у них может наступить в любое время года.

В только что возвратившейся упряжке Майка была сука, у которой как раз начался такой период. Темпераментная от природы и любвеобильная по личной склонности, она перебудоражила всю упряжку и доставила Майку массу хлопот. Как-то вечером он разворчался, и тут меня осенило. Целемудренный нрав волков не позволил мне расширить свои познания относительно их половой жизни, хотя минувшей весной я готовился наблюдать за их повадками в течение короткого мартовского сезона спаривания, когда они бродят за стадами карибу. Но до сих пор мне не удалось заполнить этот пробел в моем образовании.

Из рассказов Майка и Утека я знал, что волки не против смешанных браков. Они спариваются с собаками при первой же благоприятной возможности, что, впрочем, случается редко, так как собаки обычно либо привязаны, либо работают. Но бывает, что и случается. Вспомним об этом, я выдвинул предложение, за которое Майк тотчас ухватился, чем доставил мне большую радость. Он и сам был доволен не меньше моего — ему давно хотелось узнать, что за ездовая собака получится от скрещивания волка с лайкой.

Теперь, когда шар был запущен, оставалось провести игру по всем правилам. Надо было обеспечить строго научную постановку эксперимента. Я решил провести опыт по этапам. Первый из них заключался в том, что я и Куа (так звали собак) отправились на прогулку вокруг моего нового наблюдательного пункта — нужно, чтобы волки узнали о ее существовании и состоянии, в котором она находилась.

Куа отнеслась к этому с величайшей готовностью. Стоило нам пересечь одну из волчьих троп, как она пришла в такой раж, что я еле удержал ее за крепкую цепь. Она тянула меня по следу, нетерпеливо обнюхивала каждую пометку. Мне стоило большого труда отбуксировать ее обратно к избушке. Там, на крепкой привязи, она в полнейшем расстройстве чувств провыла всю ночь напролет.

А может, она пела не с горя. Когда я проснулся на следующее утро, Утек доложил, что у нас был гость. И верно, на мокром песке, менее чем в ста метрах от привязи для собак, отчетливо виднелись следы крупного волка. Очевидно, только присутствие ревнивых псов помешало роману завершиться в ту же ночь.

Я не ожидал, что события развернутся с такой быстротой, хотя и предвидел, что либо Георг, либо Альберт в первый же вечер наверняка найдут соблазнительно "надушенные" *billets doux*, оставленные Куа.

Теперь следовало привести в исполнение вторую часть задуманного плана. Вдвоем с Утеком мы отправились к палатке и в ста метрах от нее натянули толстую проволоку, привязав концы к двум скальным обломкам (расстояние между ними составляло около пятнадцати метров).

На следующее утро мы отвели туда Куа (вернее, Куа отвела нас). Несмотря на ее решительные попытки вырваться и самостоятельно начать поиски волка, нам удалось защелкнуть на проволоку карабин ее цепи. Тем самым лайка получила достаточную свободу движения, а мы заняли командное положение, сидя в палатке, откуда могли открыть огонь из винтовки, если что-нибудь пойдет не так, как надо.

К моему удивлению, Куа моментально успокоилась и проспала большую часть дня. Взрослых волков около летнего логовища не было, но иногда мы замечали в траве на болотце волчат, которые охотились за мышами.

Было уже около девятого вечера, когда из-за скалистого хребта, ограждающего логово с юга, внезапно послышалась охотничья песня волков.

При первых же звуках Куа вскочила на ноги и присоединила свой голос к хору. Как она выла! Даже во мне, хотя в моих жилах нет ни собачьей, ни волчьей крови, манящее, призывное пение Куа пробудило мечты о былых днях и прежних радостях. Нам не пришлось долго сомневаться, что волки ее поняли. Хор оборвался на полутакте, и через несколько секунд вся тройка показалась на хребте. И хотя Куа находилась от них на расстоянии по меньшей мере четырехсот метров, волки отлично ее разглядели. После минутного колебания Георг и Альберт со всех ног кинулись к собаке.

Однако Георг не ушел далеко. Не успел он сделать полсотни шагов, как его догнала Ангелина и — не берусь утверждать определенно, но у меня сложилось такое впечатление — подставила ему ногу. Георг неуклюже свалился на мокрую почву тундры, а когда поднялся, то интерес к Куа у него совершенно пропал. Правда, я даже не допускал мысли, что Куа заинтересовала его в сексуальном отношении, вероятно, он просто хотел выяснить, кто это вторгся в их владения. Как бы то ни было, Георг и Ангелина вернулись к летнему логову и улеглись у входа в ущелье, откуда наблюдали за происходящим, предоставив Альберту возможность выйти из создавшегося положения по собственному усмотрению.

Я не знаю, сколько времени Альберт прожил холостяком, но, несомненно, долго. Волк на такой скорости подлетел к привязанной Куа, что проскочил мимо. На какую-то долю секунды мне показалось, что он принял нас за соперников и мчит к палатке, чтобы разделаться с нами, но он повернул обратно и снизил скорость. До Куа, охваченной экстазом ожидания, оставалось всего два-три метра, как вдруг в поведении Альберта произошла удивительная метаморфоза. Он с ходу остановился, опустил свою большую голову и превратился... в шута.

Это было тяжкое зрелище. Плотно прижав уши к широкому черепу и растянув губы в безобразную гримасу, волк начал извиваться, как щенок, — возможно, он хотел изобразить безумную страсть, но, на мой взгляд, это скорее смахивало на симптомы старческого слабоумия. В довершение всего он заскулил отвратительным льстивым фальцетом — совсем как китайский мопс.

От такого необыкновенного поведения Куа пришла в замешательство. Очевидно за ней еще никогда не ухаживали столь удивительным образом. С негромким ворчанием она попятилась от Альберта, насколько позволяла цепь, чем вызвала у волка новый приступ безумного унижения. Он пополз за ней на брюхе с выражением полнейшего идиотизма на расплывшейся морде.

Я начал разделять опасения Куа и, решив, что Альберт окончательно спятил, поднял винтовку, чтобы спасти собаку. Но Утек с откровенно непристойной улыбкой остановил меня и дал понять, что это обычная волчья манера ухаживания.

Внезапно Альберт непостижимым образом изменился: вскочив на ноги, он превратился в величавого самца. Шерсть на шее поднялась дыбом, образовав пышный серебристый воротник, обрамляющий морду, все тело напряглось, он казался отлитым из чистой стали. Хвост вскинулся высоко вверх и свился в крутое кольцо, как у настоящей лайки. Осторожно, шаг за шагом, он начал приближаться к собаке.

Куа больше ни в чем не сомневалась. Такое она могла понять. Несколько застенчиво она повернулась к нему спиной, а когда волк потянулся к ней своим большим носом для первой ласки, она обернулась и слегка куснула его в плечо...

Я вел подробнейшие записи происходящего, но, боюсь, они излишне техничны и перегружены научной терминологией, и им не место в этой книге. Поэтому я ограничусь лишь итоговым замечанием: как показали наблюдения, Альберт, несомненно, знал толк в любви.

Моя научная любознательность была полностью удовлетворена, но страсть Альберта не иссякла. Создалась весьма щекотливая ситуация. Мы с Утеком терпеливо прождали два часа, но Альберт, как видно, и не помышлял расстаться с

вновь обретенной подругой. Давно пора было возвращаться, не могли же мы ждать собаку вечно! И, не найдя другого выхода, мы произвели вылазку по направлению к влюбленной паре.

16

После переселения волчат в ущелье я их почти не видел. Поэтому как-то утром, когда Ангелина и оба волка еще не вернулись с ночной охоты, я взобрался на скалы, покрытые порослью стелющегося ельника и почти вплотную нависшие над обрывом. Дул легкий северо-восточный ветерок, это облегчало задачу — волки в логове или на подходе к нему вряд ли почуют мой запах. Я расположился в ельнике и стал внимательно разглядывать дно ущелья. Передо мной находилась небольшая площадка примерно метров тридцати в длину и десяти в ширину, сплошь усеянная волчьими следами. Внезапно у стены ущелья, на осыпи битого камня появились два волчонка и быстро побежали по тропинке к небольшому ручью. Встав рядышком на берегу, они тянули к воде свои тупые мордочки и весело помахивали куцыми хвостиками.

За последние недели волчата порядком подросли и теперь размерами, да, пожалуй, и формой, напоминали взрослых сурков. Они так растолстели, что по сравнению с туловищем их лапы казались просто карликовыми, а пушистые серые шубки только усугубляли полноту. Ничто, казалось, не предвещало, что со временем они превратятся в таких же стройных и мощных зверей, как их родители.

Откуда-то из глубины показался третий волчонок; он тащил начисто обглоданную оленью лопатку и рычал на нее, будто это был живой и грозный противник. Волчата у ручья, услышав шум, подняли мокрые мордочки и устремились навстречу братцу.

Началась свалка, воздух наполнился урчанием, которое прерывалось пронзительным визгом — так волчата выражали свое негодование, стоило кому-нибудь вонзить острые зубы в чью-либо лапу. Откуда-то выскочил четвертый волчонок и с восторженным воплем ринулся в самую гущу схватки.

Через несколько минут после начала этой междуусобной войны низко над ущельем пролетел ворон. Едва его тень накрыла волчат, как те бросили кость и удрали в укрытие. Но это, очевидно, тоже было частью игры, ибо они тут же вылезли обратно. Двое из них возобновили бой за кость, а двое других нырнули в траву в поисках полевков.

Но грызуны, чудом уцелевшие на этом клочке земли, стали, казалось, необыкновенно увертливыми. И после недолгих, довольно небрежных поисков, покопавшись в грязи, волчата бросили охоту и принялись играть друг с другом.

В это время вернулась Ангелина.

Я так увлекся волчатами, что пропустил ее появление, пока неподалеку от себя не услышал ее низкий вой. Все мы — я и волчата — разом повернули головы и увидели Ангелину, стоявшую на краю ущелья. Волчата моментально прекратили игру и, не в силах сдержать волнения, залились пронзительным лаем, а один из них даже встал на короткие задние лапы и в радостном ожидании замахал передними.

Какое-то мгновение Ангелина горделиво любовалась потомством, а затем перепрыгнула через край обрыва и спустилась в ущелье, где ее тотчас окружили волчата. Она обнюхала каждого, кое-кого опрокинула на спину и, только покончив с осмотром, сгорбилась и начала отрывать пищу.

Мне, разумеется, следовало это предвидеть, но я оказался застигнутым врасплох и вначале испугался, что она съела отраву. Ничуть не бывало — после нескольких конвульсивных движений волчица выложила на землю килограммов пять полупереваренного мяса, после чего спокойно отошла в сторону и улеглась, наблюдая за волчатами.

И если подобный способ утренней раздачи мяса вызвал у меня легкую тошноту, то волчат он ничуть не смутил. В едином порыве они с жадностью набросились на еду, в

то время как мать снисходительно взирала на них и даже не пыталась исправить их ужасные манеры.

Завтрак окончен — и ни крошки не осталось на ленч. Волчата где стояли, там и повалились пузом вверх, перемазанные и совершенно не способные ни на какие шалости.

Теплое летнее утро всех разморило. Вскоре бодрствовал я один, впрочем, и мне это давалось нелегко. Я бы видоизменил позу и на что-нибудь оперся, но боялся пошевеливаться: волки совсем рядом, а тишина такая, что до них донесется малейший звук.

Может, и не деликатно упоминать об этом, но у меня в желудке от рождения имеется нечто вроде резонатора. В это трудно поверить, но стоит мне только проголодаться (впрочем, случается, и в сытом состоянии), как эта часть моего организма приобретает самостоятельность и независимо от меня начинает урчать. Я был бессилён с этим бороться, но со временем научился владеть собой и довольно искусно притворялся, будто я тут ни при чем, а звуки, которые люди слышат, исходят вовсе не от меня.

И надо же, чтобы адский барабанщик в глубине моего чрева выбрал самый неподходящий момент для своих штук. Среди утреннего безмолвия, будто отдаленные раскаты грома, по ущелью прокатились рулады.

Ангелина тут же встrepенулась и подняла голову, внимательно прислушиваясь. При новых звуках (несмотря на все мои старания заглушить их!) волчица поднялась на ноги и взглянула на волчат, как бы желая убедиться, что это не они являются виновниками шума, а затем устремила испытывающий взор в безоблачное небо, однако и там не нашла разгадки. Всерьез обеспокоенная, она пыталась установить, откуда идут звуки.

Это оказалось нелегкой задачей — ведь любые звуки в брюшной полости несколько сродни чрево вещанию, мои же — в особенности. Дважды пробежав ущелье из конца в конец, Ангелина не смогла удовлетворить растущего любопытства.

Я никак не мог решить — отступить мне или оставаться на месте в надежде, что мой внутренний оркестр выдохнется сам по себе; но оркестр был по прежнему полон сил и энергии и в доказательство этого издал гул, подобный гулу при землетрясении. И тотчас над кромкой обрыва, в каких-нибудь десяти шагах от меня, показалась голова Ангелины.

Мы молча уставились друг на друга. По крайней мере она не нарушала тишины. Что до меня, то я прилагал к этому все усилия, но не особенно преуспел. Досаднейшее положение: чем дольше я смотрел на волчицу, тем больше восхищался ею; я очень дорожил ее добрым мнением и вовсе не хотел показаться идиотом.

Но независимо от желания я понял, что окончательно погиб.

Внезапное появление волчицы как бы вдохновило музыкантов в моем желудке, и они заиграли с новой силой. Не успел я придумать оправдания, как Ангелина сморщила носи, обнажив в холодной насмешке белоснежные зубы, скрылась из глаз.

Я выскочил из убежища и помчался за ней к краю ущелья, но, разумеется, опоздал даже с извинениями. Презрительный взмах великолепного хвоста — вот и все, что мне удалось увидеть, прежде чем волчица исчезла среди расщелин, которые образовали в дальнем краю ложбины нечто вроде садка. В него-то Ангелина и загнала своих волчат.

Мои наблюдения в палатке продолжались добрую часть июля, но мало что прибавили к уже имеющимся сведениям о волках. Волчата быстро росли и требовали все большего количества пищи. Поэтому Георг, Ангелина и Альберт вынуждены были тратить много времени и сил на охоту вдалеке, а те немногие часы, которые им удавалось провести в логове, они спали непробудным сном - добывание корма для

волчат превратилось в изнурительное занятие. И тем не менее волки по-прежнему продолжали изумлять меня.

Как-то им довелось поймать карибу неподалеку от дома, и этот запас продовольствия позволил им устроить себе кратковременный отдых. Вечером они не пошли, как обычно, на охоту, а остались у логова.

Следующее утро выдалось ясное и теплое; атмосфера сладостного безделья, казалось, охватила всех троих. Ангелина удобно развалилась на скале над летним логовом, а Георг и Альберт спали, вырыв ямки в песке, на гребне вала. Единственным проявлением жизни было изменение позы спящих да порой ленивый взгляд, которым они обводили окрестности.

Около полудня Альберт встал и поплелся к берегу напиться. Там он час или два лениво ловил бычков, а затем направился к покинутому ложу. На полпути он остановился по нужде, но это усилие так его утомило, что он отказался от первоначального намерения добраться до гребня, а растянулся прямо там, где стоял. Голова его опустилась, и вскоре он заснул.

Все эти действия не остались незамеченными. Георг, который лежал, уткнув морду в передние лапы, внимательно наблюдал за тем, как его приятель ловит рыбу. И когда Альберта сморил сон, Георг поднялся, потянулся, широко зевнул и с праздным, беззаботным видом, осторожно ступая, стал подбираться к спящему. Трудно было заподозрить, что у него есть какая-то цель; время от времени он останавливался, обнюхивая кусты и мышинные норы, дважды садился, чтобы почесаться. Однако при этом он ни на минуту не спускал глаз с Альберта и, когда почти вплотную приблизился к нему, резко изменил поведение.

Прижавшись к земле, он, как кошка, начал красться к Альберту с явно недобрым намерением. Напряжение нарастало, я схватил подозрительную трубу, ожидая трагической развязки и лихорадочно гадая, чем вызвана в Георге такая молниеносная перемена. Что это — свидетельство семейной драмы? Или Альберт нарушил волчий закон и теперь должен заплатить за это собственной кровью? Похоже на то.

С величайшей осторожностью Георг подкрадывался все ближе к ничего не подозревавшему волку. Оказавшись шагах в десяти от Альберта, который по-прежнему оставался глух ко всему на свете, Георг поджал задние ноги и после паузы, позволившей ему полностью насладиться моментом, со страшным рычанием взвился в чудовищном прыжке.

Казалось бы, неожиданный удар, нанесенный волком весом свыше семидесяти килограммов, должен был начисто выбить дух из Альберта, но тот еще дышал и даже издал в ответ какой-то звук, до тех пор не числившийся в моем каталоге волчьих криков. Это был высокий, полный ярости и боли, пронзительный рев (мне пришлось как-то слышать нечто подобное в переполненном вагоне метро — так вопила разъяренная дама, которую кто-то ущипнул).

Георг тотчас умчался прочь. Альберт, с трудом поднявшись на ноги, бросился за ним. Началась погоня не на жизнь, а на смерть. Георг взлетел вверх по склону, словно его преследовал цербер. Альберт гнался за ним со зловещей и яростной решимостью.

Оба, напрягая последние силы, то мчались вперед, то кидались назад или в сторону. Когда они пронеслись мимо летнего логова, Ангелина привстала, бросила быстрый взгляд на бегущих и с азартом включилась в погоню. Теперь шансы свелись к двум против одного, не в пользу Георга; ему пришлось положиться на скорость в беге по прямой — он потерял возможность увертываться и поскакал вниз по морене через болото и вдоль берега залива. Там, у самой воды, стояла огромная расколотая надвое скала; Георг с ходу проскочил узкую щель между камнями и свернул так круто, что песок и щебень полетели из под ног; волк обогнул скалу в обратном направлении как раз вовремя, чтобы ударить в бок Ангелине. Не колеблясь ни минуты, он с силой врезался в нее и буквально сбил с ног, заставив метров пять проехать по земле.

Итак, один из преследователей временно вышел из строя, но и сам Георг потерял скорость. Прежде чем ему удалось вырваться вперед, Альберт уже оседлал его, и

оба покатались наземь, сцепившись в яростной схватке. Подоспевшая Ангелина не замедлила ввязаться в драку.

Свалка закончилась так же внезапно, как и началась, волки разошлись, отряхнулись, ткнулись носами, дружно помахали хвостами и рысцой направились к логову, всем своим видом показывая, что славно провели время.

Шутки вроде только что описанной редки среди волков, хотя мне несколько раз приходилось видеть, как Ангелина устраивала засаду Георгу, когда издали замечала, что тот возвращается с охоты. В этих случаях она пряталась, но стоило ему поравняться с ней, выпрыгивала прямо на него. Георг всегда делал вид, что напуган внезапным нападением, но, конечно, это было притворство, ибо он должен был почуять ее присутствие. Как только проходило первое изумление, Ангелина начинала обнюхивать супруга, обнимала его передними лапами, валилась перед ним на землю, подняв задние лапы, или нежно подталкивала плечом. Вся эта картина являла собой интимный ритуал встречи.

В июле же произошло событие, заставившее меня задуматься по-настоящему. Ангелина часто уходила с самцами на охоту, но выпадали ночи, когда она оставалась дома, и вот однажды к ней пожаловали гости.

Было далеко за полночь, я дремал в своей палатке, когда где-то неподалеку, чуть южнее, завыл волк. Это был незнакомый призыв, слегка приглушенный и без вибраций. Полусонный, я взял бинокль и попытался разглядеть двух незнакомых волков — они сидели на мысочке, на моей стороне залива, напротив волчьего логова.

При виде их я окончательно проснулся — мне казалось, что территория любой волчьей семьи священна для других волков. Ангелина была дома, незадолго перед этим я видел, как она вошла в ущелье, и я сгорал от любопытства, как же она отнесется к вторжению.

Я навел бинокль на ложбину (летними ночами, когда здесь царят сумерки, стереотруба хуже бинокля). Ангелина уже стояла у входа, повернувшись в сторону пришельцев. Она была сильно встревожена: голову вытянула вперед, уши насторожила: хвост оттянула назад как сеттер.

Несколько минут волки стояли молча, выжидая, затем один из чужаков нерешительно завыл, как и в первый раз. Ангелина немедленно отреагировала на его призыв. Она начала плавно помахивать хвостом, ее напряженность исчезла, затем волчица выбежала из ущелья и громко залаяла.

Если верить книгам, то волкам (как и ездовым собакам) лаять не полагается; но лай волчицы ничем иным не назовешь. Как только пришельцы его услышали, они побежали по берегу, вокруг залива.

Ангелина встретила их метрах в четырехстах от логова. Стоя неподвижно, она ждала их приближения; в пяти — десяти шагах от нее волки остановились. Разумеется, слышать я ничего не мог, но увидел, как все три хвоста плавно задвигались, и после минутной демонстрации обоюдных симпатий Ангелина осторожно ступила вперед и обнюхала носы чужих волков.

Кем бы ни были пришельцы, встретили их гостеприимно. Едва церемония приветствий закончилась, как все трое побежали к летнему логову. У входа в ущелье один из визитеров начал заигрывать с хозяйкой, и они резвились несколько минут, но были гораздо сдержаннее, чем Ангелина, когда она играла с Гергом, или Георг с Альбертом.

В это время второй волк спокойно спустился в ущелье к волчатам.

К сожалению, я не мог видеть, что там происходило, но, очевидно, ничего такого, что могло бы обеспокоить мать. Во всяком случае, окончив возню, она подошла к входу в ущелье и стала смотреть вниз, пуще прежнего размахивая хвостом.

Чужие волки долго не задержались. Тот, что спустился в ущелье, минут через двадцать вылез обратно; после взаимного обнюхивания носов посетители удалились той же дорогой, по которой пришли.

Ангелина провожала их некоторое время, заигрывая то с одним, то с другим.

И только когда они направились на запад и окончательно скрылись из глаз, она повернула к логову.

Когда я рассказал Утеку о неожиданном визите, он ничуть не удивился, напротив, его поразило мое удивление.

— В конце концов, — ходят же люди друг к другу в гости; что же необыкновенного, если волки тоже навещают друг друга?

Крыть было нечем!

Дискуссию прервал Майк, он попросил меня описать внешность ночных посетителей. Когда я это сделал, он кивнул головой.

Кажется, эти волки из стаи у Скрытой Долины, — сказал он, — в пяти-шести километрах к югу. Я видел их не раз. Две волчицы, волк и несколько волчат. По-моему, одна из волчиц приходится матерью твоей Ангелине, а вторая сестрой. Во всяком случае, осенью они соединяются с твоей стаей и вместе уходят на юг.

Я помолчал несколько минут, взвешивая сказанное, а затем спросил:

— Если только у одной из волчиц есть пара, то другая должна быть старой девой; которая же из них, как по-вашему?

Майк устремил на меня долгий задумчивый взгляд.

— Послушай, — сказал он, — ты собираешься убраться из этой страны и уехать домой, а? По-моему, ты и так слишком долго здесь пробыл.

18

В середине июля я твердо решил: довольно пассивных наблюдений, пора приступить к изучению охотничьей деятельности волков по-настоящему.

Столь благое намерение отчасти объяснялось тем, что под грудой грязных носков, скопившихся за неделю, я наткнулся на давным-давно затерянный оперативный приказ.

Откровенно говоря, я почти совсем забыл не только о приказе, но и о самой Оттаве, а когда вновь перелистал строгие и детальные инструкции, то понял, что повинен в невыполнении служебного долга.

Приказ ясно гласил: первейшая моя задача — провести перепись поголовья и изучить размещение волков, что в свою очередь должно сопровождаться подробными исследованиями взаимоотношений между волком и карибу, то есть между хищником и добычей. Это означало, что наблюдения за поведением и общественными инстинктами волков решительно выходили за рамки порученной мне работы. Поэтому в одно прекрасное утро я свернул палатку, упаковал стереотрубу и закрыл наблюдательный пункт. На другой день мы с Утеком погрузили лагерное снаряжение в каноэ и поплыли на север длительный рейс по водным просторам тундры.

В течение нескольких недель мы прошли сотни километров и собрали множество данных относительно численности и размещения волков; попутно накопился и другой обширный материал, хотя и не предусмотренный заданиями министерства, но тем не менее представляющий немалый интерес.

Согласно полуофициальным данным, полученным от трапперов и торговцев, поголовье волков Киватина составляет примерно тридцати тысяч. Даже при моих весьма скромных математических познаниях нетрудно подсчитать, что в среднем на каждые пятнадцать квадратных километров приходится один волк.

Если учесть, что одна треть тундры покрыта водой, а другую треть занимают бесплодные скалистые холмы и хребты, на которых не могут жить ни карибу, ни волки, ни большинство других животных, то плотность возрастает примерно до одного волка на каждые пять квадратных километров.

Пожалуй, многовато. Будь это в действительности так, нам с Утеком пришлось бы туго.

К огорчению теоретиков, мы обнаружили, что волки широко рассеяны по тундре. Обычно они селятся семьями, причем каждая семья занимает территорию двести

пятьдесят — восемьсот квадратных километров. Следует, однако, заметить, что подобное рассредоточение не отличается единообразием. Так, например, в одном месте мы встретили две семьи волков, логова которых отстояли друг от друга всего на каких-нибудь восемьсот метров.

А однажды на моренной гряде близ реки Казан Утек наткнулся сразу на три семьи, причем у всех были волчата; их логова разделяли несколько шагов. С другой стороны, мы три дня плыли по реке Тлевиаза, по местности, которая казалась настоящим волчьим царством, и ни разу не видели ни следа, ни помета, ни клочка волчьей шерсти.

Крайне неохотно, понимая, что этим не завоюю авторитета у нанимателей, я был вынужден скостить поголовье волков до трех тысяч, но и эта цифра, вероятно, сильно завышена.

Мы встречали волчьи семейства самых различных размеров: от одной пары взрослых и десяти детенышей. Поскольку во всех случаях, кроме одного, налицо оказались "лишние" волки, а сам я был бессилён выяснить их статус в семье (и мог лишь пристрелить их), то не оставалось ничего иного, как вновь обратиться к Утеку.

Как сообщил Утек, самки волков становятся половозрелыми в двухлетнем возрасте, а самцы с трех лет. До получения способности размножаться большинство молодняка остается при родителях, но, даже достигнув брачного возраста, многие не могут обзавестись семьей из-за недостатка свободных участков. Это значит — не хватает охотничьих угодий, позволяющих обеспечить каждую волчицу всем необходимым для выращивания потомства.

При избытке волков "производительная способность" тундры оказывается недостаточной, то есть численность животных, служащих объектом их охоты, быстро сокращается, а это означает голод и для самих волков. Поэтому подходящего участка тундры многие взрослые волки на долгие годы обрекают себя на безбрачие. К счастью, период обостренного полового влечения у волков весьма недолго (всего около трех недель в году), поэтому "холостяки" и "старые девы" не особенно страдают от сексуальной неудовлетворенности.

Кроме того, их потребность в домашнем уюте, компании взрослых и волчат отчасти получает удовлетворение благодаря общинному характеру семейных групп. Утек даже предлагает, что некоторые особи предпочитают положение "дядюшки" или "тетушки" — оно дает им радости, связанные с семейной жизнью, и в то же время не возлагает ответственности, которая падает на родителей.

Старые волки, особенно те, кто потерял свою пару, обычно сохраняют вдовство.

Утек припомнил волка, с которым ему пришлось встречаться на протяжении шестнадцати лет.

Первые шесть лет волк ежегодно был отцом приплода. На седьмую зиму его подруга исчезла (возможно, была отравлена охотниками, которые в погоне за премиями пришли с юга). Весной волк вернулся в свое старое логово. Но хотя в нем и в этом сезоне ос выводок волчат, они принадлежали другой паре — вероятно, полагал Утек, сыну вдовца и его подруге. Во всяком случае, весь остаток своей жизни старый волк провел в логове "третьим" "лишним", но продолжал участвовать в заботах по воспитанию волчат.

Численность волков зависит не только от ограниченности пригодных для жизни участков, но и от особого природного механизма, контролирующего рождаемость. Поэтому, когда виды животных, которые служат им пищей, встречаются в изобилии (или самих волков мало), волчицы рожают помногу, в некоторых случаях по восьми волчат. Но если наблюдается "избыток" волков или не хватает корма, количество волчат помете сокращается до одного или двух. Это справедливо и в отношении других представителей арктической фауны, таких, например, как мохноногие канюки. В годы, "урожайные" на мелких грызунов, несут по пять или шесть яиц; когда же полевок и леммингов мало, они кладут лишь одно яйцо, а то и вовсе не несутся.

Но если даже перечисленные контролирующие факторы не срабатывают, эпизоотии служат гарантией того, которое сможет прокормиться. В тех редких случаях, когда

общее равновесие нарушается (часто в результате вмешательства человека) или животных становится чересчур много, а пища скудная и недоедание переходит в настоящий голод, волки начинают вырождаться физически. Среди них то и дело вспыхивают опустошающие поветрия, такие, как бешенство, собачья чума, чесотка, и тогда их поголовье быстро сокращается до минимума, едва обеспечивающего воспроизводство.

На севере Канады лемминги представлены разновидностью, отличающейся цикличностью размножения, причем наиболее "урожайным" оказывается каждый четвертый год, за которым следует падение численности зверьков почти до полного их исчезновения. На 1946 год пришлось самая низкая точка цикла. К тому же по случайному совпадению, и без того резко изменило вековым путям миграции, и основная масса оленей обошла стороной юг и центральную часть района. Наступило время бедствий для эскимосов, песцов и волков. В тундру пришел страшный голод. Латентный вирус бешенства дал вспышку среди голодающих песцов, заболевание перекинулось и на волков.

Нужно сказать, что взбесившиеся животные не "сходят с ума" в буквальном смысле слова. Поражается нервная система, поступки становятся сумасбродными, возникает постоянное стремление куда-то бежать, исчезает спасательное чувство страха. Бешеные волки слепо натываются на мчащиеся поезда и автомобили; они могут случайно затесаться в гущу ездовых собак, и в результате их разрывают на куски; нередко бешеный волк забегает на улицу поселка

Как-то волк, больной и умирающий (дело происходило во время эпизоотии 1946 года), забежал в Черчилл. Первым на него наткнулся капрал канадской армии, возвращавшийся из пивного бара в казарму. Согласно рапорту храброго вояки, на него набросился гигантский волк, и ему едва удалось спастись бегством. Пробежав добрых два километра, он скрылся под кровом караульного помещения. Правда, капрал не мог продемонстрировать физических доказательств выдержанного испытания, но психическая травма была, несомненно, глубокой. Поднятая тревога вызвала в лагере панику, близкую к истерике. На борьбу с волком были двинуты американские и канадские воинские подразделения. Отряды людей, вооруженных винтовками и электрическими фонариками, с выражением непреклонности на лицах прочесывали окрестности; они были готовы отразить угрозу, которая за несколько часов успела разрастись до нескольких стай голодных волков.

Во время переполоха было убито и ранено одиннадцать ездовых собак; пострадали также американский капрал и индеец из племени чиппевеев, которые поздно возвращались домой. Все они понесли урон не от волка, а от самих стражей порядка. Двое суток дети и женщины не выходили из дому. Военный лагерь как бы вымер; ординарцы — которых посылали с поручениями, отправлялись хорошо вооруженные, на джипах или вовсе отказывались выходить из помещения.

Волка удалось обнаружить с небольшого военного самолета, приданного частям, которые проводили облаву. В указанное место был послан эскадрон конной полиции. Но волк оказался... кокер-спаниелем, принадлежащим управляющему отделением Компании Гудзонова залива.

Паника прекратилась только на третий день. Уже под вечер водитель шеститонного армейского грузовика, возвращающийся в лагерь из аэропорта, заметил впереди на дороге что-то мохнатое. Он нажал на тормоза, но слишком поздно: волк, который совсем ослабел и не мог даже ползти, был раздавлен.

Интересны последствия. И поныне можно встретить жителей Черчилла (а также изрядное количество солдат, разбросанных по всему континенту), которые охотно, со всеми подробностями опишут вам нашествие волков на их город в 1946 году.

Они поведают об ужасах, которые им пришлось лично пережить, об искусанных женщинах и детях, о собачьих упряжках, изорванных в клочья, и о целом городке, выдержавшем ужасную осаду.

Несколько недель, проведенных в плавании по рекам равнины, показались нам сущим раем. Почти все время стояла чудесная погода; бескрайние просторы, полная свобода и дикая, беспорядочная жизнь, которую мы вели, - все наполняло нас бодростью.

Попадая в новые места, на территорию, занятую какой-нибудь волчьей семьей, мы всякий раз останавливались лагерем и не ограничивали себя временем — вели самые подробные исследования, необходимые для достаточно близкого знакомства со всей группой волков. Несмотря на необъятность и безлюдье, мы совершенно не чувствовали одиночества — рядом с нами всегда были карибу. Олени, сопровождаемые стаями серебристых чаек и ворон, оживляли пейзаж.

Эта страна принадлежала оленям, волкам, птицам и мелким зверькам. Мы двое — всего лишь случайные, незваные и маловажные гости. Человек никогда не занимал в тундре господствующего положения. Даже эскимосы, чьей территорией когда-то являлись Бесплодные земли, жили в согласии с природой. Теперь в центральной части тундры эскимосы исчезли. Горстка людей, едва насчитывающая сорок душ — к ним принадлежал и Утек, — вот все, что осталось от народа, некогда заселявшего внутреннюю часть страны. Ныне эта крохотная группка совсем затерялась в бескрайней суровой пустыне.

За все время человеческие существа встретились нам один единственный раз. Как-то утром, в самом начале путешествия, мы огибали излучину реки. Вдруг Утек поднял весло и закричал. Впереди, на береговой косе, показался приземистый чум из оленьих шкур. На зов Утека из него вывалились двое мужчин, женщина и трое мальчиков-подростков; все они подбежали к самой воде, нам навстречу.

Мы причалили, и Утек представил меня одной из семей своего племени. Всю вторую половину дня мы распивали чай, сплетничали, смеялись и пели, а также съели гору вареной оленины. Когда мы ложились спать, Утек объяснил, что мужчины, мои новые знакомцы, разбили здесь лагерь в надежде подстеречь карибу, которые обычно переплывают реку в узком месте, километрах в восьми отсюда, ниже по течению. На одноместных гребных каяках, вооруженные только короткими острыми копьями, эскимосы надеялись добыть на переправе такое количество нагульных оленей, чтобы мяса хватило на всю зиму. Утек страшно хотелось участвовать в охоте, и он начал уговаривать меня остаться на несколько дней, с тем чтобы помочь друзьям.

Я не возражал, и на следующее утро три эскимоса ушли, оставив меня наслаждаться великолепием августовского дня.

Сезон несносных комаров кончился. Жарко, ни ветерка. Я решил воспользоваться погодой — поплавать и позагорать, а то моя кожа стала до неприличия бледной. Отойдя на несколько сотен метров от эскимосского становища (ибо стыдливость — последний из пороков цивилизации, который человек отбрасывает в пустыне), я разделся и искупался, потом взобрался на ближнюю грядку, улегся и стал принимать солнечную ванну.

Подобно волкам, я время от времени поднимал голову и осматривался. Около полудня я вдруг увидел волков — они пересекали гребень следующей гряды, к северу от меня.

Всего три волка — один белый, два других почти черные, очень редкой окраски. Все трое — матерые звери; но один из черных поменьше ростом и изящнее других — вероятно, волчица.

Да, положение весьма пикантное... Моя одежда осталась на берегу довольно далеко отсюда, на мне были только резиновые туфли и бинокль. Если побежать за одеждой, то след волков будет безвозвратно потерян. А, подумал я, кому нужна одежда в такой день? Тем временем волки скрылись за гребнем, и, схватив бинокль, я бросился за ними вдогонку.

Местность вокруг представляла собой настоящий лабиринт из невысоких гряд, разделенных узкими, покрытыми травой низинами; на низинах, медленно продвигаясь на юг, паслись олени. Лучшей обстановки не придумать: с гребня мне будет удобно следить, как волки пересекают низины, одну за другой, а чуть скроются

за очередной грядой, можно без опаски следовать за ними. И так до следующей гряды, пока я не окажусь достаточно высоко, чтобы спокойно наблюдать, как волки пересекают долину.

Вспотев от волнения и затраченных усилий, я одолел первую гряду и уже предвкушал драматическую сцену: вот сейчас волки внезапно нападут на ничего не подозревающих оленей там, внизу, и я увижу борьбу не на жизнь, а на смерть.

Но то, что я увидел, привело меня в полнейшее замешательство: моему изумленному взору предстала поистине идиллическая картина. В долине паслись небольшими группами около полусотни оленей-быков. Волки шествовали мимо них с таким видом, словно олени интересовали их не больше, чем камни. Карибу, в свою очередь, видимо, и не подозревали об опасности. Создавалось впечатление, будто это не волки и их желанная добыча, а собаки, пасущие домашний скот.

Невероятно — стая волков, окруженная оленями! При этом как один, так и другие ничуть не волнуются.

Не веря собственным глазам, я увидел, как волки рысцой пробежали метрах в пятидесяти от пары лежащих оленят, беспечно жующих жвачку. Оленята повернули голову и лениво следили за волками, но даже не удосужились встать на ноги, а их челюсти не прекратили работу. Какое презрение к волкам!

Но представьте себе мое изумление, когда в погоне за волками, которые поднялись по склону и скрылись, я попал в ту же долину — два самых апатичных олененка, которые только что с таким безразличием отнеслись к волкам, тотчас вскочили на ноги и уставились на меня широко раскрытыми от удивления глазами. Когда я пробежал мимо, они выставили головы вперед, испуганно фыркнули, повернулись на задних копытах и умчались галопом, будто за ними гнался сам черт. Но это же несправедливо — так испугаться меня и спокойно относиться к волкам! Правда, я постарался утешить себя мыслью, что их паника вызвана непривычным зрелищем: белый человек, на котором надеты только туфли да бинокль, сломя голову летит по тундре!

За следующим валом я едва не наскочил на волков. Они собрались в кучку на противоположном склоне и, видимо, совещались, при этом они усердно обнюхивали носы друг друга и махали хвостами. Я растянулся плашмя за камнями и замер в ожидании. Вскоре белый волк снова двинулся в путь, а остальные последовали за ним. Они не спешили и, прежде чем спуститься в долину, где паслось несколько десятков оленей, немало покрутились по склону. Временами то один из них, то другой останавливался, принюхивался к кочке мха или отбегал в сторону, ведя разведку. Когда же они наконец спустились, то рассыпались в цепь с интервалами в сотню шагов и в таком порядке рысью побежали вдоль низины.

На появление волков реагировали только те олени, которые оказались непосредственно перед фронтом наступления. Стоило волкам приблизиться к ним на расстояние пятидесяти — шестидесяти метров, как олени я фырканием поднимались на дыбы и отскакивали в сторону. Те, что похрабрее, затем поворачивали обратно и с любопытством смотрели на проходящих волков, однако большинство, не удостоив волков и взглядом, снова принимались за пастьбу.

За час волки, а с ними и я, прошли не менее шести километров в непосредственной близости от четырехсот оленей, и во всех случаях реакция карибу была неизменной: полнейшее безразличие, пока волки далеко, некоторый интерес, когда они подходят совсем близко, и отступление, если столкновение кажется неизбежным. Ни панического бегства, ни страха!

До сих пор нам встречались преимущественно быки, но вскоре стало попадаться много важенок и однолеток, и вот тут-то поведение волков резко изменилось.

Один из них выгнал теленка из зарослей ивняка, тот выскочил на открытое место в каких-нибудь двадцати шагах от волка; волк на мгновение замер, а затем кинулся за олененком. У меня учащенно забилось сердце; сейчас я наконец увижу, как волк режет оленя.

Не тут-то было. Волк жал изо всех сил, но не смог выиграть в скорости; пробежав с полусотни метров, он прекратил погоню, затрусил обратно и присоединился к товарищам.

Я не верил своим глазам: по всем законам олененок обречен и должен погибнуть, если хоть десятая доля репутации волков ими действительно заслужена!

Однако на протяжении последующего часа волки предпринимали по меньшей мере двенадцать атак против телят-одиночек, против важенки с теленком, а то и против целых групп важенок и однолеток, и каждый раз преследование прекращалось, едва успев начаться.

Меня охватило сильнейшее раздражение — я пробежал десяток километров по тундре и совершенно вымотался не для того, чтобы полюбоваться, как свора волков валяет дурака!

Когда (в который раз!) волки оставили долину и побрели через гряды, я воинственно двинулся следом. Уж не знаю, что я в тот момент намеревался сделать — возможно, сам хотел добыть оленя, чтобы показать этим неучам, как это делается.

Как бы то ни было, преисполненный отваги, я перемахнул через гребень и попал прямо к волкам.

Они, по всей вероятности, остановились перевести дух, и мое неожиданное появление было подобно разорвавшейся бомбе. Волки бросились врассыпную. Прижав уши и вытянув хвосты трубой, они мчались, насмерть перепуганные. Их панический бег сквозь разрозненные стада оленей вызвал ответную реакцию. Массовая паника, которую я ожидал весь день, охватила теперь по-настоящему перепуганных животных. Только (мне с горечью пришлось констатировать этот факт) устрашили их не волки — их напугал я.

Конечно, с меня хватит, и я решительно повернул к дому. Когда до становища оставалось несколько километров, я заметил бегущих навстречу людей. Это была эскимоска и три мальчугана. Они были чем-то крайне взволнованы. Все кричали, женщина размахивала тяжелым костяным ножом, а ее сыновья потрясали копьями для охоты на оленей и ножами для снятия шкур.

Я в растерянности остановился. И тут до меня впервые дошел весь трагикомизм моего положения — я был не только безоружен, но и абсолютно наг. Где уж тут отразить атаку! А атака казалась неотвратимой, хотя я понятия не имел, что могло привести эскимосов в такое бешенство. Но, как говорится, осторожность — лучшая доблесть, и я из последних сил устремился вперед, стараясь во что бы то ни стало обойти эскимосов. Это мне удалось, но они продолжали преследование и не отставали от меня почти всю дорогу до лагеря.

Там я наскоро влез в брюки, схватил винтовку и приготовился дорого продать свою жизнь. К счастью, Утек и остальные мужчины вернулись как раз в тот момент, когда разъяренная женщина со своей дьявольской командой устремилась на меня; сражение было предотвращено.

Когда страсти улеглись, Утек рассказал, из-за чего разгорелся весь сыр-бор. Один мальчуган, собирая ягоды, неожиданно увидел, как я, голый, скачу по холмам вслед за волками. С круглыми от изумления глазами он поспешил к матери и рассказал о необыкновенном явлении. Она, эта храбрая душа, решила, что я не иначе как сошел с ума (эскимосы вообще считают, что все белые весьма близки к этому) и собираюсь безоружный, в голом виде напасть на стаю волков. Кликнув свой выводок и вооружившись чем попало, она помчалась на выручку. До конца нашего пребывания в становище добрая женщина относилась ко мне с такой заботой, смешанной с опаской, что я почувствовал безмерное облегчение, когда распрощался с ней.

Не очень-то меня позабавило и замечание Утека, когда мы поплыли вниз по реке и маленькое становище скрылось из виду.

— Очень жаль, — мрачно сказал он, — что ты снял штаны. По моему, в штанах ты бы ей больше понравился.

Меня крайне заинтересовало совершенно необъяснимое поведение стаи волков на охоте за карибу возле эскимосского становища. И я по обыкновению спросил об этом Утека. В своей терпеливой, мягкой манере он еще раз попытался наставить меня на путь истинный.

Прежде всего, объяснил он, здоровый взрослый олень легко обгоняет волка; даже трехнедельный теленок способен обскакать почти любого волка, разве что за исключением самого быстрого. Карибу это отлично знают и в нормальных условиях не боятся волков. Волки тоже все прекрасно понимают и, будучи очень смышленными, редко пытаются догнать здорового карибу — они заранее уверены, что такое занятие окажется бессмысленной тратой сил.

Вместо этого, рассказал Утек, волки предпринимают систематическую проверку состояния оленей, с тем чтобы выявить неполноценных. В больших стадах такого рода испытания сводятся к тому, что волки вспугивают оленей и гонят их достаточно долго, стараясь определить больных, раненых или вообще слабых животных. Коль скоро такой инвалид обнаружен — все волки устремляются за ним, стремясь зарезать. Если же в стаде не удалось выявить слабых, преследование прекращается и волки пробуют счастья в другом стаде.

В тех случаях, когда олени встречаются довольно редко, хищники используют иной прием: несколько волков сообща гонят небольшое стадо карибу в засаду, где их поджидают другие волки из той же стаи. Если же попадаются олени-одиночки, волки применяют своеобразную эстафету, иными словами, один волк гонит оленя по направлению к другому волку, находящемуся на некотором расстоянии, а тот в свою очередь продолжает преследование. Оба эти приема во многом сводят на нет упомянутые преимущества в беге, тем не менее жертвами волков, как правило, оказываются все же наименее крепкие и выносливые олени.

Я же тебе говорил, — пояснил Утек, — карибу кормят волков, а волки делают карибу сильными. Кабы не волки, карибу совсем вымерли бы от болезней.

Утек утверждал, что, убив оленя, волки прекращают охоту, пока не кончится все мясо и голод не заставит их снова приняться за дело. Признаться, эти его слова были для меня совершенной новостью — ведь я, как и все другие, привык считать, что волки не только способны поймать почти любое живое существо, но, движимые ненасытной кровожадностью, убивают все находящееся в пределах достижимого.

Все волчьи охоты, которые мне впоследствии довелось наблюдать, как правило, проходили по тому же образцу, что и первая из увиденных. Картина выглядит так: волки (числом от одного до восьми) рысцой трусят между рассредоточенными группами оленей, которые будто и не подозревают о присутствии своих "смертельных врагов". Время от времени волк (а иногда два-три волка) выходит из цепи наступающих и делает неожиданный бросок в сторону ближайшего оленя, а тот выжидает, когда противник окажется в сотне метров, и затем, презрительно вскинув голову, спокойно скачет прочь. Волк останавливается и смотрит ему вслед. Если олень бежит резво, следовательно, находится в хорошем состоянии, хищник поворачивает обратно.

Такого рода испытания ведутся волками систематизировано. Мне вскоре удалось выяснить принятую систему отбора. В самом деле, волки чрезвычайно редко обременяют себя "выбраковкой" стад сытых взрослых быков, которые в это время года находятся в наилучшей форме — все лето они только и делали, что ели и спали. Волки не трогают их не потому, что быки — опасные противники (к слову сказать, их раскидистые рога — никуда не годное оружие), просто они не в состоянии догнать оленей и великолепно об этом знают.

Гораздо больший интерес для волков представляют смешанные стада, состоящие из важенок с телятами, ибо процент раненых, уродливых и болезненных особей, разумеется, гораздо выше среди молодняка, еще не прошедшего сурового естественного отбора.

Излюбленной мишенью для волчьей проверки являются также группы старых быков и яловых важенок. Случается, что ослабевший перестарок замешается в середину

стада превосходных, сильных оленей, но волков не обманешь, они знают карибу как самих себя и непременно его заметят, а затем начнут, на мой взгляд совершенно безнадежную, проверку здорового и полного энергии стада.

Молодняк они обычно испытывают упорнее, чем взрослых оленей, — иногда волк преследует однолетка на расстоянии до трехсот метров, но если на этой дистанции молодой олень не обнаружит признаков слабости или усталости, погоня прекращается.

Я обратил внимание, что волки вообще очень экономно затрачивают усилия, и по-моему, поступают в высшей степени мудро — ведь процесс отбраковки иногда длится часами, прежде чем волки встретят достаточно слабого оленя, которого есть надежда поймать.

Когда многократные попытки увенчаются успехом и такой олень наконец обнаружен, охота вступает в новую фазу. Атакующий волк, не задумываясь, пускает в ход всю энергию, которую приберегал в течение длительного поиска, и на невероятной скорости бросается в погоню за добычей. В случае удачи он вплотную приближается к стремительно скачущему оленю. Жертва, охваченная паникой, начинает делать отчаянные зигзаги, что, по-моему, просто глупо, так как позволяет волку срезать углы и быстрее достичь цели.

Впреки еще одному догмату из широко распространенного мифа о волках мне ни разу не приходилось видеть, чтобы волк подрезал оленю поджилки. На самом деле все происходит так. Напрягая последние силы, волк постепенно обходит карибу и прыгает ему на плечо. Обычно толчка достаточно, чтобы олень упал; прежде чем ему удастся вскочить, волк успевает схватить его сзади за шею и прижать к земле; при этом он всячески уклоняется от бешено машущих копыт — одного их удара достаточно, чтобы пробить грудную клетку волка.

Смерть наступает мгновенно и обычно бывает бескровной; я сомневаюсь, чтобы олени страдали больше, чем свиньи, которых забивают люди для собственного потребления.

В отличие от человека волк никогда не убивает ради забавы. Поймать и убить крупное животное ему нелегко. Случается, он охотится всю ночь напролет, пробежит около сотни километров по тундре, прежде чем добьется успеха (если вообще сумеет добыться). Это его дело, его жизнь, и стоит ему добыть достаточное количество мяса для себя самого и своей семьи, как он предпочитает остальное время посвятить отдыху, дружеским встречам с сородичами или играм.

О "кровожадности" волков слагают легенды. Но я не знаю ни одного веского доказательства в пользу того, что волки режут больше оленей, чем могут съесть. Напротив, зимой, убив оленя, они посещают свою "кладовую" до тех пор, пока со скелета не сдерут последний кусок мяса. Если в тундре много чаек, ворон, песцов и других любителей поживиться падалью, волки нередко расчленивают тушу убитого животного и прячут в разных местах подальше от места поимки. В летние месяцы, когда все семейство, включая волчат, вольно скитается по тундре, волки становятся лагерем у каждого добытого оленя, пока не уничтожат его полностью.

От шестидесяти семи убитых волками карибу, которых я обследовал уже после того, как волки съели все, что могли, в основном остались лишь кости, связки, шерсть и отбросы. В большинстве случаев крупные кости также были разгрызаны и из них высосан костный мозг. А иногда даже череп оказывался вскрытым — грандиозная задача для волка.

Но интересно: в подавляющем большинстве даже эти весьма скромные останки позволяли судить о перенесенных оленями болезнях или повреждениях. Чаще всего наблюдались деформации костей черепа, вызванные некрозом. Стертые зубы свидетельствовали о принадлежности к старым и, следовательно, слабым животным. Свежеубитые олени туши, которые можно было бы исследовать еще целыми, встречались редко; но иногда мне удавалось оказаться на месте почти в самый момент умерщвления оленя волками, и я с редким нахальством прогонял законных хозяев.

Они довольно робко, хотя и неохотно, удалялись. И вот что я обнаружил: некоторые убитые олени оказались настолько зараженными паразитами (наружными и внутренними), что так или иначе должны были подохнуть в ближайшее время.

По мере того как бежали недели и лето близилось к концу, я все больше убеждался в справедливости слов Утека. Лично мне было совершенно ясно, что в жизни оленей волки играют первостепенную роль, способствуя скорее сохранению оленьего поголовья, нежели его уничтожению, однако поверят ли в это мои наниматели? Да, чтобы их убедить, требовались незыблемые доводы, предпочтительно доказательства материального характера.

С этой целью я начал собирать паразитов, которых находил на зарезанных волками карибу. Утек по обыкновению живо заинтересовался этой новой стороной моей деятельности, но радовался он недолго.

На всем протяжении истории соплеменники Утека питались почти исключительно олениной, причем преимущественно сырой или недоваренной (что объясняется нехваткой топлива для костров). Сам Утек был вскормлен на оленьем мясе, которое предварительно прожевывала для него мать; это была основная пища с тех пор, эскимос считал мясо даром провидения, и ему не приходило в голову критическим оком взглянуть на "хлеб насущный". Когда же он увидел, что я извлекаю из тела карибу тысячи глистов и цист различных видов, то несказанно удивился.

Как-то утром Утек хмуро следил за тем, как я вскрываю старого оленя, особенно сильно зараженного паразитами. Я всегда старался подробно объяснить ему, чем занимаюсь. И сейчас, как мне показалось, было самое время ознакомить его с основами паразитологии. Я извлек из печени карибу пузырь цисты размером с мяч для игры в гольф и объяснил, что это инертная стадия солитера; если его яйца будут съедены плотоядным животным, они постепенно превратятся в сегментированных паразитов длиной около десяти метров, которые "аккуратно" свернутся в клубок где-нибудь в кишечнике нового хозяина.

Утеку сделалось не по себе.

— Ты хочешь сказать, когда это съест волк? — с надеждой спросил он.

— Наак, — ответил я, щеголяя своим знанием эскимосского языка, — не только волк, но и песец, и даже человек. Солитер разовьется в любом из них, хотя в человеке, пожалуй, несколько хуже.

Утек вздрогнул и поскреб живот, будто почувствовал болезненное ощущение в этом месте.

— К счастью, я не люблю печенку, — с облегчением вздохнул он, уцепившись за этот спасительный факт.

— Ну, глисты в теле карибу встречаются повсюду, — сказал я с энтузиазмом эксперта, просвещающего профана. — Смотри. Видишь точки в мясе огузка? Белые люди называют такое мясо "финнозным". Это покоящаяся форма другого паразитического червя. Правда, я не знаю, развивается ли он в человеке. Но вот такие — и я ловко извлек из рассеченного легкого нитевидные нематоды длиной свыше двадцати сантиметров каждая, — такие встречаются и у людей; они способны удушить человека.

Утек зашелся в припадке кашля, и его кирпичное лицо побледнело.

— Довольно, — взмолился он, — замолчи! Я сейчас же вернусь в лагерь и стану думать о других вещах, пока не позабуду все сказанное тобой. Нет, ты недобрый! Ведь если это правда, то мне остается только питаться рыбой, как выдре, или умереть с голоду. Но, может, это только шутка белого человека?

Я деланно рассмеялся.

— Еема, Утек. Ну, конечно, я пошутил. Это только шутка. А теперь ступай в лагерь и приготовь на ужин бифштексы. Только, — я не смог удержаться от невольной мольбы, — прожарь их как следует!

В середине сентября выгоревшая тундра угрюмо побурела; лишь там, где раньше заморозки тронули низкие ягодники, ее оживлял красновато-коричневый оттенок.

Болотистые пастбища вокруг Волчьего Дома покрылись сетью свежих троп, проложенных идущими на юг стадами карibu, и жизненный уклад волков изменился.

Волчата покинули летнее логовище, и хотя еще не могли сопровождать Ангелину и двух самцов на большую охоту, но уже принимали участие в ближних вылазках.

Они начали познавать мир, и эти осенние месяцы были счастливейшими в их жизни.

Когда мы с Утеком возвратились домой после путешествия по центральной тундре, то обнаружили, что наша семья волков бродит широко по своему участку и проводит дни там, где увлечется охотой.

В меру своих сил и возможностей я делил с ними бродячую жизнь и безмерно наслаждался. Комары исчезли. По ночам иногда подмораживало, но дни стояли теплые и ясные.

В один из таких ласковых, солнечных деньков я направился на север от оза, вдоль гряды холмов, которые возвышались над обширной долиной. Долина была богата кормами и служила оленям излюбленной магистралью, ведущей на юг.

На белесом небе тучей сажки висели вороныи стаи, сопровождающие стада оленей. Выводки тундрянок-куропаток кричали в зарослях стелющегося кустарника. Стайки морянок, готовых к дальнему перелету, бороздили озерца тундры.

В долине подо мной медленно катился поток карibu — стадо за стадом. Продолжая пастись, они безумно двигались на юг: их направлял инстинкт, более древний, чем наши познания.

В нескольких километрах от оза, где находилось волчье логово, мне посчастливилось найти нишу на вершине утеса, и я устроился весьма удобно: спиной уперся в шероховатую, нагретую солнцем скалу, колени подтянул к подбородку и навел бинокль на живой поток в низу в надежде увидеть волков.

И я не обманулся в своих ожиданиях. Около полудня на гребне поперечной гряды, чуть к северу от меня, появились два волка. Через некоторое время к ним присоединились еще два взрослых волка и четверо волчат. После обычного ритуала — прыжков, взаимного обнюхивания и помахивания хвостами, большинство волков улеглось, но некоторые продолжали сидеть и лениво наблюдали за оленями, которые двигались по обеим сторонам долины, в нескольких сотнях шагов от волков.

Я сразу узнал Ангелину и Георга. Что же касается другой пары волков, то один из них смахивал на дядюшку Альберта, а другого — стройного темно-серого зверя — мне прежде не доводилось встречать. Я так и не узнал, кто он и откуда, но до конца моего пребывания в тундре он неизменно оставался в стае.

Среди волков, точнее, среди всего живого вокруг, включая оленей и меня самого, только Георг проявлял некоторую активность. В то время как остальные блаженно грелись на солнышке, Георг неутомимо сновал взад-вперед по гребню хребта. Разок-другой он останавливался перед Ангелиной, но та не обращала на него никакого внимания и только лениво помахивала хвостом.

Сквозь дремоту я заметил, как на склон гряды, где отдыхали волки, поднялась важенка — очевидно, наткнулась на участок, густо поросший лишайником. Она, несомненно, видела волков, но продолжала двигаться в их направлении и вскоре оказалась метрах в двадцати от одного из волчат. Волчонок, внимательно следивший за ней, поднялся на ноги и, к моему великому удовольствию, стыдливо оглянулся через плечо на остальных волков, а затем, повернувшись, пополз к ним с поджатым хвостом.

Даже Георг, этот матерый хищник, который медленно приближался к важенке, вытянув нос принюхиваясь, не смог нарушить ее безмятежного спокойствия. И только когда он, оскорбленные в своих лучших чувствах, сделал ложный выпад в ее сторону, важенка высоко вскинула голову, повернулась на задних ногах и галопом помчалась в долину — скорее возмущенная, нежели испуганная.

Время шло, живой поток продолжал двигаться, и я уже потерял всякую надежду назахватывающее зрелище — видимо, придется удовлетвориться коротенькой

интермедией, разыгранной между волком и важенькой; очевидно, волки сыты и наслаждаются послеобеденной сиестой. Но я ошибся — Георг что-то задумал.

Он в третий раз подошел к Ангелине, лениво разлегшейся на боку, и на этот раз не принял отказа. Право, не знаю, что уж он ей сказал, но, верно, что-то дельное — волчица поднялась, отряхнулась и послушно двинулась за ним. А Георг тем временем направился к другой паре — Альберту и Незнакомцу — и принялся их обнюхивать. Выслушав его предложение, те в свою очередь поднялись на ноги. Волчата, всегда готовые принять участие в любом мероприятии, с восторгом присоединились к взрослым. Встав в круг, вся стая подняла морды и завывала — точно-точно, как они это делали у логова перед ночной охотой.

По правде говоря, меня удивило, что они готовятся к охоте так рано, среди белого дня, но, пожалуй, больше всего меня поразило, что олени никак не отреагировали на волчий хор. Лишь некоторые из них лениво подняли головы и равнодушно взглянули в сторону волков, а затем снова принялись за мировую пастьбу. Я не успел осмыслить происходящее, как Ангелина, Альберт и Незнакомец убежали, оставив волчат сидеть рядком на самом гребне; прямо перед ними расположился Георг. Один из волчат кинулся было вслед за волками, но Георг двинулся на него, и тот поспешно вернулся на место.

С юга тянул слабый ветер, и трое волков тесной кучкой пошли ему навстречу. В долине они побежали рысцой, растянувшись цепью и неторопливо минуя группы мирно пасущихся карибу. Оленей по обыкновению это ничуть не встревожило, ни один из них не отбежал в сторону — разве только когда возникла прямая угроза столкновения.

Волки в свою очередь не обращали внимания на оленей и равнодушно пробегали мимо небольших табунков, среди которых было немало однолеток. Они не тронули никакого, а целеустремленно продолжали свой путь и вскоре оказались почти против моей ниши. Тут Ангелина остановилась и села, остальные последовали ее примеру. Вновь началось обнюхивание, затем волчица встала и повернулась к гребню, где все еще маячили волчата и Георг.

Между двумя группами волков оказались по крайней мере сотни две оленей, к тому же из-за восточного отрога поперечного хребта непрерывно подходили новые стада. Волчица охватила их всех внимательным взглядом и вместе с компаньонами двинулась дальше. Развернувшись в одну линию, с интервалом в двести — триста метров, так что захватили почти всю долину, волки побежали на север.

Они не очень спешили, но в их маневре появилась целеустремленность, которую олени разгадали; впрочем, возможно, такое построение волков просто-напросто мешало оленям использовать свою привычную тактику - отбегать в сторону. Так или иначе, но стадо за стадом поворачивало на север, и в конце концов большинство оленей двинулись обратно той дорогой, по которой пришли. Оленям не нравилось, что их куда-то гонят, и несколько стад пытались прорвать линию наступления, но каждый раз два ближайших волка сходились к непокорным и заставляли их идти на север. Однако трем волкам было не под силу контролировать всю долину; олени вскоре сообразили, что можно прорваться на открытых флангах и продолжать движение на юг. И все же, когда волки приблизились к гряде, где их ждала группа Георга, они гнали перед собой не менее ста оленей.

Теперь карибу по-настоящему забеспокоились. Почти сплошная живая масса распалась на небольшие стада, которые галопом помчались в разные стороны. Группа за группой уходила в сторону, а волки даже не пытались этому воспрепятствовать. Как только преследователи проскакивали мимо какого-нибудь стада, карибу останавливались и выжидали момент, чтобы возобновить прерванный бег на юг.

Я начал понимать замысел волков. Они сконцентрировали все свое внимание на небольшом стаде, состоящем из десятка важенок и семи однолеток. Любая попытка стада свернуть влево или вправо немедленно пересекалась. Олени вскоре вынуждены были отказаться от маневрирования и положились на свою быстроту,

стремясь уйти от преследователей на прямой. И это им, очевидно, удалось бы, но когда они пронеслись мимо ивняка, что рос в конце гряды, с фланга ударили волки. Из-за дальности расстояния не все удалось разобрать, но я разглядел Георга, который гнался за важенкой с двумя телятами. Вот он настиг их и вдруг свернул в сторону. За ними словно серые пули летели двое волчат. Они кинулись за ближайшим олененком, но тот начал быстро увертываться. Один из волчат, стремясь срезать угол, поскользнулся и покатился кубарем, но тут же вскочил и продолжил погоню.

Остальные волчата замешкались между оленями, и я понял, что там произошло; когда же стадо во весь карьер помчалось дальше, волчата неслись за ним по пятам, но не выдержали темпа и отстали.

Отбившись от стада олененок тоже начал уходить от погони. Все четыре волчонка продолжали бежать изо всех сил, хотя догнать оленей уже не было ни малейшего шанса.

Ну, а что же взрослые волки? Когда я обернулся и навел бинокль, то увидел Георга — он стоял на том же месте, где я видел его в последний раз; медленно поводя хвостом, он следил за охотой. Тем временем остальные волки поднялись на гряды. Альберт и Незнакомец тут же улеглись, но Ангелина продолжала наблюдать за бегущими оленями.

Волчата вернулись только через полчаса. Они так устали, что едва взобрались на гребень к старшим, которые теперь лежали спокойно и отдыхали. Волчата, тяжело дыша, плюхнулись рядом, но никто из взрослых не обратил на них ни малейшего внимания.

На сегодня занятия в школе были окончены.

22

Сентябрь сменился октябрём, морозные ночи сковали болота, покрыли льдом озера, но я с удовольствием проводил все время в тундре, продолжая вести псевдоволчий образ жизни. Однако мне не хватало свободы волков - меня призывали в избушку Майка будни исследовательской работы. Увы, следуя теории (моей собственной, но не моих работодателей), что все время нужно посвящать наблюдениям за жизнью и повадками волков, я пренебрег бесчисленными побочными исследованиями, предписанными Оттавой. Теперь, когда времени оставалось в обрез, я почувствовал, что должен (хотя бы для проформы) как-то угодить начальству.

Помимо непосредственных заданий, мне вменялось в обязанность проводить ботанические наблюдения: во-первых, собрать гербарий местной флоры; во-вторых, исследовать плотность растительного покрова и определить процентное отношение входящих в него различных растений и, в-третьих, произвести качественный анализ их состава и питательной ценности (с точки зрения оленей).

Времени на все это не осталось, и в качестве компромисса я взялся за исследования плотности покрова.

Обычно для этого пользуются кругом Раункиера — инструментом, придуманным не иначе как самим дьяволом. С виду это невинная вещица, обыкновенный металлический обруч; но на деле это дьявольский механизм, предназначенный сводить с ума нормальных людей. Пользуются им так: нужно встать на открытом участке болота, закрыть глаза, повернуться несколько раз, словно волчок, и бросить круг как можно дальше. Вся эта сложная процедура, якобы обеспечивающая бросок "наугад", на самом деле неизбежно приводила к тому, что я каждый раз терял круг и тратил уйму времени на его поиски.

Но это еще полбеда. Настоящая беда начиналась, как только он отыскивался. Я, видите ли, должен был собрать все, даже самые крошечные растения, попавшие в пределы этого заколдованного круга, определить, что это за растения, и установить количество видов, а затем подсчитать общее число растений каждого вида.

Кажется просто? Отнюдь. Все растения в тундре мелкие, иногда почти микроскопические. Первая же попытка стоила мне доброй половины дня, сильного перенапряжения зрения и приступа люмбаго — таков результат многочасовой работы, которую пришлось выполнять с пинцетом в руках, скорчившись над обручем. На первых порах мне удалось уговорить Утека от намерения сопровождать меня в эти экспедиции, — я просто был бессилён объяснить ему цель проводимых работ. Тем не менее на третий день моих мучений он внезапно появился на ближайшей гряде и радостно устремился ко мне. Я приветствовал его весьма сухо — сердечность не входит в число моих добродетелей — и, с трудом выпрямившись, произвел очередной бросок. Эскимос наблюдал за мной с большим интересом.

Но я устал, был расстроен, выбился из сил, и поэтому круг отлетел недалеко.

— Швианак! Плоховато. — пренебрежительно заметил Утек.

— Будь оно проклято! — вспылал я. — Посмотрим, сможешь ли ты кинуть лучше.

Видимо, сам ангел-хранитель подсказал мне этот спасительный вызов. Утек снисходительно усмехнулся, сбегал за обручем, поднял его, затем отвел руку, словно метатель диска, и бросил. Круг взлетел, подобно вспугнутой куропатке, сверкнул в лучах солнца, достигнув вершины своей траектории, плавно опустился над ближайшим тундровым озерком, почти без всплеска врезался в воду и исчез.

Утек был сражен неудачей. Лицо его вытянулось, он ждал взрыва моего гнева. Бьюсь об заклад, добрый малый так и не понял, почему я заключил его в объятия и принялся весело отплясывать с ним джигу. Затем мы вернулись в избушку и вдвоем распили последнюю драгоценную бутылку "Волчьего коктейля". Но, несомненно, этот случай укрепил Утека во внимании, что пути белого человека поистине неисповедимы.

После того как с изучением флоры было неволью покончено, передо мной встала следующая неприятная задача — завершить исследования волчьих экскрементов.

Поскольку в Оттаве скатологии придавали исключительно важное значение, мне было предписано уделить часть времени на сбор и анализ волчьего кала. Не скажу, чтобы я был поглощён этим занятием, но, бродя по тундре, я при случае не оставлял помет без внимания. С помощью длинных хирургических щипцов я собирал его в небольшие брезентовые мешочки и на каждый вешал ярлык с указанием места и времени сбора кала. Мешочки эти хранились в избушке, под моей койкой; к концу сентября удалось собрать такую внушительную, что из-за недостатка места образцы сыпались на пол и растаскивались по всей избушке.

По различным причинам я откладывал анализ находок; не последним поводом для этого послужило присутствие Утека и Майка — я мысленно представил себе, какую физиономию они скорчат, когда узнают, чем я занимаюсь. Поэтому сборы кала я постарался всячески засекретить; Майк и Утек могли, разумеется, заинтересоваться содержимым мешочков, но были слишком деликатны (а возможно, попросту боялись моего ответа — мало ли что я мог сказать) и не спрашивали меня ни о чем. Несмотря на то что они притерпелись к неприятным сторонам моей профессии, мне не хотелось быть излишне бесцеремонным, и я все откладывал анализы, пока одним октябрьским утром они не ушли вдвоем охотиться на карибу, предоставив лагерь в мое единоличное распоряжение. Я воспользовался этим и взялся за выполнение малоприятного задания. От долгого хранения собранный помет стал твердым как камень, и прежде чем приступить к обработке, его требовалось размочить. Поэтому я перетащил мешочки на берег реки и сложив в два оцинкованных ведра, залил водой. Пока они размокали, я приготовил инструменты, блокноты и прочее снаряжение и разложил все на большом плоском камне, пригреваемом солнцем и обдуваемом ветерком. Мне казалось, что предстоящую работу лучше всего проводить на воздухе. Теперь оставалось только надеть противогаз. Да, да, я не обмолвился, именно противогаз. Меня снабдили не только противогазом, но и ящиком слезоточивых гранат — с их помощью я должен выгонять волков из логова, чтобы пристрелить, когда мне понадобятся образцы для анатомирования. Но само собой разумеется, так низко я ни разу не пал, даже когда еще не успел узнать волков и не подружился с

ними. Гранаты я давным давно утопил в ближайшем озере, но противогаз сохранил, так как он за мной числился. И вот предмет, долгое время бывший обузой, теперь пригодился — ведь иногда в волчьем кале содержатся яйца исключительно опасного паразита: стоит им попасть в организм человека (случайно при входе), как там из них развиваются мельчайшие личинки, которые попадают в мозг и инцистируются, обычно с роковым исходом для человека.

Убедившись, что первая порция кала размокла, я напялил маску, выложил помет на белое эмалированное блюдо, позаимствованное в хозяйстве Майка, и принялся орудовать щипцами и скальпелем. С помощью лупы я определял составные части и результаты и заносил в записную книжку.

Процесс был весьма трудоемкий, но любопытный. И вскоре я так погрузился в работу, что совершенно погрузился в работу, что совершенно позабыл обо всем окружающем.

Когда же часа через два я с трудом выпрямился, чтобы размяться, и случайно глянул в сторону избушки, то неожиданно увидел перед собой человек двенадцать незнакомых эскимосов, которые с выражением несказанного удивления и испуга уставились на меня.

Ну и положение! Я пришел в такое замешательство, что совершенно позабыл о противогазе с его хоботом и стеклянными выпученными глазами и попытался приветствовать незнакомцев. Но мой голос, пройдя через прессованный уголь и резиновую трубку, прозвучал глухо и печально, словно ветер над могилой, и это окончательно повергло эскимосов в ужас. Стремясь исправить положение, я поспешно сорвал маску и шагнул вперед, но эскимосы с четкостью, сделавшей бы честь любому слаженному опереточному кордебалету, быстро отступили и продолжали издали глядеть на меня с диким изумлением.

Отчаянно пытаясь показать свои добрые намерения, я заулыбался во весь рот и оскалил зубы, что было принято за дьявольскую усмешку. Гости отступили еще на два шага, некоторые из них с опаской перевели взгляд на блестящий скальпель, зажатый в моей правой руке.

Они явно готовились к бегству. Мне едва удалось спасти положение. Вспомнив соответствующие иниуитские [Эскимосы называют себя иниуитами, что на их родном языке означает "люди"] слова, я выпалил нечто вроде официального приветствия. После долгой паузы один из эскимосов собрался с духом и робко ответил: постепенно они перестали смотреть на меня словно выводок цыплят на гремучую змею.

Правда, оживленной беседы не получилось, но из последовавшего высокопарного разговора выяснилось: эти люди — часть племени Утека, они провели все лето далеко на востоке и только что вернулись в родное становище, где им рассказали о странном белом человеке, который поселился в избушке Майка. Тогда они решили взглянуть на необыкновенного чужестранца собственными глазами, но все ранее услышанное не шло ни в какое сравнение с тем, что им довелось увидеть.

Во время разговора я заметил, что кое-кто из ребятишек и взрослых украдкой бросает взгляд на ведра с пометом и на эмалированное блюдо, заваленное шерстью и костями полевок. У всякого другого народа это могло быть проявлением праздного любопытства, но я уже достаточно долго прожил среди эскимосов и научился понимать их мысли, даже весьма уклончивые. Проявленный ими интерес я воспринял как тонкий намек на то, что после долгого пути они не прочь попить чайку и закусить.

В отсутствие Майка я остался за хозяина; памятуя, что гостеприимство — высшая добродетель на Севере, я пригласил эскимосов на ужин к себе в избушку. Они, по-видимому, все поняли, приняли предложение и оставили меня заканчивать анализ последней кучки помета, а сами поднялись на соседнюю гряду, чтобы разбить там походный лагерь.

Результаты анализов оказались очень интересными. Примерно на 48 процентов помет содержал остатки грызунов, преимущественно зубы (резцы) и шерсть.

Остальные определимые пищевые остатки включали кусочки костей и шерсть оленей, немного птичьих перьев, и, как ни странно, — медную пуговицу, сильно пострадавшую от действия желудочного сока, но сохранившую изображение якоря и каната (такие обычно носят служащие торгового флота). Не представляю, каким образом пуговица могла закончить свой путь там, где оказалась, но, разумеется, ее никак нельзя считать вещественным доказательством того, что волк сожрал какого-то заблудившегося матроса. [Достоверных сведений о гибели людей, съеденных волками, на Канадском Севере не существует, но соблазн обвинить последних и в этом временами оказывается почти непреодолимым.]

Я тщательно вымыл ведра и наполнил их чистой водой, которая потребуется, чтобы приготовить несколько галлонов чая. За это процедурой серьезно наблюдали два маленьких эскимосских мальчугана. Когда я с ведрами зашагал к избушке, они помчались на грядку с великой новостью, которой им, видимо, не терпелось поделиться со взрослыми; их энтузиазм вызвал у меня улыбку.

Однако мое веселое настроение вскоре улетучилось. Через три часа ужин был готов (он состоял из рыбных тефтелей по-полинезийски с кисло-сладким соусом собственного изобретения), а гости не показывались. Стемнело, и я начал беспокоиться, не произошло ли какого недоразумения относительно времени ужина. В конце концов я надел парку, взял электрический фонарик и пошел на поиски эскимосов.

Я их не нашел. Чтобы не томить читателя, скажу сразу: никогда в жизни я их больше не встречал. Место стоянки было покинуто, а люди исчезли, будто их поглотила тундра.

Меня это очень озадачило и, по правде, немного обидело. На следующий день вернулся Утек, и я рассказал ему всю историю и потребовал объяснения. Он задал множество вопросов о ведрах, помете и других вещах, по-моему, не имевших ровно никакого отношения к происходившему. В результате он обманул мои ожидания — впервые за все время нашего знакомства. Он заявил, что сейчас просто не может объяснить, почему мое радушие так грубо отвергли... Он не объяснил этого и позже.

23

Приближалось время расставания с Волчьим Домом — не потому, что мне этого хотелось, но потому, что так или иначе волки скоро уйдут отсюда на свои зимние картины.

В конце октября, когда зима вступила в свои права на открытой тундре, карибу устремились в чужой, но защищенный от ветра мир лесов. И куда бы ни шли, волки следовали за ними, потому что, когда мороз скует бескрайние голые равнины, там больше нечего есть.

С начала ноября до апреля волки и олени странствуют совместно по редкой тайге, состоящей из низкорослых елей и сосен и лежащей севернее границы леса. В годы изобилия зайцев волки охотятся главным образом на них, но всегда предпочитают держаться рядом с оленями — ведь только карибу могут спасти их в случае голода.

Обычно каждая волчья семья держится обособленно, однако не редкость, если два, а то и три семейства объединяются в стаю. По-моему, здесь нет твердых правил, и каждая стая может в любое время распасться на составные части. Однако существует граница максимальной численности. Зимняя охота требует совместных дружных действий нескольких волков — иначе успеха не будет; но если охотников слишком много, то добытого мяса на всех не хватит. Пять — десять волков — вот идеальный размер стаи.

По видимому, зимой не существует закрепленных территорий, и каждая группа охотится, где и как ей заблагорассудится. Когда встречаются две стаи, они приветствуют друг друга и после взаимных приветствий расходятся по своим путям-дорогам.

Сосредоточенность стай в одном месте — случай весьма редкий. Но я так и не сумел выяснить, как они ухитряются держаться разрозненно и тем самым избегают опасности скопления в районах, где мало пищи. Индейцы из племени чипевеев утверждают, будто волки достигают этого посредством пахучих меток: они оставляют эти своеобразные весточки на всех видных местах, камнях или деревьях, вокруг озер и вдоль проторенных троп. Факт остается фактом: зимой кочующие стаи волков следуют за такими же кочующими стадами оленей и не наступают друг другу на пятки (если только сильный голод не опустошит землю).

Для тундровых волков зима — время смерти.

В лесах они подвергаются дружному, умелому и свирепому нападению человека. Трапперы терпеть не могут волков не только как конкурентов в охоте за оленями, но и потому, что волки выводят из строя целые линии ловушек, захлопывают легкие капканы, поставленные на лисиц и песцов, а сами благополучно уходят. Кроме того, большинство белых охотников боится волков, некоторые испытывают буквально смертельный страх, а, как известно, ничто так не возбуждает в человеке ненависть, как страх.

Своими действиями федеральное правительство и власти в провинциях усугубляют эту злобу: устанавливают премии от десяти до тридцати долларов за каждого убитого волка. В годы низких цен на песцов и другую пушнину эти премии превращаются по существу в субсидии, выплачиваемые трапперам и торговцам пушниной.

Сколько сказано и написано об оленях, убиваемых человеком! В первом случае ложь получает широкую и официальную поддержку, во втором — правда замалчивается. А между тем в первую зиму моих исследований один траппер, промышляющий на границе между Манитобой и Киватином, получил премии за уничтожение ставосемнадцати волков, из которых сто семь были молодняком, родившимся минувшей весной. По закону он должен был поймать их капканами или взять на ружье. Фактически же (так поступали и поступают все, пользуясь попустительством властей) он просто разбросал на огромном пространстве тундры невероятное количество приманок со стрихнином, в результате чего почти все песцы, лисицы, россомахи и более мелкие хищники были уничтожены. Но это неважно, песьцы в тот год ничего не стояли. Зато за каждого убитого волка выплачивалась премия в двадцать долларов!

Волчьи капканы и отравы — основные средства истребления волков, но существуют и другие, широко применяемые способы. К их числу относится охота с самолета, популярная среди спортсменов с высокоразвитым чувством гражданского долга — они готовы служить обществу, жертвуя своим временем и деньгами ради уничтожения хищников. Экипаж самолета, идущего на значительной высоте, внимательно высматривает волков на открытых местах, предпочтительно на льду озера. Обнаружив волка, самолет снижается и упорно гонит зверя до тех пор, пока тот в изнеможении не упадет; иногда зверь умирает, раньше чем в него влепят заряд картечи.

Но мне известен случай, когда такой способ охоты не принес желанного успеха. Два джентельмена вылетели на собственном спортивном самолете, чтобы помочь миру избавиться от опасных хищников. В прошлые разы (а они охотились так не в первые) они убивали помногу, а пилот стал почти виртуозом — он научился летать так низко, что почти касался волков лыжами самолета. Однако на сей раз он подлетел слишком близко. Загнанный волк повернулся, высоко подпрыгнул и вцепился в одну из лыж. Он погиб в последовавшей катастрофе, но вместе с ним погибли и охотники. Этот трагический случай был описан в популярнейшем спортивном журнале как пример коварства волков и безграничного мужества людей, идущих с ними на бой. Это, конечно, классический прием: когда бы люди бездумно ни убивали живое существо (это относится и к человеку), они стремятся всячески оправдать свои действия и приписывают жертвам все мыслимые пороки. И чем меньше поводов для убийства, тем шире кампания, направленная на поношение убитого.

В Броше (северная Манитоба), куда я переехал с залива Волчьего Дома на свою зимнюю базу, население было в высшей степени предубежденно против волков. Местные ревнители охоты с огорчением обрисовали мне создавшееся положение: еще каких-нибудь двадцать лет назад жители города убивали за зиму до пятидесяти тысяч оленей, а сейчас они счастливы, если удастца добыть хотя бы две-три тысячи. Карибу осталось мало, они буквально становятся музейной редкостью, и по единодушному мнению всех, в этом повинны волки. Я пытался им возразить, ссылаясь на то, что волки резали оленей задолго до появления в Броше белых людей, и тем не менее поголовье их не сокращалось. Но собеседники обычно либо пропускали этот довод мимо ушей, либо, наоборот, приходили в совершенное неистовство.

Как-то в начале зимы ко мне в страшнейшем ажиотаже ворвался торговец пушниной. — Ну вот что, — вызывающе заявил он, — вы тут разоряетесь, будто нужно еще доказать, что волки истребляют стада. Так запрягайте собак и отправляйтесь на озеро Фишдак. Вы получите доказательства! Не прошло и часа, как мой траппер видел там пятьдесят оленей, зарезанных волками, причем едва ли тронут хотя бы кусочек мяса!

Сказано — сделано, и к концу дня в сопровождении индейца из племени кри я добрался до озера. Перед нами открылась картина отвратительной бойни: на льду валялись трупы двадцати трех карибу; снег вокруг превратился в темно-красную кровавую кашу.

Траппер оказался прав, трупы действительно не были тронуты. Если не считать небольших повреждений, нанесенных песьцами, кукшами и воронами, все убитые животные были целы, за исключением трех. У двух быков отсутствовали головы, а у важеньки не хватало задней части.

К сожалению, это никак не могло служить "доказательством" работы волков. Волчьих следов на озере не было. Но зато имелись другие: четкие тройные полосы, прочерченные лыжами и хвостовым костью самолета, который во все стороны рулил по льду и оставил на снегу сеть пересекающихся извилистых линий.

Олени не были зарезаны волками, их застрелили; на некоторых трупах виднелось по несколько огнестрельных ран. Один олень пробежал сотню метров, волоча по льду кишки, которые вывалились от раны в животе. У многих животных пулями были перебиты конечности или кости.

Объяснить трагедию оказалось делом несложным. Два года назад местные власти решили, что северные олени — неотразимая приманка для богатых американцев, любителей охотничьих трофеев.

Управление по туризму разработало специальную программу полного обслуживания сафари. Группы спортсменов, заплативших по тысяче долларов каждый, отправлялись в субарктические районы, иногда на правительственных самолетах, где им были гарантированы первоклассные олени рога.

Во время зимовки в лесотундре карибу обычно пасутся в лесу на заре и в сумерках, а светлое время дня проводят на льду озер. Поэтому пилоту охотничьего самолета остается только выбрать озеро, на котором отдыхает большое стадо карибу, и, полетав низко над ним, согнать оленей в тесную, кружащуюся на месте кучу. Затем самолет идет на посадку, и, не выключая моторов, начинает рулить по льду вокруг обезумевшего от страха стада, не давая ему прорваться. Через открытые двери и иллюминаторы охотники ведут беглый огонь, пока не настреляют достаточное количество оленей, из которых можно будет выбрать действительно отличные трофеи. Они считают, что, что коль скоро увеселительная прогулка стоит бешеных денег, им принадлежит незыблемое право добиваться успеха любой ценой. Остается предположить, что соответствующие правительственные органы вполне разделяют такую точку зрения.

По окончании стрельбы убитых оленей осматривают, и каждый охотник выбирает себе лучшую голову — полученная лицензия дает право "на отстрел только одного оленя". Любители оленины (если таковые окажутся среди охотников) отрезают

задние ноги у нескольких карибу, а туши бросают на льду. Самолет берет курс на юг, и через два дня спортсмены победителями возвращаются домой.

Мой проводник-индеец прошлую зиму работал гидом и видел, как творятся такого рода дела. Они доставляли ему удовольствия, но он хорошо знал положение индейцев в мире белых и понимал, что лучше помалкивать.

Я оказался наивнее. На следующий день я подробно радировал куда следует о случившемся. Ответа не последовало, если не считать того, что власти провинции спустя несколько недель увеличили премию за каждого убитого волка до двадцати долларов.

24

Выбраться залива Волчьего Дома на юг, в Броше, было весьма сложно, но эта задача неожиданно решилась благополучно. Как-то утром Утек ворвался в избушку и объявил, что видел самолет. Действительно, к востоку от нас над тундрой лениво кружил "Норсмен" на поплавках.

Я уже давно потерял надежду, что пилот, который в свое время доставил меня к заливу Волчьего Дома, когда-нибудь вернется за мной, поэтому появление самолета привело меня в сильное волнение. Вспомнив о генераторах дыма, которыми меня предусмотрительно снабдили в Оттаве я кинулся за ними. К моему удивлению, они работали. Мощная спираль густого черного дыма поднялась высоко в небо, и "Норсмен", который успел скрыться на западе, вернулся и теперь держал курс на мой сигнальный столб.

Он сел в заливе, и я на каноэ отправился к летчику, узколицему бесстрастному молодому человеку, усердно жуящему резинку. Ему было что мне порассказать. После того как долгие месяцы от меня не было вестей, мое ведомство не на шутку встревожилось: нет не только отчетов о волках, но и казенное снаряжение стоимостью около четырех тысяч долларов кануло в безмолвной пустыне. Положение не из приятных — стоит какому-нибудь дотошному представителю оппозиции об этом узнать, и он может раздуть дело и поставить вопрос в палате общин. А перспектива обвинения в халатном отношении к общественному имуществу — пугало, преследующее любое государственное учреждение.

Поэтому Королевская конная полиция Канады получила строгое предписание отыскать меня, но нити оказались ничтожно малыми. Пилот, доставивший меня в тундру, пропал без вести во время полета над районом реки Маккензи, и так как полиция не нашла никаких его следов, то, естественно, не смогла установить, куда он девал меня. После длительных поисков удалось выяснить, что в Черчилле ходят слухи, будто я являюсь тайным агентом, посланным со шпионскими заданиями на русские плавучие базы на полюсе. Полиция так и донесла в Оттаву, добавив, что подобные шутки ей не по душе: впредь, когда министерству потребуется что-нибудь отыскать, лучше говорить обо всем прямо и чесно.

Летчик, который сел в тундре по моему сигналу, не был участником розысков, а занимался геологической разведкой и обнаружил меня совершенно случайно. Тем не менее он согласился отвезти на базу сообщение, которым министерство будет уведомлено, где находится государственное имущество, с добрым советом немедленно прислать самолет для его вывоза, пока реки и озера еще не замерзли.

С помощью Майка летчик подвел самолет к берегу, чтобы залить баки горючим из запасных бочек, находящихся в фюзеляже. А я тем временем, стремясь закончить некоторые недоделки, отправился на оз, к логову волков. Для завершения исследований жизни волчьей семьи мне оставалось выяснить еще ряд вопросов. По вполне понятным причинам я не мог провести таких обмеров, пока логово было занято, а затем у меня оказалось слишком много работы, и я просто не успел за это взяться. Теперь, когда время поджимало, пришлось поторопиться.

Я побежал через тундру к логову и был от него примерно в километре, как вдруг позади послышался громоподобный рев. Это было так неожиданно, что я невольно

бросился на мох. "Норсмен" пролетел надо мной в каких-нибудь пятнадцати метрах от земли! Самолет весело качнул крыльями, посылая прощальный привет, и взмыл над гребнем волчьего оза, подняв пропеллером целое облако песка. Я поднялся, стараясь унять сердцебиение, и недобрым словом помянул весельчака.

На песчаном валу, у логова, как я и ожидал, волков не оказалось (да и не могло быть после трюка, выкинутого пилотом!). У входа в нору я снял толстые штаны, китель и свитер, взял электрический фонарик (батарейки в нем почти окончательно сели), а также мерную ленту и с трудом полез вниз по узкому наклонному туннелю. Фонарик горел так тускло, что при его красноватом свете едва можно было различить цифры на мерной ленте. Я прополз меньше трех метров, опускаясь под углом в сорок пять градусов. Рот и глаза наполнились песком, и я начал страдать от приступа клаустрофобии, так как проход едва вмещал меня.

На трехметровой отметке ход круто повернул под прямым углом влево. Я направил фонарик в новом направлении и нажал кнопку. Под тусклым лучом впереди во мраке вспыхнули четыре зеленых огонька.

При виде их я буквально застыл на месте а в голове забилась страшная мысль; в логове, помимо меня, находятся по крайней мере два волка!

И хотя, казалось, я был весьма близко знаком с волчьим семейством, в сложившейся ситуации бессмысленные, но, увы, прочно укоренившиеся предрассудки решительно взяли верх над разумом и опытом. Короче я так испугался, что просто остолбенел. Оружия при мне не было, кроме того, в этой тесной темнице я мог действовать только одной рукой, чтобы отразить нападение. А что волки должны напасть, у меня сомнений не вызывало, ведь даже суслик яростно защищаться, когда его прижмут в угол норы.

Волки даже не заворчали.

Если бы не две пары неярко горящих глаз, можно было подумать, что их тут вовсе нет.

Состояние временного паралича начало проходить, и, несмотря на холодный день, я весь покрылся потом. В порыве безрассудной храбрости я сунул фонарик как можно дальше вперед, насколько позволяла рука.

Света едва хватило, чтобы я мог узнать Ангелину и одного из волчат. Они тесно прижались к задней стенке логова и сидели неподвижно, точно мертвые.

К этому времени я вышел из шокового состояния, и инстинкт самосохранения вступил в силу. С быстротой, на какую только был способен, я пополз обратно, вверх по наклонному ходу, все время ожидая, что волки меня схватят. Но мне удалось благополучно добраться до выхода и выкарабкаться наружу, а волки все еще не подавали ни малейших признаков жизни.

Я сел на камень, трясущимися руками достал сигарету и закурил — как бы доказывая самому себе, что раз я курю, значит, не трушу. И тут меня охватила слепая ярость. Ей-богу, будь у меня винтовка, я мог бы поддаться животному инстинкту и убить обоих волков!

Сигарета догорела. С севера, где мрачнело свинцовое небо, подул ветер. Меня снова затрясло, на сей раз от холода, и не от злости. Гнев прошел, и я попытался в нем разобраться. Да, моя ярость была вызвана обидой, родившейся из страха: обидой на зверей, которые возбудили во мне неприкрытый ужас и тем самым нестерпимо оскорбили мое человеческое достоинство.

Но подумать только, как быстро я все забыл, с какой готовностью отрекся от того, что за лето жизнь с волками позволила узнать о них..... и о себе самом! Я подумал об Ангелине и волчонке, прижавшихся друг к другу в глубине логова, где они искали убежища от грохота самолета, и мне стало стыдно.

Где-то на востоке завыл волк, негромко, вопрошающе. Я сразу узнал голос, слышанный много-много раз. Это Георг взывал в пустыне и ждал ответа от исчезнувших близких. Но для меня голос зверя говорил об утерянном мире, который некогда был и нашим, пока мы, люди, не выбрали иной путь; чтобы в конечном итоге быть изгнанным самим собой.

 [В начало](#)

| [Содержание](#) | [Биография](#) | [Фотоальбом](#) | [Книги](#) | [Животные-герои](#) | [Фонд](#) | [Библиотека](#) | [Ссылки](#) | [Форум](#) | [Гостевая книга](#) |

© 2003 [Камиль Зиганшин](#) (кругосветные путешествия, книги о старовеерах, защита диких животных, фотографии дикой природы, писатель натуралист).

AB Weddings [свадьба Уфа](#)

"Лидер Поиска" - поисковое [продвижение сайтов](#) в Уфе.